

漫步在巴黎街道上的沉思—

街道地方副詞的探討

蔣之英/ Chih-ying Chiang

大葉大學歐洲語文學系 助理教授

Department of European Languages, Dayeh University

【摘要】

法文的街名在作地方副詞時，用法特殊，它們「不需要任何介系詞的引導」，就可以在句子中行使副詞的功能。在語言學界，探討地方介系詞的研究不勝枚舉，但是據筆者的瞭解，至今尚未有學者解釋街道名稱「不需要介系詞引導」的特殊現象。本文主旨在證實，其實法文的街道名在作地方副詞時，不是「不需要介系詞的引導」，而是引導它的介系詞隱藏在語言的深層結構中。

【關鍵詞】

介系詞、地方副詞、法文語言學、法語教學

【Abstract】

In French, street names used as adverbial phrases show some characteristics that other types of place-names do not show, *i.e.* their use (as adverbial phrase) do not require a preposition. Lots of linguistic researches deal with preposition of place but as far as I know, there is none on the material absence of a preposition prior street names (as adverbial phrase). This study will analyze the structure of street names as adverbial phrases as to offer an explanation on this specific phenomenon in the French language.

【Keywords】

preposition, adverbial phrase, French linguistics, French Foreign Language

壹、緒論¹

一、研究緣起

法文的地方名詞，不論是專有名詞（如：*France, Paris*, 等）或一般名詞（如：*café, chambre*, 等），在句子中作地方副詞時，必須由介系詞引導。介系詞和表地方的名詞詞組（*syntagme nominal*, 如：*France, Paris, le café, la chambre*）結合後，形成一個介系詞詞組（*syntagme prépositionnel*）²，方能作為表地方的副詞³，例如：

- (1) *Je vais en France.*
Je vais à Paris.
Je vais au café.
Je vais dans la chambre.

可是在法文中卻存在著一類地方名稱，它們的用法和其他地方名詞有明顯的不同，即它們「不需要任何介系詞的引導」⁴，就可以在句子中行使副詞的功能：

- (2) *Je vais avenue Charles de Gaule.*
Je vais boulevard Saint Germain.
Je vais rue de Rennes.

¹ 筆者在此特別感謝所有接受回答本篇論文相關問卷的法國友人、同事及學生，特別是 Jean-Claude Anscombe, Hélène Brun-Cottan, Joëlle Cailleaux, Jérôme Lanche, Henri Gentilhomme, Monique Lee, Françoise Metzger, Catherine Nambride, Françoise de Sesmaisons 以及 Claire Saillard。他們對問卷相關問題的回答，提供給本文寶貴的分析資料。

² 以法文句法學的觀點而言，介系詞詞組是由核心原素介系詞（縮寫為 Prép）和一個名詞詞組構成，此公式記錄為 SP → Prép + SN。而名詞詞組則是由核心原素名詞（縮寫為 N）構成，有時該名詞需要冠詞（縮寫為 Art）的引導，此時記錄為 SN → Art + N；有時該名詞不需要冠詞的引導，此時記錄為 SN → N。

³ 在文法學中，傳統上我們將 *ici, là, là-bas, quelque part, partout, en, y* 等詞，定義為地方副詞（*adverbes de lieu*，參 *Le bon usage*, §968 或 *Grammaire Larousse du français contemporain*, §621），其實地方副詞可以有較廣義的定義：« On peut élargir la notion d’adverbe et désigner par ce terme tous les syntagmes prépositionnels susceptibles d’être mis en correspondance avec où ? » (A. Borillo (1998 : 2)) 在這樣的定義之下，*en France, à Paris, au café, dans la chambre* 皆可視為地方副詞。

⁴ 在本文現階段，我們暫時以「不需要任何介系詞引導」這樣的描述，介紹這類地方名稱。

Je vais place d'Italie.

Je vais square Saint Amour.

Avenue Charles de Gaule, boulevard Saint Germain, rue de Rennes, place d'Italie, square Saint Amour 等，都是街道或廣場名稱，我們統稱它們為「街名」、「路名」或「街道名」⁵。

為何法文的街道名在作地方副詞時，它們的用法和其他地方名詞不同？目前國內外編寫的法文教科書，對街道名上述特殊的用法，未有任何解說。然而，此用法在初級教材中即已出現（參*Connexions I*中第 77 頁、第 91 頁及*Latitudes 1*中第 41 頁、第 86-87 頁），由此可見屬於基礎法文中（A1 等級）的常用用法。但根據我們平時教學的觀察及所回收的問卷顯示，大學主修法文的三、四年級學生在遇到街道名稱時，因為受到了其他地方名詞的影響，幾乎全機械性地在它們前面加上一個介系詞，所產生的句子，不是不合文法的句子⁶，就是與上下文不合、有爭議的句子⁷。在此，就以街道名中的 *rue* 為例，列舉問卷中的兩個題目為例：

(3)	(Dans le bus) <i>On est où, là ?</i>	
a.	<i>On est rue de Rennes.</i>	5.41%
b.	* <i>On est à la rue de Rennes.</i>	40.54%
c.	? <i>On est dans la rue de Rennes.</i>	54.05%
(4)	<i>Où vas-tu ?</i>	
a.	<i>Je vais rue de Rennes.</i>	8.11%
b.	* <i>Je vais à la rue de Rennes.</i>	91.89%
c.	? <i>Je vais dans la rue de Rennes.</i>	0%

前文提及法文的街道名可以用 *avenue, boulevard, rue, place*, 等命名，因篇幅有限，本文的分析僅以最常用的 *rue* 為例。

⁵ 其實法國的街道名，又可細分為二：odonymie routière（如：*nationale 6, départementale 12*）和 odonymie urbaine（如：*rue de l'Ouest*），前者相當於我們的國道名或省道名，後者則相當於我們的城、鄉、鎮中的街名，參 B. Bosredon & I. Temba (1999)。在本文中，我們僅探討後者的用法。

⁶ 此類句子在本文中以星號 * 標示。

⁷ 此類句子在本文中以問號 ? 標示。

我們問卷調查的對象，除了法文系高年級的學生⁸之外，也包括了居住在法國土生土長的法語人士——其中不乏語言學家、法語教師、外語教師（英文、義大利文，等）——以及目前居住在臺灣、但是在法國土生土長的法文系教師⁹。例句 (3) 和 (4) 中各含三個選項，選項前端的標示符號顯示受訪的法語人士對該句的接受度。問卷結果顯示，在 (3) 和 (4) 的上下文中，所有受訪的法語人士一致接受 (a) 的回答；但卻沒有一位受訪者接受 (b) 這個句子，(b) 是個不合文法的句子。至於 (c)，所有的受訪者都表示 (c) 是個合乎文法的句子，但是多數受訪者認為 (c) 不適合出現在 (3) 和 (4) 的上下文中，僅有少數受訪者接受 (c) 作為問題 *On est où, là ?* 和 *Où vas-tu ?* 的答案，然而這些少數接受 (c) 的受訪者同時也表示，在 (a) 和 (c) 之間，他們仍優先選擇 (a)。也就是說，如果把 (a) 和 (c) 做一比較的話，受訪者一致認為 (a) 是最自然、最適切的答案。

(3) 和 (4) 各選項後方的百分比，是我們學生選答的比例。僅以沒有爭議的 (a) 和 (b) 而論，(a) 是法語人士一致認為最自然、最適切的答案；然而在 (3) 和 (4) 中分別僅有 5.41% 和 8.11% 的學生選擇這個答案。(b) 是個不合文法的句子，然而卻有高達 40.54% 及 91.89% 的學生選擇這個答案。總體而言，學生這份問卷結果顯示，法語教學在街道名稱作地方副詞的使用上，還有發展及深化的空間。

二、研究目的

以上問卷結果凸顯了一個問題：我們的學生不會使用街道地方副詞；不僅如此，而且可能根本沒有意識到街道名稱在作地方副詞時，其用法的特殊性。學生之所以不會使用街道地方副詞的原因，與這類副詞特殊的結構關係密切。本篇論文將藉由語言學的分析方法，以最常用的街名類別 *rue* 為例，解釋街道地方副詞 *rue de Rennes* (簡稱為 *rue X*) 的組成結構，並證實它不是一個名詞詞組。為達此研究目的，在文章中我們將從不同的角度，把 *rue de Rennes* 和 *la rue de Rennes* (簡稱為 *la rue X*) 做一系列的對比，以期為法語教學提供一個解說的參考。

⁸ 共計37位。

⁹ 共計10位。

貳、相關文獻的探討

一、語言學方面

在語言學界，探討地方補語或地方介系詞的研究不勝枚舉，但據我們的瞭解，至今尚無論文探討 *rue X* 這類地方補語的用法。甚至，就連 *dans la rue X* 的用法，也乏人問津。

B. Bosredon 和 I. Tamba 兩位學者於 1999 年聯合發表了一篇文章 *Une ballade en toponymie — de la rue Descartes à la rue de Rennes*，該文中作者所探討的主題確實為街道名稱，但是他們將焦點放在「街道名稱的命名」上——法文中的街道可由人名命名（如：*rue de Victor Hugo*）、可由城市名命名（如：*rue de Lyon*）等——而非將重點放在「街道名稱在語言中的特殊結構」。

E. Katz 在她出版的 *Systématique de la triade spatiale à, en, dans* 文章中，探索 *à* 和 *dans* 的對比用法，但是作者所分析的例句皆為街道名稱以外的地方補語，如：

être à l'université vs. être dans l'université,
être garé à l'université vs. être garé dans l'université.

A. Balibar-Mrabti 在她出版的 *Analyse d'adverbes en dans* 論文中，專門研究由 *dans* 所引導的介系詞詞組，但是她所關心的例子與街道名稱的性質相距甚遠，例如：

dans un éclaboussement d'eau qui ne la mouillait même pas,
dans des circonstances inconnues,
dans une pensée pieuse,
dans un cadre arbitraire.

C. Blanche-Benveniste 於 2001 年出版了一篇論文，名為 *Préposition à éclipse*，文中作者所探討的主題並非為介系詞在地方補語中的用法，但其文極具研究特色，值得在此介紹。作者探討介系詞在句子中隱藏的情形，其所分析的句型為下：

- (5)¹⁰ *Je me souviens (de cela + de lui + de l'arrivée de Jean + d'avoir vu Jean arriver).*
- (6) * *Je me souviens de que Jean est arrivé.*
- (7) *Je me souviens que Jean est arrivé.*

Se souvenir 這個動詞，不論後面接的是代名詞、名詞、或原形動詞，都必須由介系詞 *de* 引導，唯獨當它後面接子句時，不但沒有、而且不能有介系詞 *de* 的出現，C. Blanche-Benveniste 稱此現象為介系詞的隱藏（作者的用語為 *préposition à éclipse* 或 *préposition sous-jacente*）。根據作者的觀點，所謂介系詞的隱藏，意指在語言的「表層結構」中，沒有介系詞的出現，那麼在語言的「深層結構」¹¹中，是否存在著介系詞？從語言學的角度出發，我們企望作者對此問題有明確的說明。

二、文法學方面

本篇論文所探討的主題與地方副詞關係密切，而法文的地方副詞多由介系詞詞組構成，因此在本文分析當中不可避免地會觸及到「介系詞詞組在句子中行使何種功能」的問題。例如：在 (8) 和 (9) 句中，*à Paris* 所行使的是情狀補語 (*complément circonstanciel*) 的功能？還是受詞補語 (*complément d'objet*) 的功能？

- (8) *Luc va souvent à Paris.*
- (9) *Luc connaît beaucoup de monde à Paris.*

文法學家對此問題爭論已久。簡而言之，可將其立場大致分為三派：

La grammaire d'aujourd'hui (1986 : 140-141) 和 *Grammaire méthodique du français* (1994 : 101-102) 作者的看法是 *à Paris* 在上面這兩個句子中行使不同的功能：在 (8) 句中，*à Paris* 扮演受詞補語的角色；在 (9) 句中，它扮演情狀補語的角色。這兩本文法專書的作者認為，受詞補語隸屬於動詞，而情狀補語則不隸屬於動詞。根據此理念，作者將這兩種補語的差異點界定在：情狀補語在句子中具移位性 (*possibilité du déplacement*)；而受詞補語不具移位性。請

¹⁰ 句子 $a(b+c)d$ 的讀法為 abd 及 acd 。

¹¹ 關於語言這兩個結構的差別，在本文第參段中將有解說。

參下例：

(8a) * *À Paris, Luc va souvent.*¹²

* *Luc à Paris va souvent.*¹³

(9a) *À Paris, Luc connaît beaucoup de monde.*

*Luc, à Paris, connaît beaucoup de monde.*¹⁴

Grammaire Larousse du français contemporain (1964 : §105) 作者的立場則與前者不同，他們認為 *à Paris* 在 (8) 和 (9) 句中皆為情狀補語，但是某些情狀補語在句子中可以改變位子，某些情狀補語則沒有這種可能性。同時他們也認為，情狀補語和受詞補語一樣，皆附屬於動詞。他們提出了兩點情狀補語的特性，將情狀補語和受詞補語做了清楚地區別：(一) 一般而言，在同一個動詞後面，引導情狀補語的介系詞通常至少可以有三個選擇；但是引導受詞補語的介系詞，最多只能有兩個選擇¹⁵：

*La foudre entra (par + à travers + le long de) la fenêtre.*¹⁶

vs. *répondre (de +à)*¹⁷

(二) 一個句子中，所出現的情狀補語的數目沒有限制；但是一個句子中，最多只能出現兩個受詞補語¹⁸：

*La foudre entra, comme par hasard, avec un hideux éclair, par la fenêtre ouverte, dans l'appartement, à l'instant même.*¹⁹

vs. *Luc a envoyé une lettre à Léa.*

¹² 例句參考 *La grammaire d'aujourd'hui*, p.102。

¹³ 例句出自 *Grammaire méthodique du français*, p.141。

¹⁴ 例句出自 *Grammaire méthodique du français*, p.141。

¹⁵ « Un complément d'objet indirect offre, au plus, le choix de deux prépositions » tandis qu'avec le complément de lieu, « on a, à peu près toujours, le choix entre diverses prépositions. » (p.75)

¹⁶ 例句出自 *Grammaire Larousse du français contemporain*, p.75。

¹⁷ 例： *Vous répondrez des conséquences de votre acte devant le juge.*

Vous répondrez à sa lettre ?

¹⁸ « Dans une même proposition, on rencontre, au plus, deux objets (sauf cas de coordination). » Mais, « le nombre des compléments circonstanciels [y] est illimité. » (p.75)

¹⁹ 例句出自 Villiers de l'Isle-Adam, 節錄自 *Grammaire Larousse du français contemporain*, p.75。

如果用以上這兩個區別情狀補語和受詞補語的指標，去檢視 (8) 和 (9) 的句子，我們會發現在這兩個句子中的 *à Paris*，皆具有情狀補語的特色：

(8b) *Luc va souvent (à + dans + aux alentours de) Paris.*

(9b) *Luc connaît beaucoup de monde (à + sur + aux alentours de) Paris.*

Le bon usage (1993) 的作者 M. Grevisse 則把介系詞詞組劃分為三類：(一) 受詞補語，如：*Luc téléphone à Léa.* (二) 副詞補語 (compléments adverbiaux)，如：*Luc va souvent à Paris.* (三) 情狀補語，如：*Luc travaille à Paris.* 從所區分的類別著眼，M. Grevisse 處理介系詞詞組的手法與眾不同，但是仔細研究其內容，將會發現其實他的觀點與 *La grammaire d'aujourd'hui* 和 *Grammaire méthodique du français* 作者的觀點極為接近：他認為受詞補語和副詞補語皆隸屬於動詞，情狀補語則不隸屬於動詞。

各家主張，各有其優缺點，因篇幅有限，我們不在此多做討論。在本文中，我們採取 *Grammaire Larousse du français contemporain* 的立場，因為該書給 *à Paris* 這類表地方的介系詞詞組的定位，足以解決本文在分析句子時會遇到的問題。

參、本文所持假設及其論證

回到前文所提出的問題，為何街道名稱在作地方副詞時，可以不用介系詞引導？我們的假設是：

當 *rue X* 作地方副詞時，不是不用介系詞引導，而是引導它的介系詞不出現在語言的表層結構，但它卻存在語言的深層結構中。

語言學家將語言劃分為兩個結構：表層結構 (structure de surface) 及深層結構 (structure profonde)。在表層結構中，所呈現的是語言具象的一面，如：句子中所使用的字詞、字詞的順序、句子的結構等。從語言具象的一面，語言學家進行觀察，並提出假設，這些假設即所謂「外部的假設」(hypothèse externe)。

依據上述表層結構中所做的觀察，語言學家藉由一些抽象的「實體」(entités)，從語言的深層結構去解釋表層結構所呈現的現象。這些從語言深層結構所提出的解說，即所謂「內部的假設」(hypothèse interne)。以下是 J.-C. Anscombe 和 O. Ducrot (1988 : 80-81) 針對語言這兩個不同結構之間的關聯性，以及在這兩個不同結構中所提出兩種不同性質的假設，所做的描述：

« La première catégorie, celle des hypothèses externes, a pour fonction de fournir ce que l'on convient d'appeler les *faits*, ou encore les *données*, les *observables* [...]. Les hypothèses externes, qui *créent* les observations, commandent en fait tout le système, puisque celui-ci va consister en mécanismes explicatifs permettant la prévision rétrospective de ce qu'on a décidé d'observer. Ces mécanismes explicatifs impliquent des hypothèses d'une toute autre nature. Ce sont les *hypothèses internes*. Elles consistent à imaginer des entités abstraites, à les mettre en correspondance avec les observables [...]. »

本篇論文主旨在釐清 *rue X* 這個詞組 (在語言深層組織中) 的結構。根據上面這段節錄文字所言，我們將藉由 *rue X* 表層結構所呈現的種種現象，去證實其深層結構中帶有一個介系詞。這也就是 J.-C. Anscombe 和 O. Ducrot 所說的 *mettre les hypothèses internes en correspondance avec les observables*。以下為本篇論文論證之步驟：

首先 (在第一段中)，我們要證實 *rue X* 和 *la rue X* 不是「一體的兩面」(des variantes libres)。它們不僅不是一體的兩面，而且其組成結構也不相同，前者是一個介系詞詞組，而後者是一個名詞詞組 (參第二段之內容)——此段分析的結果，將為我們所持之假設提出有力的論據。接著，在第三段中，我們將試著取代句子中的 *rue X* 和 *la rue X*，以確認兩者的詞性，此段分析將顯示，*rue X* 具有副詞的特徵——這個結論與前兩段分析的結果，之於我們所持假設之證實，有相得益彰之效。最後，在第四、第五段中，我們將探討看似足以推翻我們所持假設的兩類句子：一是，動詞 *habiter* 和街道名稱連用的句子；另一是，*venir de, provenir de, partir de* 等，這些表達起源地的動詞片語和街道名稱連用的句子。

一、*Rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面

根據 *variante libre* 的定義，筆者將此語言學用語譯為「一體的兩面」。以下是 *Dictionnaire de linguistique* (1991 : 506) 所提供的定義：

« Si deux unités linguistiques (phonème ou morphème) figurent dans le même environnement (phonétique ou morphémique) et si elles peuvent être substituées l'une à l'autre sans qu'il y ait une différence dans le sens dénotatif du mot ou de la phrase, alors les deux phonèmes ou les deux morphèmes sont des variantes libres d'un phonème ou d'un morphème unique [...]. »

如果單從 *rue X* 和 *la rue X* 的字面結構來看，很容易誤認它們是一體的兩面，即：*rue X* 是一個名詞詞組，它有時需要冠詞的引導，有時不需要冠詞的引導。

法文中，的確有許多名詞，在相同的上下文裡有時由冠詞引導、有時不由冠詞引導，這類例子不勝枚舉，諸如：

- (10) *Jean y a fait allusion au cours de sa conférence.*
Jean y a fait une allusion au cours de sa conférence.
- Jean est allé demander avis à Marie.*
Jean est allé demander un avis à Marie.
- Jean est allé demander conseil à Marie.*
Jean est allé demander un conseil à Marie.

以上對句取自 J.-C. Anscombe 於 1986 年所發表的文章。許多學者認為，上列動詞片語中的名詞，帶有冠詞和「不帶」冠詞，兩者之間沒有明顯語意上的差異，因而將之視為一體的兩面。為避免偏離主題，我們不進一步討論上面三個對句之間是否有語意上的差別²⁰；而之所以在此舉它們為例，目的在說明正確判斷兩個語言單位（不論是字詞、或是詞組）是否為一體的兩面，是語言學上重要的課題。而我們的學生之所以幾乎千篇一律地在 *rue X* 的前端加上一個介系詞，其因也在於學生將 *rue X* 誤認為是名詞詞組。

²⁰ 針對此問題的分析，可參考 J.-C. Anscombe (1986)。

在下文中，我們將藉由兩組例句 ((11)-(13) 和 (14)-(16)) 證明 *rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面；同時，根據這兩組例句中動詞的特性，可進而解釋為何 *rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面。

(11)-(13) 是三個在句法上沒有瑕疵的句子：

- (11) *Jean va rue de Rennes.*
- (12) *Jean est arrivé rue de Rennes.*
- (13) *Jean réside rue de Rennes.*

如果將 (11)-(13) 句中的 *rue de Rennes* 由 *la rue de Rennes* 取而代之，這三個句子即成爲不合文法的句子：

- (11a) * *Jean va la rue de Rennes.*
- (12a) * *Jean est arrivé la rue de Rennes.*
- (13a) * *Jean réside la rue de Rennes.*

由此證明，*rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面。接下來，我們要逐一分析 (11)-(13) 這三個句子，解釋為何 *rue X* 和 *la rue X* 不可相互取代。

在例句 (11)-(13) 中，出現的分別是 *aller*, *arriver* 和 *résider* 三個動詞，以下是這三個動詞和它們所屬補語的關係：

當 *aller* 的主詞是一個具有生命性的名詞 (*nom animé*) 時，句子中必須要出現一個隸屬於動詞的補語，否則所形成的句子是不合文法的句子 (如：**Jean va.*)。這個補語可以是單詞、或是詞組，但詞性必須是副詞，或是方式副詞 (如：*bien, vite, tout droit*)、或是地方副詞 (如：*chez ses parents*)。我們的句子是 (11)，它是一個句法上沒有瑕疵的句子；既然如此，那麼就 *rue de Rennes* 的字意來說，它不可能表達某個動作的「方式」，因此它勢必是一個隸屬於動詞、且表達地方的補語。

當 *arriver* 的主詞是一個具有生命性的名詞時，隸屬於動詞的補語可以不出現在句子中 (如：*Jean est arrivé.*)。其補語可以是表達方式的副詞 (*par le train*)、表時間的副詞 (*hier*)、或是表地方的副詞 (*à Paris*)。同樣地，就 *rue de*

Rennes 的字意而言，它只可能在 (12) 句中扮演地方補語的角色。

至於 *résider* 這個動詞，基本上它要求隸屬於動詞本身的補語必須要出現在句子當中 (**Jean réside.*)，而且此補語只能是地方補語 (**Jean réside bien. *Jean réside confortablement. *Jean réside demain. Jean réside à Paris.*)。例句 (13) 是一個在句法上沒有瑕疵的句子，這再次說明 *rue de Rennes* 這個詞組行使的是地方補語的功能。

反觀 (11a)-(13a)，它們都是句法上有問題的句子，它們的問題出在於 *la rue de Rennes* 不具有行使地方補語的功能。在下文中，我們進入例句 (14)-(16) 的分析，它們與 (11)-(13) 形成明顯的對比：在 (14)-(16) 中的動詞只能和 *la rue de Rennes* 連用，而不能和 *rue de Rennes* 連用 (參 (14a)-(16a)) ——此現象再次證實 *rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面。此外，例句 (14)-(16) 也將顯示 *la rue X* 在句子中所行使的功能為何。

- (14) *Je connais la rue de Rennes.*
(15) *Nous allons aménager la rue de Rennes.*
(16) *L'ancien maire a fait élargir la rue de Rennes.*
- (14a) * *Je connais rue de Rennes.*
(15a) * *Nous allons aménager rue de Rennes.*
(16a) * *L'ancien maire a fait élargir rue de Rennes.*

在 (14)-(16) 中，出現的分別是 *connaître*, *aménager* 和 *élargir* 三個及物動詞，它們都需要一個直接受詞方能成句：

- * *Je connais.*
* *Nous allons aménager.*
* *L'ancien maire a fait élargir.*

由於 (14)-(16) 都是句法上沒有瑕疵的句子，因而得以說明 *la rue de Rennes* 具有行使受詞補語的功能。反之，如果將 *la rue de Rennes* 換成 *rue de Rennes*，這三個句子即成爲有問題的句子。其因乃是 *rue de Rennes* 具有行使地方補語的功能 (前文已述)，而沒有行使受詞補語的功能。

(11)-(13) 中的句子帶有詞組 *rue X*，(14)-(16) 中的句子帶有詞組 *la rue X*，這兩組例句的分析顯示：在相同的上下文中，*rue X* 和 *la rue X* 絲毫不具有相互取代的可能性；如果執意將兩者代換，所得到的句子（即 (11a)-(16a)）不是與原始句「句意」有無差別的問題，而是一個根本不合文法的句子。此現象說明了 *rue X* 和 *la rue X* 不是一體的兩面。

為擴充實例，下面我們再列舉兩組例句，第一組句子中只能使用 *rue X*，第二組句子中只能使用 *la rue X*：

- (17) *Il demeure rue de Rennes.*
Il séjourne rue de Rennes.
Il s'installe rue de Rennes.
Il se trouve rue de Rennes.
Il stationne rue de Rennes.
Il s'est rendu rue de Rennes.
Il se promène rue de Rennes.
Il loge sa femme rue de Rennes.
Il tient un magasin rue de Rennes.
- (18) *Il prend la rue de Rennes.*
Il laisse la rue de Rennes.
Il suit la rue de Rennes.
Il parcourt la rue de Rennes.
Il franchit la rue de Rennes.
Il traverse la rue de Rennes.

讀者不難發現，這兩組例句中的動詞，具有不同的特性。第一組句子中的 *demeurer*, *séjourner*, *s'installer*, *se trouver*, *stationner* 和 *se rendre* 都是「坐落動詞」(verbes de localisation)，身為坐落動詞，它們必須和一個表地方的介系詞詞組連用 (*Il demeure à Paris. Il séjourne en France. Il se trouvait dans le parc. Il s'est rendu au bureau.* 等)，以表達主詞的坐落點，否則無法成句 (**Il demeure. *Il séjourne. *Il se trouvait. *Il s'est rendu.*)，依據我們的假設，*rue de Rennes* 是介系詞詞組（關於此點，參本文第二、三、五段之論述）。又 *Grammaire Larousse du français contemporain* 稱 *demeurer*, *séjourner*, *stationner* 這些動詞為不及物動

詞，不及物動詞和及物動詞的差別在於，前者不能擁有受詞補語，而後者則可以擁有受詞補語²¹。這是為何這些動詞不能和名詞詞組 *la rue X* 連用，只能和 *rue X* 連用的另一原因。

至於 *se promener*，它（和 *s'installer* 一樣）是個反身動詞，其後無法與名詞詞組銜接（**Il se promène le parc.*），只能和介系詞詞組銜接（*Il se promène dans le parc.*），以表達主詞的坐落點。

關於 *loger sa femme* 和 *tenir un magasin* 這兩個動詞詞組（*syntagmes verbaux*），它們已各自包含一個直接受詞補語（*sa femme* 和 *un magasin*），因此不能再有第二個直接受詞補語，這是為何 *la rue X* 不適用於這兩個動詞詞組之後的原因；至於 *rue X*，它沒有行使受詞補語的功能，但是有行使地方補語的功能，因此它可以出現在 *loger sa femme* 和 *tenir un magasin* 這兩個動詞詞組之後，以表達動作（*procès*）的坐落點。

再來看看例（18）中的句子，它們所用到的動詞皆為及物動詞，因此都可以和名詞詞組 *la rue X* 連用。

在分析（11）-（16）時，我們觸及到一個問題：*rue X* 和 *la rue X* 這兩個詞組所行使的功能不同。如果進一步追問，為何 *rue X* 可以行使地方補語的功能，而不能行使受詞補語的功能？又為何 *la rue X* 與其相反，只能扮演受詞補語的角色，而且是直接受詞補語的角色，而不能扮演地方補語的角色？以上問題可從兩個角度分析、以獲答案：一是，從 *rue X* 和 *la rue X* 的組成結構而論；一是，從 *rue X* 和 *la rue X* 的詞性而論。第二、第三段為以上兩點之論述。

二、* *Dans rue X* vs. *dans la rue X*

La rue X 之所以能扮演直接受詞補語的角色，是因為法文中的直接受詞補語皆由名詞詞組組成，而 *la rue X* 其前端的冠詞 *la* 正說明它是一個名詞詞組；至於，*la rue X* 之所以不能扮演地方補語的角色，是因為法文中的地方補語多由介系詞詞組構成，而 *la rue X* 的組成結構不是介系詞詞組，即便從語言的深層結構著眼，它也不是介系詞詞組（參本段下文論述）。

²¹ 參 *Grammaire Larousse du français contemporain*, §96, p.70。

反觀 *rue X*，依據我們的假設，在語言的深層結構中其前端帶有一個介系詞；這個假設吻合 *rue X* 在表層結構中所呈現的現象：即它在語言表層結構中的行徑與介系詞詞組沒有區別，這是為何它可以行使地方補語的功能。同時，也正因為「骨子裡」它是個介系詞詞組，所以它無法行使受詞補語的功能。

Rue X 和 *la rue X* 它們不同的結構，說明了為何在法文中沒有 **dans rue X* 的用法，但卻有 *dans la rue X* 的用法，參以下例句：

(19) *Les rigoles, les tranchées, les minces sillons qui courent entre les coquilles, dans une heure ce seront des rues, je marcherai dans ces rues, entre des murs. Ces petits bonshommes noirs que je distingue dans la rue Boulibet, dans une heure je serai l'un d'eux.*²²

(20) *Il fait gris, le soleil se couche ; dans deux heures le train part. J'ai traversé pour la dernière fois le jardin public et je me promène dans la rue Boulibet.*²³

(19a) * *Ces petits bonshommes noirs que je distingue dans rue Boulibet, dans une heure je serai l'un d'eux.*

(20a) * *Je me promène dans rue Boulibet.*

在法文中，名詞詞組在不抵觸語意的原則下，可以和介系詞連用，而形成一個介系詞詞組，*à Paris, sur Paris, dans Paris* 或 *au bureau, dans le bureau* 等，皆為其例。由於 *la rue X* 是名詞詞組，因此具備了和介系詞連用的可能性（至於它為何可以和 *dans* 連用，則和 *dans* 的語意有關）。法文中 *dans la rue X* 用法的存在，即證明了「從深層結構而言，*la rue X* 不是一個介系詞詞組」。假使它是一個介系詞詞組的話，法文中則不可能出現 *dans la rue X* 的用法，因為那意味著 *la rue X* 的前端由兩個介系詞引導²⁴。

至於 *rue X*，依據我們的假設 *rue X* 的前面已帶有一個介系詞，如果再於其前端加上 *dans*，就等於連續由兩個介系詞引導，而其中之一是 *dans*，此種

²² 出自 J.-P. Sartre (1938) *La nausée*, journal ; (2006). Paris : Gallimard (Folio), p.223。

²³ 出自同上，p. 237。

²⁴ 法文中，的確存在兩個介系詞並用的情況，如：*jusqu'à Paris, à côté de chez Marie*，但是 *dans* 不能和任何介系詞並用。

結構之詞組不存在法文的語言系統中。

三、*Rue X* vs. *la rue X*：副詞詞組 vs. 名詞詞組

從本文一開始，在介紹 *rue X* 時，我們就將它視為地方副詞。在本段中，我們除了要證實它「副詞」的詞性，同時要將它與 *la rue X* 的詞性做一對比。

例句 (21) 和 (22) 的問答顯示，若要在答句中取代 *rue de Rennes*，應當使用地方副詞 *y*, *là* 或 *là-bas*：

(21) *Êtes-vous rue de Rennes ? Oui, (j'y suis + je suis là).*

(22) *Allez-vous rue de Rennes ? Oui, (j'y vais + je vais là-bas).*

由此觀之，*rue de Rennes* 的詞性和 *en France, à Paris, au café, dans la chambre* 是相同的：

(23) *Êtes-vous allé (en France + à Paris) cet été ? Oui, j'y suis allé.*

(24) *Allez-vous retourner (au café + dans la chambre) ? Oui, je vais (y retourner + retourner là-bas).*

而 *la rue de Rennes* 的情形則截然不同，它必須由代名詞 *la* 代替：

(25) *Connaissez-vous la rue de Rennes ? Oui, je la connais bien.*

在 (25) 句中，從 *connaître* 和 *la rue de Rennes* 的關係而論，可確定 *la rue de Rennes* 是動詞的直接受詞補語，而 *la* 是直接受詞補語的代名詞。如果將例句 (25) 中的答句改用 *y* 或 *là-bas* 回答，所得到的是不合文法規則的句子：

(25a) *Connaissez-vous la rue de Rennes ? * Oui, (j'y connais bien + je connais bien là-bas).*

同樣地，如果將 (21) 或 (22) 句中的答句改用代名詞 *le* 或 *la* 回答，所得到的句子不是答非所問 (即 (21a))，就是不合文法的句子 (即 (22a))：

(21a) *Êtes-vous rue de Rennes ? * Oui, je (le + la) suis.*

(22a) *Allez-vous rue de Rennes ? * Oui, je (le + la) vais.*

四、*Habiter rue de Rennes vs. habiter la rue de Rennes*

在第一段和第三段的分析中，我們看到 *rue X* 和 *la rue X* 各自選擇不同特性的動詞，它們的選擇沒有交集：*rue X* 選擇不及物動詞或反身動詞，*la rue X* 只能選擇及物動詞。但是爲什麼 *rue X* 和 *la rue X* 卻都可以選擇 *habiter* 這個動詞，與之連用，作它的補語？

(26) *Ils habitent rue de Rennes.*

(27) *Ils habitent la rue de Rennes.*

其因乃是，*habiter* 有及物動詞和不及物動詞兩種用法。在 (26) 句中，所涉及的是不及物動詞的用法；在 (27) 句中，所涉及的是及物動詞的用法。請看以下證明：

(28) *Habitent-ils toujours rue de Rennes ? Oui, ils y habitent toujours.*

(29) *Habitent-ils toujours la rue de Rennes ? Oui, ils l'habitent toujours.*

這兩個答句清楚地顯示，它們所對應的問句所涉及的動詞用法不一：在 (28) 中，*habiter* 的補語由 *y* 代替，因而證實所涉及的是不及物動詞的用法；在 (29) 中，*habiter* 的補語由 *la* 代替，因而證實所涉及的是及物動詞的用法爲。(30)-(31) 和 (28)-(29) 是同類型的句子：

(30) *Habitent-ils toujours dans le même appartement ? Oui, ils y habitent toujours.*

(31) *Habitent-ils toujours le même appartement ? Oui, ils l'habitent toujours.*

五、* *Revenir de rue de Rennes vs. revenir de la rue de Rennes*

(32) *Où vas-tu ? Je vais rue de Rennes.*

(33) *D'où reviens-tu ? Je reviens de la rue de Rennes.*

例句 (32) 和 (33) 中的對答無懈可擊，在這兩個例子中，分別只能以 *rue de Rennes* 和 *la rue de Rennes* 回答。如將答案對調，所得到的句子不合文法規則：

(32a) *Où vas-tu ? *Je vais la rue de Rennes.*

(33a) *D'où reviens-tu ? *Je reviens de rue de Rennes.*

也許讀者會提出下列質疑：此篇論文的分析在在證明，在句子中 *rue X* 和 *la rue X* 分別行使情狀補語及受詞補語的功能，然而在 (32) 和 (33) 中同樣都是在回答 *où* 的疑問句，為何在 (33) 的答句中不能以具有情狀補語功能的 *rue X* 回答，卻用一個具有受詞補語功能的 *la rue X* 回答？以下是我們的解釋。

首先要說明的是，在 *venir de, provenir de, partir de, sortir de* 等，這些表達起源地的動詞片語後面，只能接名詞詞組，

(34) *Je reviens (de Paris + de France + du Canada + du bureau).*

不能接介系詞詞組（其因與這些動詞片語已帶有一個介系詞不無關係），

(34a) *Je reviens (*d'à Paris + *d'en France + *de au Canada + *de au bureau).*

而 *la rue X* 是一個名詞詞組。*Rue X* 不能與 *venir de, partir de* 等，這些動詞連用的事實，再次證明 *rue X* 和 *à Paris, en France, au Canada, au bureau* 一樣，不是名詞詞組，而是介系詞詞組。

再者，法文中由 *où* 所形成的問句，不一定非要以一個表坐落點 (le locatif) 的詞組回答：

(35) *Tu as l'air bien fatigué. D'où reviens-tu ?*
Je reviens (d'un grand voyage + de mes vacances + du travail).

在這個例句中，嚴格說來 *un grand voyage, les vacances* 和 *le travail* 表達的都不是坐落點，但是這些名詞可以讓人聯想到一個「地方」，因此就可以回答 *où* 的問句。*Où* 的這個特性，也出現它在作關係代名詞時。以下引用兩個 *Le bon usage* (§696) 的例子來做對比：

(36) *Ella a d'abord perdu connaissance et ne l'a reprise que chez le pharmacien où on l'a transportée.*

(37) *(L'endroit + Le pays) où je vais...*

在 (36) 句中，*où* 所指的是一個由介系詞詞組形成的坐落點：*chez le pharmacien*。可是在 (37) 句中，*où* 所指的是 *l'endroit* 和 *le pays* 這兩個名詞

詞組；它們雖然不是介系詞詞組，但是 *endroit* 和 *pays* 這兩個名詞所表達的都是某一「地點」，因此可由關係代名詞 *où* 代替。

簡而言之，法文中的 *où* 所對應的不一定是一個介系詞詞組，也可以是一個名詞詞組，只要該名詞詞組涉及、包含、或傳達了「地點」的概念即可。

經過以上的解釋，我們可理解為何在 (33) 中，只能以 *la rue de Rennes* 回答。(32) 和 (33) 的對比，不但不推翻我們所持的假設，反而又給它增添了一個有力的論據。

肆、結論

在本文中，我們利用了不同類型的例句及不同的分析方法，證實了 *rue X* 和 *la rue X* 不但詞性不同、在句子中行使不同的功能，而且組成結構也不同。雖然在句子中——即在語言的表層結構中——看不到 *rue X* 的前端帶有一個介系詞，但是可以藉由動詞的特性、詞組的代換等分析方法，尋到它存在的痕跡。

引用書目

- ANSCOMBRE, Jean-Claude (1986), L'article zéro en français : un imparfait du substantif ?, in *Langue française*, n°72, Paris : Larousse, pp.4-53.
- ANSCOMBRE, Jean-Claude & DUCROT, Oswald (1988), *L'argumentation dans la langue*, Liège, Bruxelles : Pierre Mardaga, 184p.
- ARRIVÉ Michel, GADET Françoise & GALMICHE Michel (1986), *La grammaire d'aujourd'hui — guide alphabétique de linguistique française*, Paris : Flammarion, 719p.
- BALIBAR-MRABTI, Antoinette (1990), Analyse d'adverbes en *dans*, in *Langue française*, n°86 « Sur les compléments circonstanciels », Paris : Larousse, pp.65-74.
- BLANCHE-BENVENISTE, Claire (2001), Préposition à éclipse, in *Travaux de linguistique*, n°42-43 « La préposition », Paris : Duculot, pp. 83-95.
- BORILLO, Andrée (1998), *L'espace et son expression en français*, Paris, Gap : Ophrys, 170p.
- BOSREDON, B. & TAMBA, I. (1999), Une ballade en toponymie — de la rue Descartes à la rue de Rennes, in *LINX*, n°40, Paris : Université Paris X, pp.55-69.
- CHEVALIER, Jean-Claude et al. (1964), *Grammaire Larousse du français contemporain*; (1992), Paris : Larousse, 495p.
- DUBOIS, Jean et al. (1974), *Dictionnaire de linguistique* ; (1991), Paris : Larousse, 516p.
- GREVISSE, Maurice (1936), *Le bon usage — Grammaire française* ; (2001), 13e édition revue. Duculot, 1762p.
- KATZ, Eva (2002), Systématique de la triade spatiale à, en, dans, in *Travaux de linguistique*, n°44 « La préposition (suite) », pp.35-49.
- RIEDEL Martin, PELLAT Jean-Christophe & RIOUL René (1994), *Grammaire méthodique du français* ; (1996), 2e édition corrigée, Paris : PUF, 646p.

一部張文環自傳性、日據時代台灣人的 集體記憶小說《滾地郎》

——眾生相、自在觀境界的極致——

曾秋桂 / Chiu-kuei Tseng

淡江大學日本語文學系 教授

Department of Japanese, Tamkang University

【摘要】

《滾地郎》是張文環用日文在日本發表的最後一篇完整小說作品。作品時間自 1909 年至 1945 年止 35 年間。佔約整個日據時代的三分之二左右時期。作品主角啓敏與作者張文環關係密切。並且考量了《滾地郎》創作動機，與 1972 年台日斷交有關。故將《滾地郎》定位為一部張文環的自傳性、日據時代台灣人的集體記憶小說。以此為基調，探究張文環個人的精神、寫作風格的成長。

【關鍵詞】

自傳性、張文環、《滾地郎》、眾生相、自在觀

【Abstract】

“The person who crawls at the ground” was published in 1975, as the last Japanese completed novel work which published in Japan by Zhang Wenhuan. The work age is set during 35 years from 1909 to 1945. The born time and the place relation in the birthplace of Qimin who is a main character of this work between Zhang Wenhuan as the author are very similar. The creation motive of “The person who crawls at the ground” is related to break in Japan and Taiwan in 1972. Therefore, “The person who crawls at the ground” is like a Zhang Wenhuan's autobiography work. “The person who crawls at the ground” is a collective memory of Taiwanese in the Japanese government age.

【Keywords】

autobiography, Zhang Wenhuan, “The person who crawls at the ground”, public people's appearance, freely contemplates.

1. 歷史小說風潮下的張文環《滾地郎》

隨著台灣興起的後殖民地相關研究的熱潮，陸續不斷有優秀的研究成果發表。又加上1987年國民黨政府頒佈解嚴令之後，先前被視為禁忌的「228事件」¹方可與常用的抗日題材「霧社事件」²等歷史事件並列，當作寫作題材撰寫成小說發表。其數量亦相當可觀³。

在此氛圍之下，張文環《滾地郎》雖沒有像上述一般，具體的事件明顯地融入作品當中，但卻別具獨特特色。因為張文環《滾地郎》開宗明義的第一章中，即點出「昭和十三年」改姓名制度頒發的時間點、與具體空間「梅仔坑庄」的陳述，又極力循著歷史的軌跡，鋪陳山村「梅仔坑庄」的發展史。此類趨勢頗具有歷史小說風範的取向。鑑此，應可將張文環《滾地郎》，當作歷史小說來閱讀。

而張文環《滾地郎》在文壇上的評價，可見於1978年9月台灣文學研究大家葉石濤發表於《中國晚報》〈張文環文學特質〉一文。同年的12月發表的另一論述〈論張文環的《在地上爬的人》〉一文中，葉石濤更明確地將張文環譽為日據時代台灣作家中的翹楚⁴。至於〈張文環文學特質〉該文中，指出《滾地郎》為「最清晰地透露出張文環先生的思想、生活態度以及堅強的民族精神」⁵。1975年《滾地郎》在日本發刊後，立即獲選為當年度「全日本優良圖書一百種」⁶。又根據柳

¹1945年戰爭結束，台灣回歸祖國中國大陸。1947年國民黨軍隊來台接收時，與台灣民間發生紛爭而引發台灣大多數的知識份子被殺慘死的事件。融入該事件寫成的小說亦無以數計。例如有李昂《自傳的小說》（皇冠文化出版有限公司，2000）、姚嘉文《霧社人止關》（草根出版事業有限公司，2006）、邱家洪《台灣大風雲第三冊二二八驚魂》（前衛出版社，2006）等。

²日據時期1930年發生之台灣原住民的武裝抗日事件。以此事件寫成的小說不計其數。例如有林黎《瀛洲斬鯨錄—台灣同胞武裝抗日的歷史故事—》（稻田出版有限公司，1992）、陳玉慧《海神家族》（INK印刷出版公司，2004）、閻延文《青史青山》（問津堂書局，2006）、津島祐子《あまりに野蛮な》（連載於雜誌《群像》，2006.9-2008.5）、姚嘉文《霧社人止關》（草根出版事業有限公司，2006）等。

³不只日本殖民地時期而已，將台灣300年間的歷史融入成小說題材的風氣不減。例如前衛出版社於2000年出版了趙世男、洪明燦合著《台灣老兵三國誌》、2006年出版了邱家洪著《台灣大風雲》（全五冊）、橘子出版有限公司於2003年出版大陸人士閻延文所著《台灣風雲》（上下二冊）。

⁴葉石濤，〈論張文環的《在地上爬的人》〉，《葉石濤全集14》，（台灣：國立台灣文學館·高雄市政府文化局，2008），頁117。本文第一次發表於1978年12月13日《民眾日報》。

⁵葉石濤，〈張文環文學的特質〉，《葉石濤全集14》，（台灣：國立台灣文學館·高雄市政府文化局，2008），頁93至94。本文第一次發表於1978年9月4日《中國晚報》。

⁶同前揭葉石濤書，頁93

書琴指出：《滾地郎》在日本出刊的隔年 1976 年，作家廖清秀將之譯成中文，由鴻儒堂出版社出版，並於 1991 年再版。《滾地郎》一書為至今日台間最為知名的張文環代表作。而「泥土」一詞，乃是張文環最喜歡的詞彙，1943 年張文環曾經計劃以此為標題，由東京的道統社出版短篇小說集，最後未能如願以償⁷。

2. 《滾地郎》當作自傳性小說的可讀性

《滾地郎》既非日記作品又未言明是自傳小說，何以能將之視為歷史小說取向的自傳性小說，依此來探究張文環個人的心路歷程，甚至探索日據時代台灣人的集體記憶呢？所持理由，有如下兩點。

第一點：《滾地郎》的男主角陳啓敏和作者張文環，乃是為同時期的人物。男主角陳啓敏可視為作者張文環的分身。

《滾地郎》作品中，時間的鋪陳多處相互矛盾，如此前後不一的敘述，造就了作品解讀的困難度，此乃《滾地郎》的一大問題特色。諸如：指的是陳啓敏進小學就讀時是 16 歲的同一件事情，卻有「大正十二年」〈第六章之三〉、「大正十年」〈第六章之三〉的兩個不同時間點的說法。

縱此，《滾地郎》第一章之一中明確點出作品的時間點「昭和十三年」。主角啓敏秀英夫婦也是在一年的春天結婚〈第六章之一〉，開始了他們人生的新里程碑。據常理判斷，人生重要的結婚大事的時間點，不該記述有誤。所以依此為基準點，推算主角夫妻的年紀，應是合理。續之的第三章之三中，明確敘述了昭和 12 年時啓敏是 30 歲。再配合上其他作品中重要人物相差的歲數來推斷，可以推算出作品的主軸時間點昭和 13 年那一年，啓敏是 31 歲、秀英是 26 歲、女兒阿蘭是 8 歲。再更進一步依此推算，啓敏應為 1908 年左右出生⁸的人物。眾所皆知，

⁷柳書琴著中島利郎譯，〈張文環『山茶花』解說——部落から都会へ、進退窮まった植民地の青年たち〉，中島利郎、川原功、下村作次郎監修，《日本統治期台湾文学集成2台湾長篇小説集二》（綠蔭書房，2002）頁384。

⁸其他作品時間互相矛盾得鋪陳，最重要莫過是陳啓敏的養父陳久旺與吳錦的結婚時點。因為作品最早可以追溯至此。例如：文本寫道陳啓敏的養父陳久旺與吳錦於「明治四十二年的農曆十二月中旬」〈第一章之三〉結婚。結婚整整過了一年後〈第一章之五〉，妻子吳錦發現丈夫久旺與酒家小姐有染〈第一章之六〉，端午節前吳錦拿出證據向久旺父親揭發，久旺父親聞之氣絕身亡〈第一章之六〉。久旺父親百日之後，陳家先領養個養子〈第二章之一〉，以便容易生到親骨肉。5歲啓敏於是在該年的中秋時分，被親生父親帶來到陳家當養子〈第二章之一〉。由於當吳錦想著結婚整整過了一年，肚子尚未爭氣懷孕，「後院的竹林下桃花盛開，和去年新婚時所看的桃花，感覺完全不同」的當時情景描述

張文環是1909年出生於嘉義縣梅山鄉〈舊稱梅仔坑〉。而與《滾地郎》的男主角啓敏的出生時間點與鄰近梅山鄉的出生地緣關係來看，《滾地郎》的男主角啓敏與作者張文環的生長背景，十分吻合。當然張文環是個留日的高級知識份子，而啓敏名目上雖然是地方首富的養子，實際上卻僅是個連小學都沒畢業的一介貧農。社會地位、學識涵養、學歷懸殊甚大，但就同樣是出生於同一時期，同一地區的人民，背負著相同的歷史背景，又一樣經歷過被殖民政策煎熬的經驗。就這一點而言，此兩個人所面臨的殖民政策的命運，應相差無幾。因此，本論文可以合理將男主角啓敏，視為作者張文環的分身看待。

而作品內容敘述至昭和19年盛夏時分〈第六章之五〉。因此，研判《滾地郎》是描繪陳家兩老結婚的明治42年〈1909〉至作品結束的昭和19年〈1944〉35年間，主角啓敏夫妻一生的見聞、體驗。甚至可以說是將近日據時代三分之二左右時期，作者張文環或台灣人們共同的生活記憶與體驗談。

第二點：透過《滾地郎》在日本用日文發表，呼籲日本人民在面臨台日斷交的政治議題上，應該多給予曾經是日本殖民地的台灣，多一些關愛的眼眸。《滾地郎》正是作者張文環沉澱31年後的日本殖民回憶。可視《滾地郎》為作者張文環的自傳性小說。

張建隆對於《滾地郎》創作的過程，有如下的敘述⁹：

一九七二年起，張文環於經營日月潭飯店之餘，每天清晨三時半起牀寫作二小時，無日間斷，歷時二年，完成長篇小說〈生息於斯的人〉¹⁰。

由上述資料得知，張文環於1972年開始《滾地郎》的小說創作。此乃自戰前1944年的最後一篇作品〈雲之中〉後，睽隔31年後才重新開始的創作。鑑此，張文環的重新執筆，一定有其相當的原委。話說1972這一年，正值日本與中國大

來看，文本所列為農曆12月中旬，新曆應該提前2個月左右的明治43年春天。由此推斷，啓敏明治43年應該是5歲，明治39年〈1906〉出生才對。然而認定啓敏於明治41〈1908〉出生，主要是基於昭和13年的時間點並考量與其它重要人物的差距的年齡後，所推算出來的。在此再次重申，陳啟敏的養父陳久旺與吳錦結婚的「明治四十二年的農曆十二月中旬」〈第一章之三〉，應為1909年。

⁹張建隆，〈生息於斯的「滾地郎」—張文環〉，收錄於張恆豪編《台灣作家全集·短篇小說卷/日據時代10》（台北：前衛出版社，1994·初1991），頁268。

¹⁰原日文題名為「地に這う者」，至今有《滾地郎》、《生息於斯的人》、《爬在地上的人》（此為陳萬益主編《張文環全集》中的譯名。台中，台中縣立文化中心，2002）三種中文譯名。

陸正式建交，同時與台灣斷交的一年¹¹。在此歷史意義重大的時刻，張文環重拾筆桿，寫作《滾地郎》訴說著與即將斷交的日本國之間的關係。因此，創作之時，曾經長期受日本孕育、受日本殖民的張文環心中，一定是百感交集。而從《滾地郎》在日本用日文出版的事實，應可揣摩出張文環的創作動機。《滾地郎》文中，毫不避諱地使用許多台灣俗語「氣死了」、「死皇帝不如活百姓」等，也刻意多處使用了日文諺語「老來從子」、「雨過天青」、「有錢能使鬼推磨」等，並陳述了許多男女姻緣、結婚、婚宴、產婦吃麻油雞坐月子、過年拜訪他人的禁忌、養子童養媳制度等台灣的民俗風情。其中最奇特的是，描繪日據時代台灣人小老百姓與管理階級的日本人間譜出的「超越異民族的友誼」。殖民時代仍免不了訴說著殖民統治階層在台灣施行的種種暴政暴行，而人民深受其害痛苦不堪。但《滾地郎》的主軸，大半是在推廣台灣事物給日本讀者認識，傳達給日本國民，日據時代的台灣曾經是與日本那麼關係緊密夥伴的訊息，對日本、日本人釋出善意。此可解釋為，張文環呼籲日本人民在面臨台日斷交的政治議題上，別因政治利益的介入，過度傾向中國，應該多給予曾經是日本殖民地的台灣，多一些關愛的眼眸。此應是深藏於張文環內心的創作《滾地郎》的動機吧！

回顧張文環與日本的關係，更能了解《滾地郎》中表達出對日本、日本人善意之舉，是其來有自。張文環自小學習日文，在懂事後 1927 年又赴日留學。1938 年偕同日籍妻子回台後，1941 年負責雜誌〈台灣文學〉編輯，鞏固了在台灣文壇屹立不搖的地位。1944 年奉了台灣文學奉公皇民會的命令，創作出〈雲之中〉之後旋即息筆。從人生成長閱歷而言，無論甘心情願與否，張文環自始至終與日本這個國家，有著切割不斷的關係，甚至可謂日本是張文環精神上的母國。1945 年台灣光復後，目睹台灣社會內部發生 1947 年的 228 事件，殺害無辜知識份子後的張文環，期盼接收台灣的國民黨政府用心經營台灣夢想，因此而破滅。1946 年張文環曾當選為臺中縣參議員，用中文於報章雜誌上發表〈從農村看參議會〉¹²、〈台拓的土地問題〉¹³，積極抒發建言。或許是看破政治的複雜，不再積極涉入政治圈吧！張文環 228 事件之後，1951 年轉向完全陌生的保險業、銀行業、旅館

¹¹1972年9月29日簽署中日外交協定，同時斷絕與台灣的邦交。同年12月15日決定於北京設立日本駐華大使館。（引述自川崎庸之代表監修，《閱讀年表式的日本史》，東京：自由國民社，1993·初版1991，頁1045）。

¹²1946年5月21日發表於《台灣新生報》。

¹³1946年8月19日發表於《台灣新生報》。

業發展¹⁴。終於在台日斷交的1972這一年，重新開啓文學創作，完成《滾地郎》小說¹⁵。張文環心中或許不願意看見中日斷交的歷史殘酷的一幕，選擇用自己的方式回憶台灣包括自己與精神上母國日本相關的種種。清朝統治台灣，卻將台灣割讓給日本。又因日本戰敗，台灣得以回歸中國祖國的懷抱。但因國共內戰挫敗的國民黨政府接收台灣時，國民黨軍隊如同逃難般蜂湧而至。接收台灣之際引發了228事件，使得光復後的台灣全島，馬上陷入白色恐怖當中。好不容易回歸平常的生活步調時，竟又被迫台日斷交的命運。歷史的激流下，台灣、台灣人的命運，真的連自己都無法掌握。且主權者輾轉易主，完全必須聽命於外來政權，未來任人擺佈。在台日斷交的時刻，重新思索著起伏的台灣命運，張文環更是百感交集、有無限的感慨吧！

其實，當日本統治台灣結束後，意圖將此日本殖民台灣51年的記憶，融入成小說題材的文學作家，除了張文環之外，另有鍾理和(1915-1960)、鍾肇政(1925-)、李喬(1934-)三人¹⁶。鍾肇政的《台灣人三部曲》(中文)、李喬的《寒夜三部曲》¹⁷(中文)就是其成果的展現。鍾肇政進一步闡述、說明此《台灣人三部曲》早於1964年動筆，1967年完成《台灣人三部曲》的第一部〈沈淪〉公諸於世¹⁸。見此，張文環與鍾肇政最大的不同，就是於中日斷交的1972那一年開始動筆，試圖描繪自己的殖民地經驗，且用日文發行於中日斷交後的日本國內。此番作為更別具意義。此點亦可當作旁證，印證出《滾地郎》是張文環回憶精神上的母國日本與本身所受的日本殖民經驗。理所當然視《滾地郎》為作者張文環的自傳性小說，亦是合情合理。

另舉台灣國內用日文命名自傳小說的李昂《自傳の小説》一書，作為佐證。2000年出刊的《自傳の小説》，是以日本統治期下的奇女子謝雪紅的一生為題材所撰寫的小說。小說的結尾處正可以呼應《滾地郎》當作張文環的自傳性小說的

¹⁴柳書琴編，〈張文環生平年表寫作年表〉，陳萬益主編《張文環全集第8卷》(台中：台中縣立文化中心，2002)頁148。

¹⁵根據柳書琴編，〈張文環生平年表寫作年表〉看來，張文環晚年留下些許未標明創作時間的未完稿。像是〈日月潭羅曼史〉、〈故鄉在山裡〉、〈地平線的燈〉，據家屬推測應於1965年任職於日月潭大飯店時所寫作。因證據不足，無從考察起，又加上未公開發表，於是在此認定《滾地郎》為繼1944年〈雲之中〉之後睽隔31年完成的完整小說作品。

¹⁶鍾肇政，〈後記〉《台灣人三部曲》(台北：遠景出版事業公司，1980)頁1110。

¹⁷李喬，《寒夜三部曲》(台北：遠景出版事業公司，1980)。

¹⁸同前揭鍾肇政書，頁1110。

合理性。《自傳的小說》文本中記載，謝雪紅「生在一九〇一年，日人領台後的五年」¹⁹。此與 1909 年左右出生的張文環、陳啓敏兩人歲數相差不多，可視為同時期的人物。而於 1952 年出生的現代女性作家李昂，與作品主角謝雪紅年齡相距 51 歲。生活的背景又有日本統治時期與國民黨統治時期之不同。然該小說結語處，明記著：「謝雪紅。我要找尋的，又豈只是妳的一生。謝雪紅，妳的一生，我的一生……我們女人的一生」。從此結語可以看出，在早 51 年前出生的謝雪紅身上，作者李昂看到自己的影子、台灣女人的命運，而大膽以謝雪紅的一生代表了自己甚或是女人的一生，作為小說的總結。由此脈絡引申類推，視《滾地郎》為與主角同年代的作者張文環的自傳性小說，其可行性應不容置疑。

雖然《滾地郎》一作，被葉石濤譽為「最清晰地透露出張文環先生的思想、生活態度以及堅強的民族精神」²⁰、柳書琴評價為「至今日台間最為知名的張文環代表作」²¹。然而目前蓬勃發展的後殖民地研究成果當中，對於《滾地郎》的重視或是相關論述的發表，卻無法與葉石濤、柳書琴兩位臺灣文學研究專家給予的評價成正比²²。於是，本論文秉持《滾地郎》為一部張文環的自傳性、日據時代台灣人的集體記憶小說的基調，從中探究張文環個人的精神、寫作風格的成長。

3. 日本殖民政策下張文環的見聞

如前述，《滾地郎》作品第一章之一的開始，即點出總督府發表的改姓名政策的「昭和十三年」。顯而易見作品是聚焦於此政策之上。啓敏養父陳家於昭和十三年提出改姓名的申請，若干時日後即獲准改姓名。陳家的目的無非是希望陳家親骨肉武章能順利由國民小學的訓導高昇為校長，光耀門楣。而獲准改姓名後，陳家成為該村落擁有日本人姓名第一個家庭，在該區域成為「被殖民地人中的最高階級」〈第六章之三〉的待遇。而伴隨總督府的改姓名重要政策發布與實施，在台灣的社會產生了怎麼變化？張文環有以下近距離的觀察。

3.1. 殖民當局實施改姓名政策的戲劇張力

¹⁹ 李昂，《自傳的小說》（台北：皇冠文化出版有限公司，2000）頁71。

²⁰ 同前揭葉石濤論文。

²¹ 同前揭柳書琴論文。

²² 《滾地郎》相關代表論述：葉石濤，〈論張文環的〈在地上的人〉〉。張建隆，〈生息於斯的「滾地郎」——張文環〉。柳書琴著中島利郎譯，〈張文環『山茶花』解說——部落から都会へ、進退窮まった植民地の青年たち〉。葉石濤，〈張文環文學的特質〉。

當武章與父親商討改成怎麼樣的日本姓名時，舉出了因台灣人不容易區別出日文音讀與訓讀的不同而發生的發音錯誤的笑話。武章的師範學校同窗好友父親改名為「神田德太郎」，街上的人們卻因發音不正確，說成「死了就賺一把」。武章又擔心如果將本姓的「陳」的「耳東陳」的耳字邊拿掉，只留下「東」字的話，會被揶揄成「阿東哥」的笑話。左思右想地想出個「千田」，卻又遭逢鄰里「怎有晚輩小孩幫老爸取名字的呀！無法無天到極點，真是世界末日到了！」〈第一章之一〉的冷潮熱諷。甚至將「千田〈Senta〉」叫錯成「千田〈Chihta〉」，極為少數人能叫對。此時陳家老父心中，產生了些許對兒子武章的不滿情緒。

丟棄了五十多年叫習慣的名字，被叫了父子處心積慮想出的名字，卻完全沒有同感。明明台灣人，名字卻要改成日本人的名字，年輕人還好，像進入半百歲數的人而言，完全沒有生為日本人的感覺。若在日本國內就用不著吃這麼多苦頭，在台灣吃虧的多，一點都佔不了便宜。經濟來源就在台灣社會，光名字改成日本人，也沒什麼好處，反倒怨恨起都是武章一人要昇校長惹的禍。〈第一章之一〉²³

而不會說日文的武章母親，更是不敢像平常一樣上街買東西。街上的調皮鬼故意用日文說：「太太！要桃子嗎？」。因為日文「桃子」的發音與台灣話的「摸摸」發音相近，不禁讓旁人想成雙關語的台灣話「太太！要摸摸嗎？」。面臨此窘境の武章母親，心中也不勝唏噓。

歲數都這麼大了，根本不用成為日本人。真想輕鬆死去，但是想到孩子的將來，也只能忍耐了。〈第一章之一〉

陳家兩老心中的唏噓，正是因為改成日本名字之後，無法適應接踵而至的問題所導致的。而兩人仍願意改姓名，主要是基於護子心切，望子成龍的心情。相較於陳家二老，武章兄妹倆年輕人，樂意改姓名。因為改了姓名，出入公家單位被叫日本名字，得到如同日本人一樣的待遇，心中感到倍受重視。但改姓名者的戶籍上，被劃上圓圈做記號，以便與真正的日本人做區隔，皆通稱為「丸臺日本人」。此稱呼原本因業務程序之需，僅戶政單位的人員知曉而已，而「丸臺日本人」

²³引用範本是使用日本現代文化社授權鴻儒堂印刷出版的日文版張文環，《地に這うもの》（台北：鴻儒堂，1975）。以下文的引用，以中文呈現，中文翻譯為筆者所譯。

的說法，卻竟不脛而走，傳遍鄉里。此傳言令剛風光改完姓名後的陳家，顏面盡失。此時武章深刻體驗到那是民族思想的作祟。曾經以嚴正的口吻，告訴希望透過改姓名的手段，得到與真正日本人一樣對待的父親說道：

改姓名只是為了在會上混生活的方便手段罷了。當局者都光只會倡導一些什麼大東亞光榮圈、什麼八紘一宇的，這些根本無法實現。總之那都是喊喊的口號、口號而已。〈第一章之一〉

明顯地武章在此是識破了總督府實施改姓名的兩手策略。縱此，武章仍執意逢迎策略，說穿了只不過為了自己一人官運亨通罷了。而陳家另一成員養子啓敏，拜武章改姓名之賜，也被改成「千田真喜男」。此消息不是由陳家口中得知，而是山裏撿柴夥伴告知的。連名字的意思，也是經過山裏撿柴夥伴細心解釋後才懂的。從下一段文章中可以看出，因改姓名而造成當事者啓敏相當困惑，結果只讓自己變得連自己都不知道自己是什麼人。

被改成日本人名，真是鬱卒。首先自己不懂日文，只因為自己是村長的養子，才獲得日本式的名字的恩寵。這雖然是好事，但對啓敏而言自己就變成既非日本人也非台灣人。〈第一章之一〉

獲准改姓名成爲「千田真喜男」的啓敏，生活上產生諸多不便，於是心中叨唸著弟弟武章的不是。

當了訓導的弟弟的傢伙，真是多事找我麻煩。自己改姓名就好了，牽連上我，今後除了名字之外，生活也變得雜亂無序。〈第一章之一〉

綜合陳家二老以及養子啓敏的反應，不難看出陳家改姓名，只圖武章一人官運亨通，其他家人則被波及，生活步調因此而錯亂。而熱衷於改姓名後的武章，直至作品結束的昭和 19 年，沒當上國民小學校長，可謂美夢破碎。雖此，阿蘭偷看到叔叔武章自修英文與中文〈第六章之四〉。武章隨著局勢的改變而離棄日語，開始學習中、英文的巨大行爲轉變，顯現出武章對時代動脈極度敏感。而看到掌握時局變遷，隨時調整處世方針的知識份子武章行爲，身爲兄長的啓敏才有以下的自覺。

自己從頭到尾都受騙，就因為自己沒有唸書，不斷吃苦。而說阿蘭丈夫出

征可以獲得金鷄勳章的老弟，因為念了些書才能免除災難臨身。一感覺到情勢不利，迅速抽身脫離災難。〈第六章之五〉

啓敏除了悲嘆自己因為沒有讀書一生受騙的命運之外，造成如此的命運大不相同的原因，關鍵乃在於擁有知識與否。有了知識就能熟悉局勢變遷，尋找趨吉避凶之道。此為受正式教育武章的處世方針。亦是日據時代受教育的知識份子的寫照。而武章果真如啓敏所欽慕一般一帆風順嗎？武章有如下的想法。

想出私下學習英文中文，來迎接新時代的來臨。萬一日本戰敗，像自己不是真正日本人，戶籍上卻寫著日本人姓名的人，未來下場又會如何呢？〈第六章之四〉

武章的想法中，有著武章的企盼與擔心。武章改學中、英文，主要想抓住新時代的動脈，期盼下一個新時代中的躍進。而除了期盼之外，武章也擔憂新局面下，不是日本人卻有日本人名字的難堪。此正也道出，日據時代期盼功成名就而改姓名的台灣人們內心的苦悶與矛盾。武章就是其中的一個例子。武章同其他多數人一樣，日本當權時，處心積慮藉由改姓名，來達成功成名就的夢想。而事實上，人算不如天算，總逃離不了時局的驟變，而功虧一簣。

諷刺的是原先不願改姓名的啓敏，終於隨著成家與戰爭越發激烈的大環境改變，一家四口短暫享受了改姓名後的些許方便。因為改姓名，讓啓敏成了山村中唯一擁有日本人姓名的農夫「千田真喜男」〈第六章之二〉。包括阿蘭因此得到庇祐，順利地從秀英養父家過戶過來，恢復戶籍成為「千田蘭子」〈第六章之二〉。又在因戰爭情勢緊迫，總督府嚴格控管糧食物資時，啓敏感受的「被叫千田桑感覺像似護身符一般」〈第六章之二〉，享受著「千田桑因為是準日本人，一定是忠貞愛日本國，不用搜家」〈第六章之二〉的法外開恩。此種待遇絕非當初單身的啓敏所能設想到。

在此藉由主動改姓名的武章與被動被改姓名的啓敏的對比，鋪陳出積極改姓名後的知識份子，失望落空了。而無意藉由改姓名獲得利益的純樸農民，卻意外享受福報的諷刺劇。知識份子藉由改姓名讓自己脫胎換骨成為日本人的前瞻遠矚，其實從武章的例子，不難看出是否定的答案。而陳家老父的喟嘆中，亦可得知一二。陳家老父看到自己親生兒子的世故而曾喟嘆說：「知識是為了隱蔽人類的狡猾而學習的？或是為了追求真理而學習的？」〈第一章之一〉。

而現實上的張文環，在日據時代堅持坐不改名立不改姓²⁴，但對於改姓名的台灣人，也沒有隨意加以批判。當殖民當局以強勢逼迫張文環改姓名時，張文環以「八紘一字」、「大丈夫之道」等大義名分，讓前來說服改姓名的憲兵無言以對²⁵。而張文環在《滾地郎》中拋出「民族」的議題。統治當局宣稱台灣沒有民族問題，台灣當地執行者又奉承阿諛，故意視若無睹。自認「台灣才沒有民族問題，大家都是一視同仁。不同的只是姓名而已，只要改成日本人姓名的話，同化政策就上軌道了」〈第一章之一〉。對此張文環沒有具體下註解。僅透過藉由知識份子武章與農民啓敏的對比，對日據時代被當作魚躍龍門手段的改姓名，表達出意見。即是知識份子汲汲營利卻落得美夢破碎，而執著土地踏實耕種的農民，無意間卻蒙受其利。此與藉由改姓名達到同化目的願望而相違的諷刺結果，正增添改姓名的目的與改姓名後的結果逆轉的戲劇張力，與自古至今引以為處事箴言——「無為而為」的濃厚色彩。

3.2. 言語差異中衍生出的趣聞

伴隨總督府的改姓名政策等，在台灣引發了一連串語言差異的趣聞。張文環亦敏銳觀察到，台灣人因應外來語言差異的特殊能力與適應方式。

諸如上述的台灣人將改成日本人姓名「神田德太郎」的人，叫成了「死了就賺一把」。陳家不敢省略陳字的部首改成「東」，亦是怕被揶揄成「阿東哥」的趣聞。顯見作者張文環是用幽默方式，處理了跨言語而產生改姓名者與無緣改姓名者之間紛擾的問題。無緣改姓名者只能用故意發錯音的方式揶揄改姓名者，來表達自己酸葡萄的心理。此外當時台灣人間還流行一種「橘子皮式的日文」²⁶，來與日本人疏通意思。此種不管日文文法正確與否，目的求達到溝通意思而想出來的便利方式，一方面點出言語隔閡難以突破的困難。一方面道盡了台灣人利用心思，努力在夾縫中突破語言藩籬，克服困難，存活下去。

²⁴ 同上述全集第7卷〈雜誌《台灣文學》的誕生〉，73頁。該文章以日文創作，刊載於1979年8月台灣近現代史研究會編《台灣近現代史研究》第2號。中譯參考陳千武譯稿。

²⁵ 池田敏雄〈張文環《台灣文學》的誕生〉後記同上述全集第8卷，65頁。該文章以日文創作，刊載於1979年8月台灣近現代史研究會編《台灣近現代史研究》第2號。中譯參考陳明台譯稿。

²⁶ 文本第三章之三中提到，有個擁有6個小老婆的台中富豪到日本遊玩，自豪不因語言不通而減少旅遊興緻。旅遊中想納該餐廳的女中為第七個老婆，雖然最後宣告失敗。但富豪完全不在乎日文文法而使用自創式的日文，此方式被戲稱「橘子皮式的日文」。源自於該富豪要女中剝橘子來吃，就對著該名女中說了「橘子和皮，莎啲娜拉」。

有關跨語言隔閡的問題，張文環早就注意到了。早期的論述，例如〈我的文學心思〉²⁷中，即表達了在從事日語創作時，面臨到日語語言表達上的困難²⁸。又於〈獨特的存在—今年也要奮鬥〉一文中表示：「尤其從事文學的本島人和內地人相比，我想更需要有二倍三倍的心得才行，首先要征服言語的運用，不然就沒有表現的手法可言」²⁹。且於生平第一篇長篇小說《山茶花》發表前的預告文中，也毫不掩飾地表示：「描寫舊式鄉下生活，最為痛苦的事，無法盡情用日語表達出來」³⁰。綜合張文環的主張，可以看出張文環本身透過日文創作，體驗到跨語言的無法伸張的困境。而在晚年的最後創作《滾地郎》中，亦對跨語言的問題多有所著墨。不同的是，張文環的觀點改變了。改變成從被殖民地的台灣地區人民的角度，切入這場因帝國主義殖民事實而引發的語言紛爭，訴說著當地居民的自救之道。同時亦點出總督的改姓名策略下，台灣人民被分化成無緣改姓名與改姓名者的兩種。無緣改姓名者，忌妒改姓名者。而改姓名者則自以為高人一等而傲視無緣改姓名者。兩者間情感逐漸疏離、彼此猜疑敵對。

雖然張文環觀察語言的視點，早先是站在身為文字工作者的角度，注意到如何使用流利日語從事文學創作，逐漸才關懷殖民地人民如何使出奇招，使用不具日文文法的日語，以達到疏通意思的目的。從特定一部分的知識份子的角度，轉而放眼台灣蒼生，此時張文環的視野似乎變得寬廣許多。無論如何，可以確定張文環是一持續關心著異民族間，溝通、表達之語言議題的。

在異民族間的語言溝通議題上，張文環將清朝統治台灣所引發的語言障礙和日本統治台灣時期的語言障礙，拿來相提並論。此點不難窺得張文環對「異民族」一詞，有獨特見解。

²⁷同上述全集第6卷164頁。該文章以日文創作，刊載於1943年8月16日《興南新聞》，中譯參考陳千武譯稿。

²⁸此點與鹿子木龍在〈作品和文章—關於散文水準的提昇〉一文當中陳述的見解，不謀而合。該論者點出此乃外地作家中常見的問題，原因歸咎於「無法完全掌握日語所致」。資料引用自上述全集第8卷43頁。該文章以日文創作，刊載於1942年10月《台灣文學》，中譯參考陳明台譯稿。

²⁹同上述全集第6卷43頁。該文章以日文創作，刊載於1940年1月1日《台灣新民報》，中譯參考陳千武譯稿。

³⁰張文環〈山茶花—後天開始連載·作者的話〉，刊載於1940年1月21日《台灣新民報》。該文章以日文創作，中文翻譯為筆者所譯。引用自中島利郎、河原功、下村作次郎監修《台灣統治期台灣文學集成2》綠蔭書房(2002年)，頁348。

明治時代的殖民地台灣，雖然有異民族進來台灣，清朝時代的台灣，統治者也不知曉台灣話。官員與民眾間不透過口譯的話，就像鴨子聽雷一般，完全無法溝通。又加上官員與民眾間多個高高在上的官衙門，更難以接近。日本人進來台灣後，增加個異民族的隔閡，彼此的意思疏通，更不容易。〈第一章之五〉

日本與台灣雖為異民族，日本統治台灣時所碰到的是語言障礙問題。其實早在同為漢民族清朝統治台灣時，就已經存在語言障礙的問題了。除了語言的障礙外，加深台灣人與日本人的距離，不待言是異民族的隔閡。而加深漢民族清朝與台灣人的距離，則為官僚主義的阻礙。不管台灣人受到清朝統治抑或日本統治，伴隨著「統治」的事實發生，都同樣產生了語言障礙與隔閡的問題。由此觀之，異民族抑或同漢民族的統治，對被統治的台灣而言，都是一樣處於被擺佈、控制的命運。換言之，特意將清朝統治與日本統治相提並論的張文環，其用意乃是為了抒發「異民族」一語，於《滾地郎》一作中有不同涵義的見解。

3.3 「異民族」的特殊涵義

《滾地郎》中提到「異民族」一語，初見於上述清朝統治台灣與異民族日本統治台灣相提並論處。而當局採取將核准改姓名的台灣人，通稱為「丸臺日本人」以便區隔真正的日本人的策略，武章看穿此舉用意，一語道破：「那是民族思想作祟」。並進一步闡述「把改姓名當作是讓生活方便的一個手段就好了，什麼大東亞共榮圈、八紘一宇光只會喊喊一些根本不可能實現的事情。總之，是口號，只是個口號而已」〈第一章之一〉的武章，毫不客氣明白告訴父親：「所謂民族思想，在殖民地隨著當局者想愛怎麼解釋就怎麼解釋的東西，太認真當一回事的話，根本明天吃什麼都不知道，活不下去」〈第一章之一〉。日本發布實施改姓名後，又獨創出「丸臺日本人」的稱呼，對此武章表達上述的見解，與日本當局原意，相差無幾吧！日據時代被統治台灣人，即使是改了姓名者，仍與真正的日本人間，還有一大段距離。

異民族的嚴苛的統治下，仍超越異民族友誼存在。具體的「超越異民族的友誼」的字眼，見於《滾地郎》第二章之二中。描繪即將離職的中山巡查夫人與東村村長夫人間的異國友誼。而於第五章之六處，描述了被養父當場逮著與啓敏曖昧關係，而強行帶至派出所的秀英與啓敏，在派出所得到吉田巡查的相挺，才能結為夫妻一事。事後兩夫妻將吉田巡查當作媒人，逢節送禮答謝。此又是「超越

異民族的友誼」的一例。而吉田巡查夫人將小孩的舊衣物以及畫本、書籍送給阿蘭，開啓阿蘭的知識視窗，灌溉了阿蘭的心智。使得窮鄉僻壤的農村女孩阿蘭，也能知書達禮，應對進退得宜。應可為「超越異民族的友誼」，再添一樁美談。

當然《滾地郎》文中，不乏控訴殖民日本當局者的暴政暴行。諸如：第六章之二處，提到丈量「風頭水尾」田地位置、層層監督依據田地面積精算出須繳交的稻穀數量、嚴格監視控管統治異民族台灣。第六章之四處，甚至隨著戰爭情勢危急，商業警察將隱藏糧食的人打得半死、將教科書上的「支那」字眼塗改成「中國」的商科學生被憲兵打死的傳聞不斷。對此張文環用「不經由法院判決，軍人如果能殺國民等於否定國法。沒有國法，人民變得沒有依靠，必然感到世界末日的來臨，那又該如何呢？善良的農民，只能仰天嘆息」〈第六章之四〉的措詞，來表達日本軍國主義統治下，台灣人民的怒吼以及無奈。

隨著戰事逼近，日本當局開始徵志願軍、實施徵兵制，徵調台灣人充當日本兵，上前線戰場為日本國賣命。在台灣本島的老年人見此，悲嘆說這輩子第一次遇到這麼悲慘的事。而出征的台灣年輕人口中喊著：「拋頭顱、灑熱血的台灣人，才能真正成為日本人」〈第六章之五〉。此言一出，感動得台灣知識份子也為之熱淚盈眶。不上前線、躲在戰爭後方台灣本島日本軍人聞之，馬上讚揚說：「這樣傑出的青年，是日本在台灣數十年來勵行的教育成果」〈第六章之五〉。戰況急迫，日本教育台灣人要為日本國拋頭顱、灑熱血，才能當上真正的日本人。此套說詞，似乎與昭和 13 年發布改姓名政策的主旨，相違背。繼之，《滾地郎》文中亦披露，全面嚴格管控物品、分配生活物資、廢寺廟、禁穿台灣服等強壓政策，藉此抒發了對日本軍國主義統治下臺灣人的憤怒。此絕非張文環一己的親生體驗，應是日據時代生活過來台灣人普遍的集體記憶吧！只是日據時代集體灰色惡夢中，張文環特別穿插了「超越異民族的友誼」的彩繪。此獨特的寫法，凸顯出張文環對「異民族」的不同詮釋。異民族高壓統治之際，仍有超越異民族的友誼，人類普遍存在的善意。

4. 觀察台灣社會內部的現象

張文環除了對於日本統治時期的政策提出見解外，本身對台灣社會亦有深入獨到的觀察。如下簡單敘述張文環的見解。

4.1 往下紮根，耕耘土地的可貴農民奮鬥的精神

作品名《滾地郎》，狹隘定義指的是主角啓敏。廣義當然指的是整體的臺灣人。

第六章之二處明白寫道：「盡人事聽天命是啓敏一家的人生觀」。而啓敏秉持著是「仰賴土地，認真農耕是開拓人生的唯一道路」的信念。並體認到「土地跟人一樣呼吸著，不持續耕種，是不會長出穀物」的回歸大自然的道理。而日本當局以戰爭為名，四處搜括物資、嚴格控管流通、分配，妻子秀英看到擔心因此生活困苦的啓敏，而安慰他說道：「人啊！只能順其自然。戰爭也是不是我們管得著的事。統治當局想拿就儘管拿走吧！才不相信連山啊土地啊能拿得走」〈第六章之三〉。被統治的悲慘台灣人，只能任由日本軍國主義壓榨、剝削。台灣人唯一能做的選擇，就是往下紮根、踏實耕種土地。自清朝而至日本，外來族群來到台灣這片土地掠奪，嚴峻的統治政策下被剝削的台灣人民，不就是一直仰賴台灣土地，一路困苦地生活過來的嗎？仰賴土地是唯一生存的希望，也是千古不變的法則。此乃農民奮鬥精神可貴之處。也是逆境中求生存的唯一之道。

相較於貧農的啓敏，可視女兒阿蘭與弟弟武章兩人，為台灣人知識份子的代表。阿蘭吸收婦女雜誌的知識，成為擁有日本名字的「半個日本人」〈第六章之五〉。而疼愛阿蘭的武章則是身任訓導、一副「戰爭時的標準日本人」〈第六章之五〉姿態出現。即使丈夫被徵調至前線出征亦不以為意的阿蘭，終究因為丈夫的戰死而失神落魄。而武章極力改姓名以圖高昇校長一職升官，卻夢想幻滅。知識份子的人生潰敗，似乎證明農民努力耕耘土地的奮鬥精神，才是台灣人精神的具現，困境中求生之道。

作品結尾，啓敏因愛女心切，一得知女婿戰死消息即刻趕到阿蘭家，因傷心過度而猝死於女婿靈前。妻子秀英耳聞丈夫猝死，冒著空襲危險，手牽幼女、懷抱幼子趕往阿蘭家的途中。此結局令人鼻酸、心痛。鼻酸之餘，眼前不禁浮現出玩弄善良百姓的歷史無情的一面。

不管歷史的無情、農民精神的可貴、知識份子的潰敗，都是張文環透過殖民經驗中獲得的體認，同時也應該是屬於日據時代台灣人的集體記憶！

4.2.男尊女卑的本質

《滾地郎》文中出現三次將女人的命運比喻做「菜籽命」〈第四章之二、第五章之三、第六章之四〉。兩次是出自身為女人秀英以及養母阿媛的口中，一次出自養父明通的口中。秀英被已娶別人為妻的養父母的兒子仁德強暴後生下女兒阿蘭，當時養父明通失望地說：「女人像菜籽命，賠錢貨」〈第五章之三〉。歧視女人的男人心理，由此得知。「女人是菜籽命」的命題，除了出現在《滾地郎》外，多次出現於擅長描寫女人心理的張文環其他《閩雞》〈1942〉等作品當中。可見男尊

女卑、歧視女人的觀念，是台灣社會普遍存在的價值觀。如同秀英曾經悲嘆著：「女人和麻油菜籽一樣，撒在哪裡長在哪裡。女人隨著嫁的夫婿而命運大不同。是好是壞，只能聽天由命」〈第六章之四〉。台灣女人是否能富貴過一生，取決於出生與結婚兩件事。出生富貴人家，總比別人更有機會過好日子，女大當嫁時，父母親依門當戶對的標準，選擇不錯的夫家。而出生在窮困的中、下層家庭，注定要過苦日子。只能透過結婚，再豪賭一次命運翻盤的機會，但往往是機會渺茫。於是，台灣女人普遍擁有「嫁雞隨雞、嫁狗隨狗」的宿命觀，無奈地哀嘆「女人像麻油菜籽」的命運。

台灣社會中男尊女卑的情形，到處可見。而經過張文環的筆觸描寫的夫妻關係，可以看出張文環對男女關係有獨特的見解，破除一般男尊女卑的迷思。為了清楚比較出異同，擬將《滾地郎》文中描述的三對夫妻，亦即是上流階層啓敏養父家的養父久旺與妻子吳錦夫婦、中下階層秀英養父家的養父明通與妻子阿媛夫婦、台灣社會最下階層養子童養媳啓敏與秀英夫婦三對夫妻，作為比較的標的。

陳家發跡於日據時代久旺西村村長、改姓名之時。在這之前是經營山村中三家老店之一「金源成商店」。該店是明治時代傳承下來的。久旺與吳錦夫妻透過傳統的媒妁之言，經過傳統式迎娶而成為正式夫妻。久旺在書房學習漢學之後受了四年的日本教育，在山村中可稱得上「知識份子」〈第一章之四〉。而迎娶的吳錦「既識字有長得標緻」〈第二章之四〉。從別人的眼中看來，倆夫妻是「有學識的恩愛夫妻」〈第二章之三〉。然這對夫妻在人生上遇過兩次考驗。第一次考驗描述於第一章之六至第二章之四間，將其梗概介紹如下：結婚半年後，久旺因生意應酬常上酒家，喜歡上酒店小姐秀琴。吳錦得知後，想辦法買回久旺送給秀琴當訂情之物「刺繡錢包」。再拿此「刺繡錢包」當證物，向久旺雙親哭訴，結果久旺父親活活地氣死。久旺於是心生對妻子吳錦的不滿，但又感動於吳錦盡心打點父親喪禮、服侍母親的賢慧模樣。終於除去心中芥蒂與吳錦重修舊好。第二次的考驗描述於第二章之五，情形大概如下：領養啓敏當養子隔年，親生骨肉兒子武章出生，隔年女兒淑銀出生。當武章三歲時，陳家找來個年約 15 歲，名叫素麗的女孩照顧他。久旺趁著妻子帶女兒回娘家過夜時，與素麗同房睡覺，發生不倫關係。事後得知此事的吳錦，馬上找來素麗父親談判，給予金錢了事。心中仍想納素麗為妾的久旺，對於吳錦處理的方式極度不滿，甚至心中詛咒妻子為「狐狸妖精」。但隔天中山巡查登門來訪，以「夫唱婦隨、模範家庭」為理由，要久旺接下空懸多日的西村村長要職。此時久旺才恍然大悟，明白要不是妻子的果斷處理了與素麗的不正常關係，自己就無法享受鴻運當頭，當不上村長。自此而後，久旺當妻

子吳錦為自己招來福氣的福神，凡事聽命於老婆大人。兒子畢業於師範學校，女兒也上了女子學校，昭和 13 年陳家順利完成改姓名，成為山村中僅次於日本統治階級之後，台灣人中最高層級的家庭。此份榮耀應該歸功於久旺妻子吳錦的「相夫教子」的功勞吧！

而《滾地郎》第四章、第五章中，轉而集中描述屬於台灣社會中、下階層的秀英養家王明通夫妻一家人的故事。明通夫妻的結婚，沒有過多著墨。只提到阿媛本為良家少女，當初嫁給獨子的明通時，王家在山村中還是數一數二的雜穀店。明通立志想在日據時代中當個男人中的男人，所以習武學藝。因為沒有考量習武在日據時代沒有出路，於是空有武藝在身的明通，最後沒落成幫人抬轎的轎夫。妻子阿媛連想也沒想丈夫會落魄至此。雜穀店因經營不善後阿媛改賣起豆腐，又因明通看不慣妻子與客人打情罵俏做生意，與人打架受傷後，生意一落千丈。之後阿媛轉型開了個日常用品的雜貨店。明通本性不喜歡認真工作，每天空想著藉由賭博來完成一攫千金的美夢。可是賭博又怕惹火老婆大人生氣，明通只好每天偷閒、被動等待客人上門，賺得些微的收入。遇到這種沒出息的丈夫，阿媛更是積極賺錢，守住賺來的一分一毫的金錢。於是，明通家的經濟重擔，自然而然地就落到阿媛身上。

阿媛生意手腕厲害，用「孫子兵法」方式經營雜貨店，生意興隆，令旁人瞠目結舌。還傳說：「這個女人啊！如果是在日本出生的男人的話，一定可以當上縣長大人」〈第五章之一〉。阿媛不只免費提供喝茶、聊天的地方，來討到男人的歡心，讓他們順便購物回家。而也知道對女人們要大方以對，與她們結為姐妹淘。於是，不敢拋頭露面的家庭婦女們的口中，只有羨慕阿媛的作風。從沒有一個人說阿媛的壞話。丈夫沒出息的台灣社會中下階層的王家，只有靠阿媛一女人撐家。

大篇幅關於第三對啓敏與秀英夫妻的描寫，是在第六章。將兩個人結為夫妻的坎坷過程，簡述如下：啓敏雖然是大戶人家陳家領養的養子，自武章出生後就一直被冷落，小學只唸一年就匆匆結束學校生活，上山撿柴。在陳家只不過是聽從煮飯阿春婆命令，撿柴、打雜的免費長工。而秀英是王家領養的童養媳。打算長大成人後讓她與兒子仁德成親。誰知仁德 16 歲小學畢業後，就離開家鄉到嘉義市，當汽車工廠的學徒。由於是鄉下人認真工作，被老闆看上，被選為老闆親戚家的女婿。王家能與有錢人家結為姻親而感到自豪。從沒有人關心過童養媳秀英的心情。仁德藉由幾次回家的機會，強暴了秀英，秀英未婚生子產下女兒阿蘭，也從不過問。啓敏一直同情這對母女的遭遇，因為喜歡阿蘭，也開始對阿蘭的母親秀英懷著特別的愛意。甚至有一年的夏天，啓敏因看到被雨淋溼的秀英身材，

一時慾火焚身而強行施暴。由於秀英拼命抵抗不從，啓敏才沒有得逞。事後常從女兒阿蘭口中，得知啓敏不是壞人，逐漸對啓敏卸防、產生好感。終於啓敏 30 歲、秀英 25 歲那一年，兩人因相愛，在啓敏的山中小屋，發生肉體關係。卻被養父明通捉姦在場，帶至派出所要求巡查大人主持公道。雖然秀英是童養媳，但王家兒子仁德已經娶妻生子，就不構成通姦罪。於是，當時的吉田巡查在確認啓敏與秀英相愛的事實後，就網開一面要求王家與陳家和解。最後由陳久旺出資 240 圓交付王家當聘金，啓敏與秀英因而順利結婚。秀英帶著 8 歲的阿蘭，當晚即刻離開王家，前往啓敏單身以來充當休息用的山中小屋。開始三人幸福的家庭生活。

婚後秀英的勤儉持家的優秀表現，讓丈夫啓敏大吃一驚。讚揚自己的不識字的妻子秀英，擁有「經濟學博士」〈第六章之一〉般的頭腦。當陳家藉口說戰爭景氣不好，拿走家畜、糧食時，秀英也會差遣深得陳家歡心的阿蘭，下課回家途中，順道到陳家開的商店，要回一些生活必需品。啓敏雖然擔心這樣作法不妥，卻也不得不讚嘆妻子擁有「決斷力與生活智慧」〈第六章之三〉。又目睹秀英一心一意地認真經營家庭，更感到女人比男人務實，而自嘆不如。

啓敏夫妻在深山中組成的農家，生活上雖然貧困，精神上卻幸福無比。從丈夫啓敏的讚美中，不難看出這完全出自秀英慘淡經營的堅忍精神。

從上述解析出三對夫婦的實質關係，明顯地是與「男尊女卑」的社會標準相違的。三對夫婦雖然各處於台灣社會上層、中下層、最下層的三個不同階級。但任何的一個家庭，都是有位賢內助辛苦撐家，才得以延續家計、興旺家運。於是，表面上社會是以男尊女卑為依歸，但實際上家中的大權，完全掌控在女人的手中。藉由《滾地郎》中實質的夫妻關係的描繪，可以掀起「男尊女卑」的帷幕，更看清楚被遮蔽的男女夫妻關係的本質。

5.張文環個人精神、寫作風格的面面觀

《滾地郎》是以第三人稱所寫成的長篇小說。全篇共分成六大章，各章設有小節陳述。因有歷史小說風範的取向，作品中出現了眾多具名或不具名的人物，隨著章節故事的推展，視點人物亦有所更動。第一章與第二章集中陳述陳家發跡過往。第三章以啓敏為主，而第四章則以王家為主。第五章敘述啓敏夫婦坎坷的情路。第六章重點在於啓敏夫婦婚後的山中生活。以日據時代為背景鋪陳，加之眾多的人物與不同的視點人物，此獨特的小說技法，在張文環的小說群中，實為少見。堪稱一大鉅作。簡單舉出四點特色，來了解作者張文環個人精神、寫作風格成長的一面。

5.1 摺疊鏡式左右並陳的描寫方式

多次提到日本當局實施的改姓名政策，藉著不熟悉日文訓讀與音讀的發音而鬧笑話的場景，分化出改姓名者與無緣改姓名者的兩個族群間的心理拮抗。再者因寄望功成名就而改姓名的知識份子與被動改了日本姓名的農民間，對比出夢想落空與無心插柳柳成蔭的結果。可視此為摺疊鏡式、左右並陳的描寫方式。

另外響應「八紘一宇」口號，改姓名成為日本人，豈知只被稱作「丸臺日本人」。而隨著戰爭逼近，又出現了拋頭顱灑熱血才能成為真正的日本人的新說法。摺疊鏡式、並陳新舊不同說法的方式，其真偽的判別，留待讀者自己想像。

再者文中提及兩次杜鵑鳥的故事，一為秀英告訴女兒阿蘭的故事〈第五章之三〉。一為出現在啓敏自覺孤獨寂寞想念秀英時刻〈第五章之五〉。秀英告訴阿蘭，一對祖孫看到洞穴掛滿美麗的飾品，祖父怕兩人一起進去會有危險，於是獨留孫子一人在外，祖父一人進去洞穴拿取。誰知一進洞穴後洞穴的門馬上關起，任憑孫子如何呼喚爺爺，都沒有回音。最後孫子泣血而死，化身為杜鵑鳥繼續呼喚爺爺。而啓敏將杜鵑鳥解釋為，尋覓不著人生伴侶，泣血而死的化身。前者聚焦於祖孫之情，後者聚焦於男女之愛。並陳兩種不同詮釋說法，端賴讀者自己解讀。

異民族入侵伴隨語言的隔閡，當局高壓的統治政策，帶來人民生活苦不堪言。舉凡衣食住行、信仰、語言、思想、性命，完全被箝制、痛不欲生。其中也導入「超越異民族的友誼」的事例。好壞並陳的方式，增添了多元化的視野。

話說陳家兄弟武章與啓敏，武章為知識份子的代表，依靠知識，掌握時代動向，贏得社會地位。卻在新時代來臨之際，徬徨不安。而啓敏夫妻為農民的代表，依靠土地，深耕種植，贏得生活保障。在數次面對命運的艱難考驗，臨危不亂、安心立命。並陳知識掛帥與紮根土地的兩種不同人生面貌，提供讀者深思。

藉由吸收知識、思想改造成為「半個日本人」的阿蘭，與成為「標準日本人」的武章，在時代的激流下，阿蘭因戰爭失去至愛的丈夫，武章因日本的戰敗功成名就的夢想破滅。同時並陳知識造就的一得與一失，給予讀者無限的想像。

綜合上述，對同一件事情的正反兩面說法或是迥異說法，作者不加以評斷，只善盡提供題材的義務，留給讀者極大的自由閱讀的空間。

5.2 力求參透事物的本質

一個名詞、口號、遣詞用句，會隨著時代往前推進、人們的認知，使用方式或許不同，但所代表的本質意義，是不會改變的。此番深刻的道理，可以從《滾地郎》關鍵詞「改姓名」、「異民族」，以及台灣社會的「男尊女卑」，得到印證。

日本統治當局於昭和 13 年發布改姓名政策，鼓勵高額納稅者透過改姓名成爲日本人。而戰爭情勢緊迫，日本當局改成徵調台灣人充當日本兵，上戰爭前線透過流血成爲日本人。從日本當局前後不一的說法看來，其實改不改姓名，都不能改變是台灣人的事實，當然也不可能成爲真正的日本人。

異民族統治台灣，台灣人民被矮化成爲次級國民，種種的壓迫、剝削讓台灣人受苦，痛不欲生，這是個不爭的事實。然而，同樣漢民族的清朝統治台灣，台灣還是不能免於語言的隔閡，官僚制度的迫害。是不是「異民族」與否？台灣人所受的對待根本沒有什麼改變。因爲只要有「統治」的事實發生，被統治的者，永遠是被剝削的一群。

「改姓名」、「異民族」與否？都只是語言遊戲，在語言上面打轉，意義不大。重點是，無論與否，都改變不了事實，扭曲不了事物的本質。

而台灣社會公認的男尊女卑的標準也是一樣。被鄙視的女人，往往是支撐家庭、興旺家運不可或缺的人物。而被社會奉爲尊榮的男人，常常是依附意志力堅強的女人的庇蔭，才能功成名就或生存下去。社會的男尊女卑表象與女人不可或缺的本質，落差甚大。

事物的本質，不是言語的遊戲，也不是社會的表象。破除迷思、自在觀，才是接近事物本質的不二法門。此乃是透過《滾地郎》的閱讀，得到的啓示。

5.3 一視同仁、眾生相、自在觀的圓融筆法

摺疊鏡式、左右並陳，不妄加評斷，公論自在讀者心中的描寫，可說是一視同仁的客觀描寫方式。

事物的本質，不是言語的遊戲，也不是社會的表象。而力求參透事物本質，更需破除迷思、觀自在。

此般日據時代的眾生相、自在觀的圓融筆法，堪稱伴隨張文環精神成長後，寫作上精益求精，往前邁向更高境界。也許如果沒有經過 31 年的沉澱，是不可能培養出對事物的細膩觀察、客觀暢述日據時代的殖民記憶。是不可能涵養出平常心、圓融氣度，面對世間的種種。

5.4 借景喻情

另一獨到之處乃藉由台灣常見的動物或習性，來影射人物或隱喻人物內在的心情。久旺洞房花燭夜時的描述，藉由「貓兒」的偷窺〈第一章之四〉，來隱喻即將發生的男女肉體關係。而久旺趁吳錦回娘家過夜之際，手染幫傭女孩時，吳錦

用又犯了「貓兒偷腥」的毛病〈第二章之五〉，來數落久旺。「貓兒偷腥」的習性，與喜愛女色、風流的久旺的習性相當。而每當在心不甘情不願之下被仁德強迫發生肉體關係後，秀英的哀嘆的畫面中，總會點綴出「蛙鳴」。或秀英出現的場景，總會跟隨著「蛙鳴」。「蛙鳴」詮譯了秀英哀悽、無奈的心弦之音³¹。當然「青蛙」是秀英近距離的夥伴，當作秀英的隱喻，理應不為過。而上述的「杜鵑鳥」，啓敏把牠看作同自己一樣孤獨尋找伴侶的縮影。啓敏苦等秀英卻不來，回想起與秀英溫存，心情盪到谷底無法排遣苦悶時，「梟與青蛙的合唱，今天聽來格外像似地獄演奏的管旋樂曲」〈第五章之五〉。此時的「梟與青蛙的合唱」，不折不扣是隱喻著啓敏與秀英溫存的喜悅。只是苦等的秀英沒來，聽在啓敏的耳朵，才會痛苦不堪。如果「青蛙」影射秀英的話，那「梟」就等於是影射啓敏。

借動物影射作品人物的心情或習性的手法，顯示張文環朝向由外界事物而至投射人物，再由投射人物進入投射人物深層心理的走向。此借物喻情的深入描繪，可看作繼《閩雞》〈1942〉之後，張文環描繪上大幅度的成長。

綜合上述分析，不難看出作者張文環使用描寫手法，是不偏袒作品中任何每一位人物。對事物的說法、看法，左右並陳處理，至於價值判斷，留待讀者公斷。易言之，整個作品的描寫，達到了一視同仁、眾生相、自在觀的最高極致的意境。此應可以與日本近代文豪夏目漱石〈1867-1916〉晚年所推崇的「則天去私」³²的境界，相媲美。

6. 結論

《滾地郎》的作品時間，自1909年至1945年止35年間。約佔整個日據時代的三分之二左右時期。又因作品主角啓敏與作者張文環出生年代、出生地的地緣關係，非常吻合。並且考量了睽隔31年後開始的《滾地郎》創作動機，與1972年台日斷交有密切的關聯。故將《滾地郎》定位為一部張文環的自傳性、日據時代台灣人的集體記憶小說。以此為基調，探究了張文環個人的精神、寫作風格的成長。

首先張文環觀察到，日本統治台灣的重要政策之一的改姓名，牽涉到的語言隔閡的問題，又因語言隔閡的問題，引發了「異民族」一詞的爭議。改姓名無益於台灣人成為真正的日本人，那只是個政治語言的遊戲罷了。因為戰爭後期日本

³¹此與被譽為「從無聲而至有聲，再回歸無聲」的最高意境描寫的日本有名的芭蕉俳句「青蛙撲通一聲跳到水裏」作品，情境雖相差甚遠，各有其特色。

³²捨棄我執，順從自然的客觀描寫手法。

當局徵調台灣人充當日本兵，上前線為日本國犧牲性命時，要求的不是「改姓名」，而是「流血」才能成為真正的日本人。而「異民族」一詞，亦是個語言遊戲。對於被統治的台灣人而言，不管統治者是大和民族的日本或是漢民族的清朝，台灣人所受到的不平等待遇是一樣的。

有關觀察台灣社會內部的現象。依賴知識，期盼日本統治期力爭上流的知識份子，卻因日本戰爭失利，而美夢破滅。相對於知識份子的潰敗，台灣的農民，依賴土地，往下紮根、認真耕耘，求得溫飽，困苦中延續了生命。農民勤奮可貴的精神，證明是殖民困境中，突圍求生之道。

而台灣社會也同傳統的中國社會、日本社會一樣，是重男輕女、男尊女卑的社會。張文環對台灣社會的深入觀察之後，透過《滾地郎》筆觸，傳達出社會的表象與事實不符。在台灣被鄙視的女人，往往是支撐家庭、興旺家運不可或缺的人物。而被奉為尊榮的男人，常常是依附意志力堅強的女人的庇蔭，才能功成名就。

上述的張文環犀利的觀察所得，都透過摺疊鏡式、左右並陳、一視同仁、自在觀的客觀描寫方式傳達出。此反應出沉澱 31 年後，張文環寫作方面的大幅成長。如果沉澱 31 年當中，張文環沒有涵養出平常心、圓融氣度，恐怕難以用純熟、無私客觀的筆法，表達出對事物的細膩觀察、客觀暢述日據時代的殖民記憶。而力求事物本質的意念，亦是沉澱 31 年後的一大斬獲。日據時代中的眾生相、自在觀的境界，堪稱是張文環前所未有的極致。實與張文環曾經接受過影響的日本近代文豪夏目漱石（1867-1916）所追求的「則天去私」的境界，不謀而合。

引用範本

日文版張文環，《地に這うもの》鴻儒堂，1975

引用書目

- 鍾肇政〈後記〉《台灣人三部曲》遠景出版事業公司，1980
- 李喬《寒夜三部曲》遠景出版事業公司，1980
- 川崎庸之代表監修《閱讀年表式的日本史》，自由國民社，1993・初版1991
- 張建隆〈生息於斯的「滾地郎」—張文環〉張恆豪編《台灣作家全集・短篇小說卷/日據時代10》前衛出版社，1994・初1991
- 林藜《瀛洲斬鯨錄—台灣同胞武裝抗日的歷史故事—》稻田出版有限公司，1992
- 李昂《自傳の小說》皇冠文化出版有限公司，2000
- 趙世男、洪明燦《台灣老兵三國誌》前衛出版社，2000
- 陳萬益主編《張文環全集》（全8卷）台中縣立文化中心，2002
- 張文環〈山茶花—後天開始連載・作者的話〉，中島利郎、河原功、下村作次郎監修《台灣統治期台灣文學集成2》綠蔭書房2002
- 柳書琴著中島利郎譯，〈張文環『山茶花』解説——部落から都会へ、進退窮まつた植民地の青年たち〉，中島利郎、川原功、下村作次郎監修《日本統治期台灣文學集成2 台灣長篇小說集二》綠蔭書房，2002
- 閻延文《台灣風雲》（上下二冊）橘子出版有限公司，2003
- 陳玉慧《海神家族》INK 印刻出版公司，2004
- 姚嘉文《霧社人止閔》草根出版事業有限公司，2006
- 邱家洪《台灣大風雲第三冊二二八驚魂》前衛出版社，2006
- 閻延文《青史青山》問津堂書局，2006
- 津島祐子《あまりに野蛮な》雜誌《群像》，2006.9-2008.5
- 邱家洪《台灣大風雲》（全五冊）前衛出版社，2006
- 葉石濤〈論張文環的《在地上爬的人》〉《葉石濤全集14》國立台灣文學館・高雄市政府文化局，2008
- 葉石濤〈張文環文學的特質〉《葉石濤全集14》國立台灣文學館・高雄市政府文化局，2008

『ノルウェイの森』のワタナベの愛のゆくえ

—三者關係の構図から見て—

葉菱 / Ling Yeh

淡江大學日本語文學系所 碩士班

The graduate student of department of Japanese, Tamkang University

【摘要】

如同許多先行研究指出，村上春樹的『挪威的森林』是以「沒有愛」為前提的「戀愛小說」。再者，作中提到死亡的部分更多於戀愛的描寫。如此一來，敘述者渡邊所感受到的戀愛到底是甚麼呢？渡邊早已知道自己與直子之間沒有愛情的存在，他所感受到的戀愛可說是透過敘述『挪威的森林』來體認到自己對綠的愛。於是，從渡邊確認自己對綠的愛情的過程來看，確實『挪威的森林』可以說是一部「戀愛小說」。

【關鍵詞】

村上春樹、『挪威的森林』、戀愛小說、敘述

【Abstract】

As many precedence researches pointed out, Haruki Murakami's "Norwegian Wood" is the "love story" on condition of "the absence of love." Furthermore, there are more portions involving death than the depiction to love. Thus, what thing is really the love which Watanabe of the narrator felt for "Norwegian Wood"? The love which Watanabe who already got to know that Naoko had not loved each other felt is the love to the green confirmed through "Norwegian Wood." Thus, it can be said that "Norwegian Wood" will be a "love story" to be sure in a sense if Watanabe says in the process which confirms the love to green.

【Keywords】

Haruki Murakami, "Norwegian Wood", love story, narration

1 はじめに

『ノルウェイの森』は語り手のワタナベが37歳の時、19歳から20歳の2年間の出来事を中心に回想した物語である。川村湊が『ノルウェイの森』を「副次的な三角関係までもを含めれば、この作品は、無数の三角形がジグソーパズルのようにはめ込まれた小説」¹だと見ているように、作中には確かに多くの三者関係²、たとえば「ワタナベ・直子・キズキ」、「ワタナベ・直子・緑」、「ワタナベ・直子・レイコ」、「ワタナベ・緑の恋人・緑」、「ワタナベ・永沢・ハツミ」が仕込まれている。しかし、その中で加藤典洋が『ノルウェイの森』を「語り手でまた主人公でもある僕（ワタナベ・トオル/原文のまま）と、直子、小林緑という三人の主要な登場人物がいる。（中略）ふつうに考えれば、これはこの三人の関係を描く三角関係の恋愛小説」³と論じているように、『ノルウェイの森』は「ワタナベ・直子・緑」の三角関係を中心にした恋愛小説だと考えられる。作中の「ワタナベ・直子・緑」の三角関係を他の関連のある三者関係と絡み合わせて見ると、細部に入りすぎ、あまりにも複雑で正体を掴むことが難しくなる。

さらに、37歳のワタナベによる自分の18年前の出来事に対する記憶によって語られた『ノルウェイの森』は、「ひょっとして自分は一番肝心な部分の記憶を失ってしまっているじゃないかとふと思う」というように、ワタナベの語りには不確かさがあるという可能性が仄めかされている。このように、不確かな語り、それに他の関連のある三者関係との絡み合いによって生じた「ワタナベ・直子・緑」の三者関係の全貌を把握する難しさは想像するに難くない。従って、本論文では、こういった難所を承知の上で、語り手のワタナベの語りにある不確かさを考慮しながら、恋愛小説としての『ノルウェイの森』において、ワタナベが表す「愛」の形と作中の多くの三者関係との関係を究めたいのである。

¹ 川村湊（1997）「〈ノルウェイの森〉で目覚めて」『群像 日本の作家26 村上春樹』小学館 p211

² 作田啓一（1981）『個人主義の運命』岩波書店p2-3では、三者関係とは一人を客体としてほかの二人がその人をめぐって生み出した人間関係で、三角関係が「愛を得ようとする」三者関係だと定義している。本論文では、それに準じて見ることにした。

³ 加藤典洋（1996）『村上春樹 イエローページ』荒地出版社p115

以上のように、『ノルウェイの森』は多くの三者関係が存在しているという構造でなりなつた物語である。また、「骨でもしゃぶるような気持ちで僕はこの文章を書きつづけている。直子との約束を守るためにはこうする以外に何の方法もないのだ」(p17)とあるように、『ノルウェイの森』はワタナベが直子との約束を果たすために語つたものと看做されよう。このように、以下ではワタナベと直子との関係の変化に着眼して、二人の間に介入している第三者が二人の関係の変化に与えている関係を明らかにする。

2 「ワタナベ・直子・キズキ」の三者関係

2.1 ワタナベと直子の間に介在するキズキ

ワタナベと直子の二人の関係を論ずる前に、まずキズキに目を向けなければならぬ。なぜなら、ワタナベと直子が知り合ったきっかけは、ワタナベの高校時代の友人のキズキだからである。1967年5月⁴に自殺して死んだキズキは直子の幼なじみの恋人である。直子は高校時代のキズキとの付き合いについて以下のように言っている。

私たちは普通の男女関係とはずいぶん違つたのよ。何かどこかの部分で肉体がくっつきあつているような、そんな関係だつたの。あるとき遠くに離れていても特殊な引力によってまたもとに戻つてくつついてしまうようなね。(p187)

引用文のように、直子はキズキとの関係を「肉体がくっつきあつている」と喩えて、「普通の男女関係」とは違つたと言っている。その理由は次のようである。

私たちは十二の歳にはキスして、十三の歳にはもうペッティングしてたの。(中略)。普通の成長期の子供たちが経験するような性の重圧とかエゴの膨脹の苦しみみたいなものを殆んど経験することなくね。(p187-188)

⁴ 『ノルウェイの森』では「一九六九年の一月」のようなはっきりとした時間表現と、「高校二年生の春」のような時間表現が見られる。本発表で使つた作中の時間は木股知史が「手記としての『ノルウェイの森』」(1992、『昭和文学研究 第24集』)で推定したものである。

これは、直子が自分とキズキとの成長期が一般の人とは違うことを強調するくだりである。直子はキズキとの付き合いが普通ではないと主張している。そして、この時期、ワタナベの二人との付き合いは下記のようなのである。

キズキが一度席をはずして二人きりになってしまうと、僕と直子はうまく話をする
ことができなかつた。二人ともいったい何について話せばいいのかわからな
かつたのだ。実際、僕と直子のあいだには共通する話題なんて何ひとつとしてな
かつた。 (p37)

引用文から分かるように、キズキがいないと、ワタナベと直子との関係は中断されてしまう。キズキは渡し船のようにワタナベを直子と繋いでいる。つまり、ワタナベと直子との関係はキズキを通して成り立った関係なのである。また、直子は「彼（キズキ・筆者注）以外の人になんて殆んど興味すら持てなかつたのよ」とも言っている。直子はキズキ以外の人に興味さえ持てなかつたから、他人を愛することもできなかつたであろう。このように、高校時代キズキ一人しか愛していなかつた直子は、キズキを通してのみワタナベと繋がっていたのである。

1968年5月、東京の大学生になったワタナベは偶然に直子と出会った。その後、定期的にデートすることになった。二人の関係は高校時代とは違うようになったが、二人の間にはやはりキズキが存在している。

秋が終り冷たい風が町を吹き抜けるようになると、彼女は時々僕の腕に体を寄せた。(中略) 彼女の求めているのは僕の腕ではなく誰かの腕なのだ。彼女の求
めているのは僕の温もりではなく誰かの温もりなのだ。 (傍点は原文のまま)
(p44)

引用文の如く、ワタナベと手を繋ぎながらも、直子は実は心の中で死んだキズキを求めている。そして、ワタナベにもそのことが分かっている。このように、ワタナベがキズキを通して直子と連結する関係はキズキの死後にも変わりなく続いている。では、なぜキズキを求める直子はワタナベと仲良くなつて手まで繋いでいるのであろうか。その理由について直子は以下のよう

に説明している。

キズキ君は死んでもういなくなっちゃったけれど、あなたは私と外の世界を結びつける唯一のリンクなのよ、今でも。そしてキズキ君があなたのことを好きだったように、私もあなたのことが好きなのよ。 (p189)

直子がワタナベを好きになった理由はキズキがワタナベを好きだったからということにある。換言すれば、直子がワタナベと仲良くなったのはキズキに影響されたためである。このように、キズキは死んだとしても、ワタナベと直子に及ぼす影響は続いている。いわば、キズキは亡霊としてワタナベと直子との間に常に介在しているのである。

また、1969年4月、直子の20歳の誕生日にワタナベと直子はセックスした。その後、二人はそのセックスについて、以下のように話し合っている。

「どうして？ どうしてそんなことが起るの？ だって私、キズキ君のこと本当に愛してたのよ」(直子の言葉・筆者注)

「そして僕のことは愛していたわけでもないのに、ということ？」(ワタナベの言葉・筆者注)

「ごめんさない」と直子は言った。(p165)

引用文のように、本当は直子はワタナベを愛しているからセックスしたのではない。二人がセックスしたとしても、直子は依然として心でキズキを求めているのである。そして、直子はキズキのみを愛しており、ワタナベを愛していないことをきちんとワタナベに教えた。しかし、直子が自分を愛していないと知りながらワタナベは、精神的な病気⁵にかかった直子と会うため、1969年10月と12月の二回阿美寮へ行った。また、1970年2月に、引越したワタナベが直子へ送った手紙には次のような一節が書かれている。

⁵ 清水良典(2006)『村上春樹はくせになる』朝日新聞社p139では、「直子がある『病』を抱えていることは間違いない。しかしその『病』を、作者は特定の精神疾患としてではなく、(中略)もっと広義の病として描いているように思える」と直子の病気を解釈している。

もし我々が四月から一緒に住むことができるとしたら、それがいちばん良いじゃないかなという気がします。うまくいけば君も大学に復学できるし。一緒に住むのに問題があるとしたらこの近くで君のためにアパートを探すことも可能です。いちばん大事なことは我々がいつもすぐ近くにいることができるということです。 (p347)

ワタナベは直子と二人で新しい生活を始めようと努力した。だが、結局その努力は無駄であった。「直子はお前の方を選んだんだものな。彼女自身の心みたいくらい森の奥で直子は首をくくったんだ」とあるように、1970年8月に直子はキズキを求め、結局死を選ぶことにした。以上のような「ワタナベ・直子・キズキ」の三者関係について、高橋丁未子は以下のように論じている⁶。

「グー」をキズキ、「パー」を直子、「チョキ」を〈僕〉と設定してみよう。「パー」は「グー」に勝つ。ゲンコツは掌の中へ収まり、合体してしまう。「チョキ」である〈僕〉は、何ら作用できないのだ。

高橋の論説では、「グー」と「パー」に喩えられたキズキと直子の関係は結局、死により一緒になって、残されたワタナベにはどうしようもないものだと言える。一步進んで言えば、「チョキ」であるワタナベは「グー」のキズキに隔てられて「パー」の直子に勝つことはない。このように、ワタナベがいくら努力してもキズキを越えられず、結局、直子は自殺した死者のキズキのところへ赴いたのである。生きているにせよ、死んでいるにせよ、キズキはワタナベと直子との間に常に介在している存在だと言えよう。

以上、考察した結果を図1のようにまとめた。

図1 ワタナベと直子との間に存在するキズキ

⁶ 高橋丁未子 (1990) 『ハルキの国の人々』CBS・ソニー出版p19

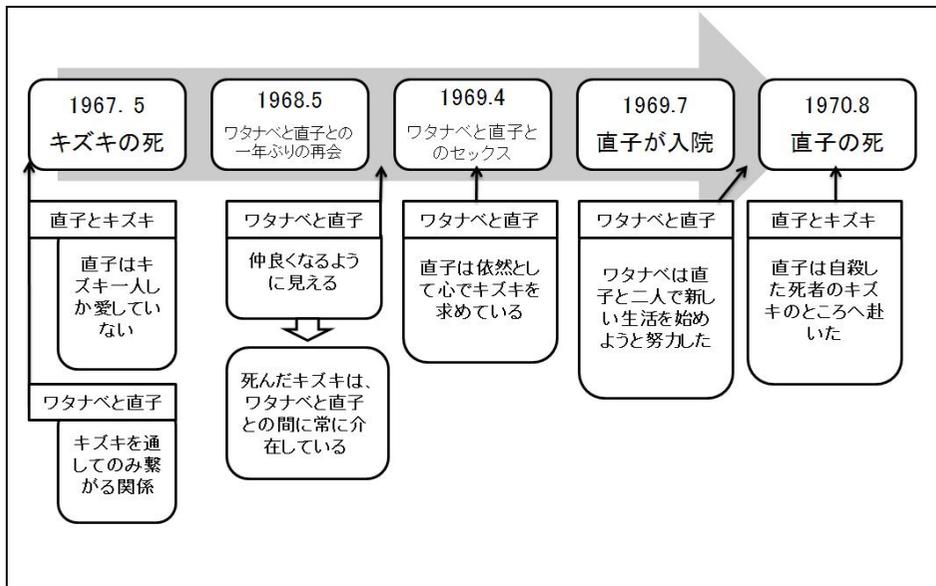

図1に示したように、直子のキズキへの愛は高校時代から死ぬまで、始終変わらないのである。直子がワタナベを愛したことは実は一度もない。そして、ワタナベ自身もそれを知っている。高校時代から、ワタナベと直子との関係はキズキを通して繋がっているものであるため、「ワタナベ・直子・キズキ」の三者関係において、キズキはワタナベと直子との間に常に介在しているのである。キズキの死後、ワタナベが直子と仲良くなったことで、このような三者関係は一見キズキの死によって崩壊したように見えるが、ワタナベがいくら直子に力を尽くしても、直子は結局愛するキズキのために死を選んだのである。このように、見かけ上、ワタナベは直子に近づいたように見えるが、裏に介在しているキズキの存在は相変わらずのままなのである。二人の距離は、本質的に何も変わらなかったと言えよう。

2. 2 ワタナベの直子に対する気持ち

2. 1で考察したように、ワタナベは直子が自分のことを愛していないと分かった。それを前提として、本節ではワタナベの直子に対する気持ちを見てみよう。まず、1968年10月、一年ぶりに再会して仲良くなったワタナベと直子が愛について話し合った一節がある。

「これまで誰かを愛したことはないの？」と直子は訊ねた。

「ないよ」と僕は答えた。

彼女はそれ以上何も訊かなかった。(p44)

このように、誰も愛したことがないと答えたワタナベは、当然のこと、直子のことを愛するわけではない。そして、1969年4月直子の誕生日の夜にセックスしたことについて、ワタナベは以下のように言っている。

その夜、僕は直子と寝た。そうすることが正しかったのかどうか、僕にはわからない。二十年近くたった今でも、やはりそれはわからない。たぶん永遠にわからないだろうと思う。でもそのときはそうする以外にどうしようもなかったのだ。(p61)

引用文のように、ワタナベは直子とのセックスについては、明確な考え方を持っておらず、ただするしかないことのように語っている。いわば、ワタナベは直子を愛しているから彼女とセックスしたわけではないのである。

また、1969年10月に直子と会うため阿美寮に行ったワタナベは、そこでレイコと愛について話し合う一節がある。

「あなたにそれができる？そこまで直子のことを愛してる？」(レイコの言葉・筆者注)

「わからないですね」と僕は正直に言った。「僕にも人を愛するというのがどういふことなのか本当によくわからないんです。直子とは違った意味でね。(中略)僕と直子はお互いを救いあわなくちゃいけないし、そうする(直子を待つ・筆者注)しかお互いが救われる道はないと思います」(ワタナベの言葉・筆者注)(p170)

このように、人を愛するという意味が分からないワタナベは、直子に対する気持ちが愛だと言えるかどうか、自信を持っていない。さらに、直子を待つことを「救う道」と言ったように、ワタナベが直子を待つのは愛に基づいたものではなく、「救い」に基づいたものである。このように、実はワタナベも直子を愛しているとは言いがたいのである。

そして、1970年4月にレイコの手紙から直子の状態が悪化したことを知らされたワタナベは、死んだキズキに以下のように宣言した。

お前だってきっと辛かっただろうけど、俺だって辛いんだ。本当だよ。これと
いうのもお前が直子を残して死んじやったせいなんだぜ。でも俺は彼女を絶対に
見捨てないよ。何故なら俺は彼女が好きだし、彼女よりは俺のほうが強いからだ。
(中略)俺はもう十代の少年じゃないんだよ。俺は責任というものを感じるんだ。
なあキズキ、俺はもうお前と一緒にいた頃の俺じゃないんだよ。俺はもう二十歳
になったんだよ。(p356)

ワタナベが直子を見捨てないのは、一見すると彼女を好きなように見える
のだが、ワタナベの語りは「責任」という言葉に触れている。そして、ワタ
ナベに「責任」を感じさせるのは「直子を残して死ん」だ「無責任」なキズ
キの存在である。このように、「直子が好きだ」というのはただ見せかけの
言い方で、ワタナベのキズキに対する宣言に隠された真意は、「直子に責任
を取る俺はお前より強い」ということである。それを実現するために、ワタ
ナベは無責任なキズキと比較して、より強くあるために直子を見捨てない
「責任」を取るしかない。では、なぜワタナベがキズキより強いことに執着
しているのであろうか。その理由は前節で考察した「キズキがワタナベと直
子との間に常に介在している」という関係に求められる。

前で考察したように、ワタナベがいくら努力しても、直子は終始キズキ一
人だけを愛している。キズキを抜きにした、直子とワタナベとの関係は到底
無理なことである。否応なしにこういう状況に置かれたワタナベは、男とし
てキズキに負けたと感じたのではないか。このような男の勝負について、石
原千秋は次のように論じている⁷。

ホモソーシャルな社会を個人レベルで見ると、(中略)第一段階では女性を相
手に渡す。ところが、第二段階では女性を奪い返していた。単に女性の交換をす
ることで絆を強め合っているだけではなく、男は女性のやりとりを介して力比べ
をしているのである。

以上は男性の女性をめぐる力比べをホモソーシャルの観点で解釈してい

⁷ 石原千秋(2007)『謎とき 村上春樹』光文社p75-76

る論説である。さらに、石原千秋はワタナベとキズキとの力比べ、及びそれに引き込まれた直子について、以下のように述べている⁸。

直子をプレゼントされたワタナベトオルは、ホモソーシャル関係の中で、自分の責任を果たそうとする。ワタナベトオルが自分の責任を果たすやり方は、キズキのもとに直子を届けること、すなわち直子を自殺させることだ。

石原千秋の論説によると、ワタナベはキズキとの力比べを意識しているが、キズキに勝ちたいというほどの意欲はなく、ただ直子をキズキのもとに届ける「責任」を果たそうとしているのだという。もし石原千秋が指摘しているように、ワタナベが男の勝負に無関心だったら、ワタナベの「責任」は直子をキズキにすぐにでも返すことである。だが、ワタナベはキズキを越えて直接に直子と連結することはできない。つまり、勝負に負けたワタナベがキズキに勝ちたいという観点から見ると、「俺はもう二十歳になったんだよ」と言って自分の成長を強調するワタナベの語りには、「二十歳になった自分が十七歳で死んだキズキより強い」というニュアンスを含む可能性もあろう。このように、直子をめぐるキズキとの勝負を意識しているワタナベが言った「責任」は、直子をキズキに届けるのではなく、直子を捨てて死んだ「無責任」なキズキに勝つ方法だと考えられる。

そして、1970年6月に緑を愛したことに気付いたと語ったワタナベは、初めて直子への思いが「愛」であると語る一節がある。

そして僕は直子のこともやはり愛していたのだ。どこかの過程で不思議な形に歪められた愛し方であるにはせよ、僕は間違いなく直子を愛していたし、僕の中には直子のためにかなり広い場所が手つかず保存されていたのだ。(p383)

ここではワタナベが言った「歪められた愛」に注目したい。今まで直子に対する気持ちを愛だと正面から語らず回避し続けてきたワタナベは、突然直子を愛していると言い出した。しかも、その愛を「歪められた愛」と語っている。それは実は話術であり、騙りではなかろうか。ワタナベがキズキとの

⁸ 同注7 p279

勝負から感じる直子に対する責任を「歪められた愛」と言い張ったのではないか。このように、ワタナベはキズキに勝ちたいという願望を隠し、直子への「責任」を「歪められた愛」という騙りの愛として偽装しているのである。では、なぜワタナベがキズキとの勝負で「直子への愛」を言ったのであろうか。作田啓一は三者関係における模倣について以下のように論じている⁹。

内的媒介者の欲求を模倣する主体は、模倣しようとしている意図を自慢するどころか、それを隠そうとします。なぜ隠そうとするのか。主体は媒介者が自分より先んじて客体に接近しているので、主体は媒介者をあがめないわけには行きません。しかしまた、媒介者は主体にとって欲望の達成を妨げる決定的な障害でもあります。

以上の理論を「ワタナベ・直子・キズキ」の三者関係に当てはめると、「主体」がワタナベで、「媒介者」がキズキで、「客体」は直子である。このように、「媒介者の欲求」とは、「キズキの直子への愛」なのである。いわば、ワタナベが言った「歪められた愛」は、「キズキの直子への愛」を模倣しているものである。また、黒古一夫が『ノルウェイの森』における愛を論じる一節がある¹⁰。

作者が「恋愛小説」だと言っているのに、『ノルウェイの森』には〈愛〉が存在しないと言うのはおかしい、と思われるかもしれないが、この長編にあるのは〈愛〉ではなく、第一章で指摘したような〈優しさ〉なのではないか。例えば、次のような「僕」と「直子」の関係に果たして〈愛〉はあると言っていいのか。ここにあるのは〈優しさ〉だけではないか。

このように、黒古は『ノルウェイの森』を「恋愛小説」たらしめるものは「愛」ではなく「優しさ」だと指摘している。さらに、ワタナベと直子との関係に存在するのは、「愛」ではなく「優しさ」だと論じている。このように、愛を感じていないワタナベの直子に対する優しさは、ワタナベの感じた

⁹ 同注2 p26

¹⁰ 黒古一夫 (2007) 『村上春樹 「喪失」の物語から「転換」の物語へ』 勉誠出版p115

「責任」によるものだと考えられる。

また、1970年9月に、直子が死んだ後、ワタナベが再びキズキに宣言した場面にもワタナベの感じた「責任」が見られる。

でもこの世界で、この不完全な生者の世界で、俺は直子に対して俺なりのベストを尽くしたんだよ。そして俺は直子と二人でなんとか新しい生き方をうちたてようと努力したんだよ。でもいいよ、キズキ。直子はお前にやるよ。直子はお前の方を選んだんだものな。彼女自身の心みたいにくらい森の奥で直子は首をくったんだ。 (p394)

引用文のように、直子にベストを尽くしたと語ったワタナベが、直子から感じたのは「愛」ではなく、ただの「責任」である。そして、ワタナベの努力は無駄になり、直子が死んでキズキを選んだように、ワタナベの「責任」は果たされなかった。ゆえに、「責任」を果たさなかったことで直子を介した男の力比べに負けたワタナベは、それを隠して、直子に対する「責任」を「愛」と偽装している。このように、ワタナベの直子に対する気持ちの一部は「責任」である。語りの隠蔽によって、ワタナベが感じた「責任」は「愛」と偽装されて、「騙りの愛」になったのだと言えよう。

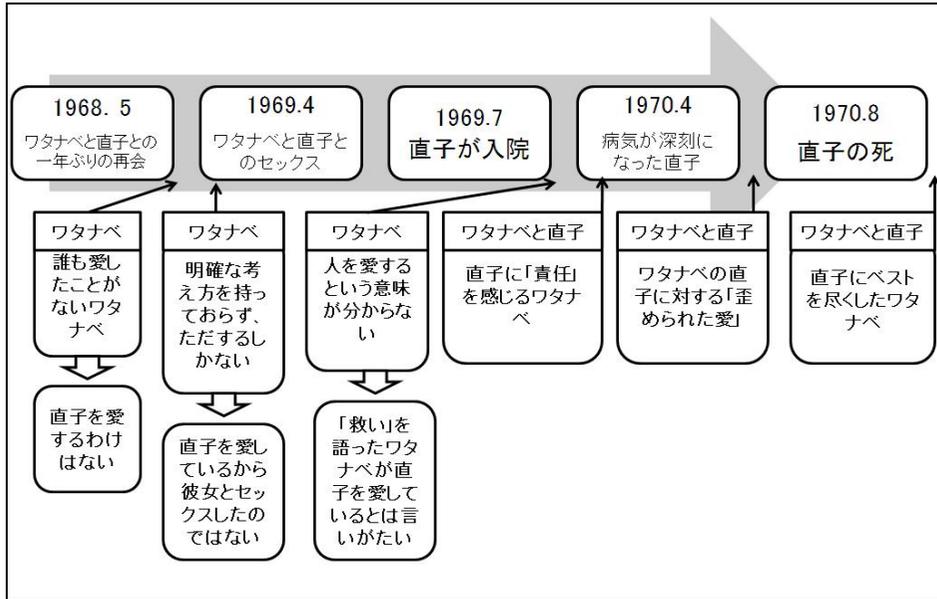
以上に考察した結果を図2のようにまとめた。

図2に示したように、ワタナベの語りで、直子への愛に触れたのは一回だけである。それまでワタナベは愛に関わる話題を逸らしている。一方、ワタナベは直子に責任を感じることをはっきり言っている。ワタナベの感じた責任はキズキと対抗することから生じたものである。ここから見て、ワタナベが一回だけ言った「歪められた愛」は、ただキズキとの勝負を意識した上で感じた責任で、愛と偽装される「騙りの愛」だと考えられる。このように、ワタナベの直子に対する気持ちは、完全に「愛」そのものというよりも、「責任」が存在していると言えよう。また、その責任は、実はキズキに勝とうとする男の勝負を隠蔽したものに過ぎない。

媒介者としてのキズキから、ワタナベが彼の直子への愛を模倣している。さらに、ワタナベがキズキを越えようとするため、直子に対して責任を感じた。このように、ワタナベが直子に対する気持ちの中に、「愛」というよりも「責任」の方が占めた割合が思いだと考えられる。語りの隠蔽によって、

「責任」が「騙りの愛」として表れている。このように、『ノルウェイの森』の表では、ワタナベの直子への気持ちはただ「愛」しか見えないが、実際に「愛」、及び「愛」と偽装された「責任」という二種に分けられる。

図2 ワタナベの直子に対する気持ち

3 「ワタナベ・直子・緑」の三者関係

本論文の〈2〉で考察したワタナベと直子との関係を参照しながら、ワタナベのもう一人の女性、緑に対する気持ちを見たい。緑はワタナベの大学の後輩で、二人が同じ授業をとったことから知り合いになった。「僕が緑の目を見ると、緑も僕の目を見た。僕は彼女の肩を抱いて、口づけした。緑はほんの少しだけぴくっと肩を動かしたけれど、すぐにまた体の力を抜いて目を閉じた」(p117)とあるように、1969年9月に、知り合った二人は間もなくキスした。それは直子が入院した後のことである。このように、ワタナベは直子することに心が疲れて緑を好きになったように見えるが、実はそうではない。さらに、緑にキスをしたワタナベは彼女をまだ友人だと思っていない。それは、1969年10月に、阿美寮にいたワタナベが直子にキズキとの友情を話すことから明らかになる。

「そしてキズキも僕にとってはたった一人の友だちだったんだよ」と僕は言った。
「その前にもその後にも友だちと呼べそうな人間なんて僕にはいないんだ」
(p186)

このように、自分の友だちと呼べるのはキズキ一人だけだとワタナベは言った。また、この時点でレイコがワタナベに直子への愛を確かめたとき、ワタナベが「僕にも人を愛するというのがどういうことなのか本当によくわからない」(p170)と答えている。このように、ワタナベは緑には友情も愛情も感じていなかったことが分かる。この時点では、ワタナベにとってキスした緑はただの知り合いである。

それも、同じ1969年10月にワタナベが緑の父親を看病した時に言った「僕はこの男にさっきはじめて会ったばかりだし、この男と僕を結び付けているのは緑だけで、緑と僕は「演劇史Ⅱ」で同じクラスだというだけの関係に過ぎないのだ」(p273)にも見られる。

そして、1969年11月、ワタナベは「ときどき緑と会って食事をしたり、動物園にいったり、映画を見たり」するようになった。だが、1970年2月にワタナベが引越しに迫われて、緑のことをすっかり忘れて、彼女と三週間も連絡しなかった。それに怒った緑にワタナベは次のように感じている。

たぶん僕は傷ついたらろう。それもけっこう深く傷ついたらろう。何故なら僕は恋人ではなかったけれど、ある部分ではそれ以上親密にお互いを受け入れあっていたからだ。(p349)

引用文から分かるように、ワタナベの緑に対する気持ちは恋人の持つべき感情をも超えている。そして、1970年4月にワタナベが二ヵ月近く口をきかなかった緑に謝ったとき、「君は今、僕のいちばん大事な友だちだし、君を失くしたくないからね」とあるように、ワタナベは緑との関係を友達と語っている。このように、二人の関係は友人に見えるが、ワタナベの緑に対する気持ちは友情にとどまっていない。その理由は、ワタナベが再び緑を怒らせたことに後悔したときに言った言葉から判明する。

緑を失ったことで僕の生活がどれほど味気のないものになってしまったかと

思っ、切ない気持ちになった。知らないうちに僕の中で彼女の存在がどんどん膨んでいたのだ。 (p368)

引用の如く、緑のない生活にワタナベは孤独を感じている。なぜ、ずっと一人で毎日を送ってきたワタナベがいまさら孤独を感じたのであろうか。それはワタナベがすでに緑を愛し始めていたからである。ワタナベが緑を愛するようになった理由について、近藤裕子は以下のように説明している¹¹。

緑が両親から受けた心的外傷を、直子がキズキとの共生関係とその死による心の結ばれを、それぞれうちあける相手として「僕」を選ぶのは、彼がそれを受容し理解してくれるひとだと二人が直感しているから他ならない。

近藤が説明しているように、ワタナベが緑を選ぶのは彼女が自分の悩みを理解できる相手だからである。また、柴田勝二は、ワタナベにとって緑は「直子の精神的な病を慮りつつ、東京で親しくなり、最後には直子の死を乗り越える形で自身の思いを向ける相手」¹²だと述べている。以上の二つの先行研究から見ると、ワタナベが緑を愛するようになったことは想像するに難くない。また、前節で考察したように、直子が自分を愛していないことを知った上で、キズキとの勝負に執着したワタナベが直子に「責任」を取ると語ったのは、同じく1970年4月である。このように、直子との関係に傷つけられたワタナベの心の中で、緑の存在が大きくなるのは当然であろう。ゆえに、それはワタナベの緑への愛だと言えよう。だが、直子に対する気持ちを正直に語らず「僕に人を愛することが分からない」と言ってその話題を逸らしたワタナベには、緑を愛することを言う立場はない。というのは、ワタナベの語りには緑への愛が隠蔽されているからである。

また、1970年6月にワタナベが突然緑への愛に気付いた場面では、ワタナベの語りに今まで緑への愛が隠されていた証拠が見られる。

¹¹ 近藤裕子 (1998) 「チーズ・ケーキのような緑の病い」『國文學 解釈と教材の研究 第43巻3号』學燈社p88

¹² 柴田勝二 (2004) 『〈作者〉をめぐる冒険 テクスト論を超えて』新曜社p277

僕はそれを求めていたし、彼女もそれを求めていたし、我々はもう既に愛しあっていたのだ。誰にそれを押しとどめることができるだろう？そう、僕は緑を愛していた。そして、たぶんそのことはもっと前にわかっていたはずなのだ。僕はただその結論を長いあいだ回避しつづけていただけなのだ。(p382-383)

引用文のように、ワタナベは緑を既に愛している。だが、ワタナベはそれを「回避しつづけ」たから、ワタナベの語りに当然緑への愛は見られない。が、何故ワタナベが語らなかつたかというと、それは直子に対して「愛」を偽装する「責任」を持っているからである。ゆえに、直子を愛していると見せようとするワタナベは、緑への「愛」を語りえない立場に追い込まれたのである。さらに、加藤典洋が「僕は直子をいわば心の中で捨て、緑を選ぶ。それは彼の中で自然な心の動きに従うものだが、しかし彼の中には、何か、罪の意識が残る」¹³と論じているように、緑を選んだことにワタナベは罪を意識した。加藤の論説によると、「自然な心の動きに従う」なら、罪を感じるはずがないと言う。だが、直子に「責任」を果たさないまま緑を選んだワタナベは罪を意識している。このように、ワタナベに罪を感じさせるのは、直子に対する「責任」にほかならない。そして、それはキズキとの関係の裏返しでもある。

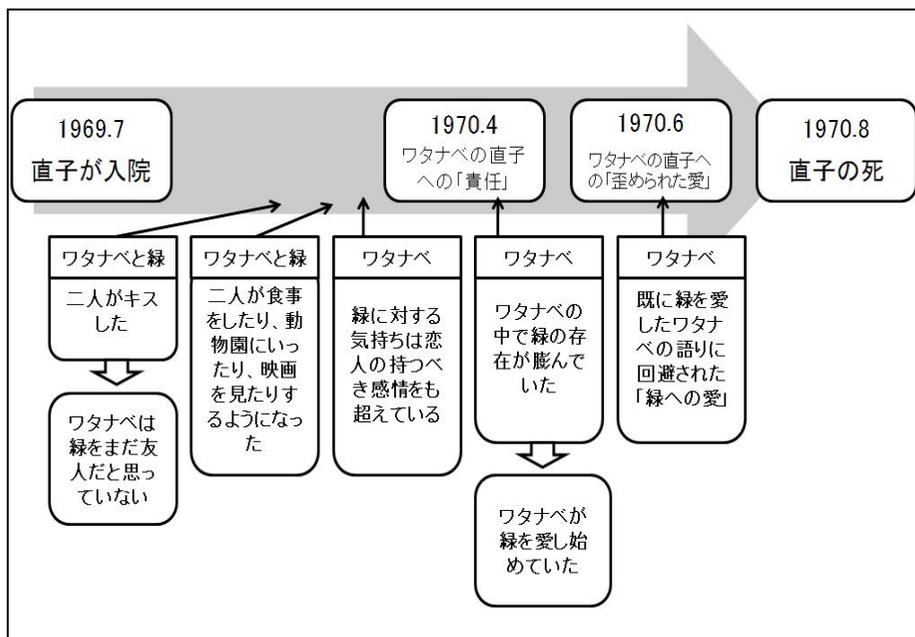
以上の結果を図3のように整理してみた。

本節で考察した結果を整理していえば、レイコに「僕にも人を愛するというのがどういうことなのか本当によくわからない」と言って直子を愛するかどうか、正直に答えなかつたワタナベの緑に対する気持ちは愛ではなかつた。しかし、緑と仲良くなるにつれて、ワタナベは緑に好意を感じ始め、二人が「恋人以上に親密に受け入れあつた」と語るようになった。そして、直子に責任を感じると同時にワタナベにとって緑の存在が重要になった。とはいえ、今までの語りで愛に触れていないワタナベは、緑への愛を回避し続けていると語ったように、実は既に緑を愛している。だが、直子に責任を感じるワタナベの立場ではそれを語れない。ゆえに、ワタナベの語りは愛の不在ではなく、それを隠しているだけである。また、『ノルウェイの森』の冒頭で直子との約束を守るためにこの文章を書くワタナベが語った以上、ワタナベは

¹³ 同注2 p132-133

直子との約束を果たすために書いた文章に緑への愛を語る立場はそもそもなかったと言えよう。

図3 ワタナベの緑に対する気持ち

4 おわりに

『ノルウェイの森』の単行本の帯のコピーにある「激しくて、物静かで、哀しい、一〇〇パーセントの恋愛小説」という言葉から、多くの『ノルウェイの森』に対する研究は、「恋愛小説」を前提にして発足したものである。例えば、本論文で上げた先行研究¹⁴に見られる、『ノルウェイの森』が「愛の不在」を前提とする「恋愛小説」だという論考は、「一〇〇パーセントの恋愛小説」から発想されたものだと考えられる。それに対して、作者の村上春樹自身が次のような見解を示している¹⁵。

¹⁴ 詳細は注10を参照する。

¹⁵ 村上春樹 (1991) 「自作を語る 100パーセント・リアリズムへの挑戦」『村上春樹全作品 1979～1989 ⑥』講談社p9

しかし、僕はそういう小説を恋愛小説であるとして捉えたことはほとんどなかった。そして僕自身も、この本に描かれたいる様々な種類の愛は、そういう意味あいでの愛の形を越えていないと思う。だから、『ノルウェイの森』という小説の中には本当の意味での恋愛は描かれていないから、これは恋愛小説とは呼べない」という批評を受ければ、それはまあそのとおりであろうと思う。

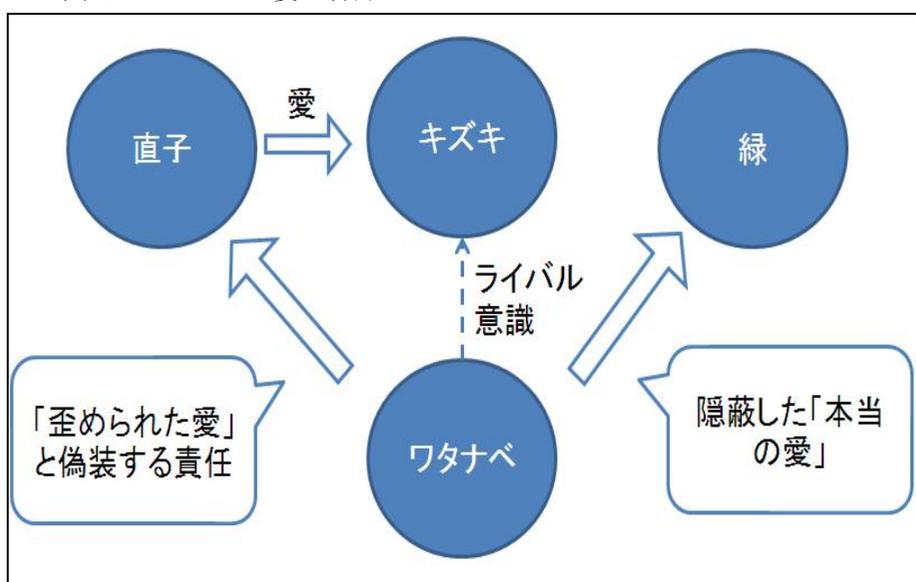
引用文から分かるように、村上春樹自身は『ノルウェイの森』を「恋愛小説」だと見ていないのである。帯のコピーに書かれた「一〇〇パーセントの恋愛小説」に影響されて、多くの先行研究では、恋愛小説という前提で『ノルウェイの森』を分析しているように、一般的に『ノルウェイの森』が「恋愛小説」として扱われている。だが、作者自身は恋愛を意識して『ノルウェイの森』を書いたのではないとはっきり言っている。かえって、村上春樹が『ノルウェイの森』で書きたい三つのことの一つは、「セックスとしについて徹底的に言及すること」¹⁶であるように、作中では恋人の恋愛に対する描写より、セックス、死をめぐる語る部分のほうが多い。語り手のワタナベがセックスと死が溢れている『ノルウェイの森』で感じた恋愛とは、一体どういうものなのであろうか。本論文では、ワタナベの語りを分析した上で、ワタナベの愛の行方を見出した。それを図4のようにまとめた。

本論文で考察したように、直子はキズキだけを愛している。そして、ワタナベは直子を愛さず、ただ責任を感じている。つまり、ワタナベと直子との間に「愛」は存在していないのである。このように、ワタナベの感じた愛は直子から生まれたものではない。また、ワタナベが告白したように、「僕は何ごとによらず文章にして書いてみないことには物事をうまく理解できないというタイプの人間」である。それを裏返しに読めば、37歳になったワタナベは『ノルウェイの森』を通して、19歳から20歳の2年間の出来事を理解したとも解釈されよう。ワタナベは既に直子を愛していなかったことを知ったことから、彼が感知したのは実は緑への隠され続けていた愛なのである。これは、作品の一番最後で「僕はどこでもない場所のまん中から緑を呼びつづけていた」という場面で終わることと呼応している。このように、『ノル

¹⁶ 同注15 p7

『ウエイの森』はワタナベが緑への愛を確かめる隠蔽されたプロセスにおいて言えば、確かに影の「恋愛小説」と言うことができよう。このように、作品の表にワタナベをめぐるセックスと死の場面が目立っているのに対して、裏に作者が否定している「恋愛」という主題は潜んでいるのである。作者の村上春樹が意識していないところ、『ノルウェイの森』は「恋愛小説」の性質を持っていると言える。

図4 ワタナベの愛の行方

(*説明 上向き点線矢印は作品に隠れた意識を示す。左向き点線矢印は愛の行方を示す。)

テキスト

『村上春樹全作品 1979～1989 ⑥ ノルウェイの森』（1991）講談社

引用書目

作田啓一（1981）『個人主義の運命』岩波書店

高橋丁未子（1990）『ハルキの国の人々』CBS・ソニー出版

村上春樹（1991）「自作を語る 100パーセント・リアリズムへの挑戦」『村上春樹全作品 1979～1989 ⑥』講談社

木股知史（1992）「手記としての『ノルウェイの森』」『昭和文学研究』昭和文学研究会

加藤典洋（1996）『イエローページ村上春樹』荒地出版社

川村湊（1997）「〈ノルウェイの森〉で目覚めて」『群像 日本の作家 26 村上春樹』小学館

近藤裕子（1998）「チーズ・ケーキのような緑の病い」『國文學 解釈と教材の研究 第43巻3号』學燈社

柴田勝二（2004）『〈作者〉をめぐる冒険 テキスト論を超えて』新曜社

清水良典（2006）『村上春樹はくせになる』朝日新聞社

石原千秋（2007）『謎とき 村上春樹』光文社

黒古一夫（2007）『村上春樹「喪失」の物語から「転換」の物語へ』勉誠出版

ЗВУКОВАЯ ФОРМА РУССКОГО СУБСТАНТИВНОГО СКЛОНЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Юлия В. Рыжова / Julia V. Ryzhova

聖彼得堡大學語言暨藝術學系 副教授

Department of philology and Art, St. Petersburg State University

【摘要】

本文探討俄語名詞變格時，單詞語音外在層面詞型的交替作用，描寫這些單詞詞型在語音變化的過程及其系統性。本論文的學術貢獻在於對一般傳統語法現象的描述以及單詞交替現象做出批判。以聲音層面為基礎的語法教學，亦即有別於傳統式的、以正字法為基礎的教學，在本論文中將視為教授外國人俄語的方法。

【關鍵詞】

俄語、語法、詞法、語音學、俄語教學

【Abstract】

Article is focus on the sound shape of Russian substantive word forms, their ordering and the description of the basic phonetic processes, arising at declination of nouns. Scientific novelty of the presented approach is connected with criticism of the traditional description grammatical the phenomena as a whole and substantive word change in particular. The technique of training to grammar on the basis of sound shape of forms is considered in this article as a method of training to Russian as a foreign language, an alternative way from traditional, based on spelling record.

【Keywords】

Russian, grammar, morphology, phonetics, teaching Russian as a foreign language.

Способность к изменению именных частей речи по падежам, называемая склонением¹, является характерной особенностью русских существительных. В сравнении с другими именами существительные отличаются наиболее сложной и разветвленной системой склонения, что вызывает значительные трудности у иностранных учащихся, изучающих русский язык.

Все русские существительные делятся на формальные классы в зависимости от грамматического рода и фонетического вида основы и окончания. Такие классы называются типами склонения, или просто склонениями. Традиционно выделяются три типа субстантивного склонения². Дальнейшая дифференциация первого и второго типов склонения основывается на характеристике последнего гласного основы (твердая и мягкая разновидности) и орфографического вида флексий.

Однако письменная форма языка является вторичной по отношению к звуковой, поэтому орфографическая запись не позволяет дать описание склонения, соответствующего современным речевым нормам, что негативно сказывается на процессе обучения иностранцев основам русской грамматики. Если обратиться к звуковому облику падежных форм, то станет достаточно очевидным, что классификация подтипов склонения, основанная на орфографической записи, не отражает важных для языка явлений, поскольку основным системообразующим фактором при организации склонения является

¹ Начиная с трудов А. Х. Востокова (А.Х.Востоков, 1881) в русистике под склонением существительных понимается изменение по падежам и числам. Последние академические грамматики говорят о склонении как об изменении по падежам, что находит свое подтверждение в неразличении типов склонения во множественном числе. (См. Русская грамматика 1980: § 1173). Однако “при этом остается неясным, куда, если не к склонению, отнести изменение существительных по категории числа.” (С.И.Богданов, 1997: с. 190). Следует отметить, что даже в грамматиках, в которых склонение определяется исключительно как изменение по падежам, реальное описание морфологии существительного учитывает падежные окончания в обоих числах.

² А. В. Исаченко выделяет четвертое склонение, к которому относит “все непродуктивные и ограниченно-продуктивные типы склонения с чередованием основы единственного и множественного числа” (А.В.Исаченко, 2003: с.163).

акцентно-ритмическая структура слова. Дополнительную роль играет фонетический облик финальной части основы, причем последовательное разграничение непарных твердых и мягких фонем оказывается более значимым, чем предполагается в традиционной классификации.

Окончания существительных I склонения в именительном падеже единственного числа зависят от рода существительного, все существительные мужского рода имеют нулевое окончание (*стол* /stól-∅/, *огонь* /agón'-∅/, *гений* /g'én'ij-∅/), существительные среднего рода — окончания /-o/ (*окно* /akn-ó/, *чутьё* /čut'j-ó/), /-a/ (*болото* /baólt-a/), /i/ (*кладбище* /kládb'iš:-i/), /-ы/ (*ложе* /lóz'-ы/), /-e/ (*питие* /p'it'ij-é³). Формы родительного и дательного падежа единственного числа едины у всех существительных I склонения: /-a/ в родительном и /-u/ в дательном (*стола* /stal-á/, *столу* /stal-ú/; *огня* /agn'-á/, *огню* /agn'-ú/; *гения* /g'én'ij-i/, *гению* /g'én'ij-u/; *окна* /akn-á/, *окну* /akn-ú/; *чутья* /čut'j-á/, *чутью* /čut'j-ú/; *болота* /balót-a/, *болоту* /balót-u/; *кладбища* /kládb'iš:-a/, *кладбищу* /kládb'iš:-u/; *ложя* /lóz'-a/, *ложу* /lóz'-u/; *пития* /p'it'ij- á/, *питию* /p'it'ij- ú/. Подтипы склонения создаются за счет форм творительного и предложного падежей. Все существительные с ударными окончаниями, независимо от рода и типа основы, имеют единообразные окончания в творительном и предложном падежах. Это окончания /-om/ (творительный падеж: *столом* /stal-óm/, *окном* /akn-óm/, *огнем* /agn'-óm/, *лицо* /l'ic-óm/, *плечо* /pl'ič-óm/, *чутьё* /čut'j-óm/, *соловей* /salav'j-óm/, *плащ* /plaš':-óm/) и /-e/ (предложный падеж: *столе* /stal-é/, *окне* /akn-é/, *огне* /agn'-é/, *лице* /l'ic-é/, *плече* /pl'ič-é/, *чутьё* /čut'j-é⁴, *соловье* /salav'j-é/, *плаще* /plaš':-é/).

Существительные I склонения с безударными окончаниями в зависимости от форм творительного и предложного падежа единственного числа распадаются на три подтипа. В первый подтип входят существительные с основой на парный твердый (окончание /-am/ в творительном падеже *болотам* /balót-am/ и окончание /-i/ в предложном *болоте* /balót-i/), во второй — на непарные твердые /ž/, /š/, /c/

³ В русском языке всего несколько слов такого типа: *питие*, *бытие*, *житие*.

⁴ Существительное *забытьё*, относящееся к этому же типу имеет форму второго предложного падежа *в забыты* /v-zabyt'j-i/.

(окончание /-ым/ в творительном падеже: *ложем* /l'óž-ym/, *пляжем* /pl'áž-ym/, *месяцем* /m'és'íc-ym/ и окончание /-и/ — в предложном: *ложе* /l'óž-ы/, *пляже* /pl'áž-ы/, *месяце* /m'és'íc-ы/). Третий подтип объединяет существительные мягкой разновидности на парный мягкий (*вихрь*), на непарные мягкие /č/ и /š':/ (*плач*, *кладбище*) и на находящийся вне оппозиции по твердости/мягкости согласный /j/ (*увечье*). Все слова третьего подтипа имеют в творительном падеже единственного числа окончание /-им/, а в предложном — окончание /-и/: *вихрем* /v'íxř'-im/, *плачем* /pláč-im/, *кладбищем* /kládb's':-im/, *увечьем* /uv'ěčj-im/; *вихре* /v'íxř'-i/, *плаче* /pláč-i/, *кладбище* /kládb's':-i/, *увечье* /uv'ěčj-i/.

Формы винительного падежа единственного числа у существительных I склонения омонимичны либо формам именительного (для неодушевленных), либо формам родительного падежа (для одушевленных). Выраженность признаков одушевленности/неодушевленности в формах единственного числа является характерной особенностью первого склонения.

Анализ II склонения также подтверждает тот факт, что выделение твердой и мягкой разновидностей в качестве основы классификации подтипов склонения требует существенного уточнения. Во втором склонении только в формах родительного падежа регулярно различаются существительные с твердой (*мамы* /mám-ы/, *папы* /páp-ы/, *плаксы* /pláks-ы/, *борьбы* /bar'b-ы/, *межи* /m'íž-ы/, *чаши* /čáš-ы/) и мягкой основой (*дяди* /d'ád'-i/, *родни* /radn'-i/, *алычи* /alyč'-i/, *швеи* /šv'i-i/, *лилии* /l'il'i-i/⁵, *роща* /r'óš':-i/)⁶. В других формах наряду с типом основы

⁵ Строго говоря, при выпадении интервокального йота основа на согласный материально превращается в основу на гласный, что представляет собой интересное явление в субстантивном склонении. С системной точки зрения, подобные случаи должны рассматриваться как случаи чередования согласного с нулем звука, что позволяет оставить формы типа *лилия* /l'il'i-i/ в подклассе с основой на /j/.

⁶ В противовес классификации на основе орфографической записи при анализе звуковой формы морфологических явлений существительные с основами на непарные мягкие шипящие /č/ и /š':/ имеют единые особенности формоизменения с существительными на парные мягкие, которые традиционно рассматриваются как мягкая разновидность склонения. Что касается согласного /j/, то несмотря на то, что этот звук находится вне противопоставления по твердости/мягкости, не

существенную роль играет схема ударения. Например, большинство существительных второго склонения в именительном падеже имеют окончание /-a/ (*мама* /mám-a/, *папа* /páp-a/, *плакса* /pláks-a/, *борьба* /barʹb-á/, *родня* /radnʹ-á/, *швея* /švʹij-á/, *алыча* /alyč-á/, *межа* /mʹiž-á/, *чаша* /čáš-a/), а существительные с безударными окончаниями после основ на парные согласные, непарные мягкие шипящие и /j/ оканчиваются флексией /-i/ (*дядя* /dʹádʹ-i/, *лилия* /lʹílʹi-i/, *роца* /rósʹ:-i/). Это не единственная особенность склонения существительных типа *дядя*, *лилия*, *роца*, так как существительные II склонения с мягкой основой и безударным окончанием отличаются значительной, по сравнению с другими разновидностями склонения в единственном числе, омонимией падежных форм — при их формообразовании используются всего три флексии: /-i/ в именительном, родительном, дательном и предложном падежах (*дяди* /dʹádʹ-i/, *дяде* /dʹádʹ-i/, (о) *дяде* /dʹádʹ-i/; *лилии* /lʹílʹi-i/, *лилии* /lʹílʹi-i/, (о) *лилии* /lʹílʹi-i/; *роци* /rósʹ:-i/, *роце* /rósʹ:-i/, (о) *роце* /rósʹ:-i/), /-u/ в винительном падеже (*дядю* /dʹádʹ-u/, *лилию* /lʹílʹi-u/, *роцу* /rósʹ:-u/) и /-ij/ в творительном (*дядей* /dʹádʹ- ij/, *лилией* /lʹílʹi-ij/, *роцей* /rósʹ:- ij/).

Выделение разновидностей второго склонения, основанное на противопоставлении ударных и безударных окончаний, проявляется в формах дательного, творительного и предложного падежей: в этих формах, независимо от типа основы, в ударной позиции выступает флексия /-e/ в дательном и предложном падежах (*борьбе* /barʹb-é/, (о) *борьбе* /barʹb-é/; *родне* /radnʹ-é/, (о) *родне* /radnʹ-é/; *швее* /švʹij-é/, (о) *швее* /švʹij-é/; *алыче* /alyč-é/, (об) *алыче* /alyč-é/; *меже* /mʹiž-é/, (о) *меже* /mʹiž-é/) и флексия /-oj/ в творительном падеже (*борьбой* /barʹb-ój/, *родней* /rdnʹ-ój/, *швеей* /švʹij-éj/, (о) *швее* /švʹij-é/; *алыче* /alyč-é/, (об) *алыче* /alyč-é/; *меже* /mʹiž-é/, (о) *меже* /mʹiž-é/). Выбор безударного окончания зависит от вида последнего согласного основы: естественным образом происходит выделение подкласса мягкой разновидности с окончанием /-i/ в дательном и предложном и /-ij/ в творительном (примеры см. выше). В твердую разновидность

только его артикуляторные свойство, но и особенности его функционирования в звуковой системе (например, способность к смягчению предшествующего согласного: *келья* /kéIʹji/), позволяют без особых оговорок вносить его в мягкую разновидность.

входят существительные на непарные твердые /ž/, /š/, /c/ (окончание /-ы/ в дательном и предложном: *чаше* /čáš-ы/, (о) *чаше* /čáš-ы/, *чашей* /čáš-ыj/). Вопрос о существительных на парные по твердости/мягкости согласные решается не столь однозначно, причем это касается как существительных с безударными, так и существительных с ударными окончаниями. Дело в том, что хотя традиционно их основы рассматриваются как твердая разновидность склонения, при изменении по падежам существительных типа *мама*, *папа*, *плакса*, *борьба*, происходит чередование твердых и мягких согласных: основа на твердый представлена во всех падежах, кроме дательного и предложного, в которых финальный гласный основы является мягким, безударное окончание в этих формах – /-и/ (*мама* /mám-a/, *мамы* /mám-ы/, *маме* /mám'-i/, *мamu* /mám-u/, *мамой* /mám-aj/, (о) *маме* /mam'-i/).

К мягкой разновидности III склонения относятся существительные женского рода на парный мягкий согласный и непарные мягкие шипящие /č/ и /š'/: (*соль*, *любовь*, *ночь*, *помощь*), к твердой разновидности — на непарные твердые шипящие /ž/ и /š/ (*рожь*, *дрожь*, *мышь*). Падежные формы существительных женского рода III склонения с разными типами основ отличаются только омонимичными флексиями родительного, дательного и предложного падежей. В мягкой разновидности в этих формах используется окончание /-и/, в твердой — окончание /-ы/, существительные в именительном, винительном и творительном падежах склоняются одинаково, независимо от типа основы: *соль* /sól'-ø/, *соли* /sól'-i/, *соли* /sól'-i/, *соль* /sól'-ø/, *солью* /sól'-ju/, (о) *соли* /sól'-i/; *любовь* /l'ubóf'-ø/, *любви* /l'ubv'-i/⁷, *любви* /l'ubv'-i/, *любовь* /l'ubóf'-ø/, *любовью* /l'ubov'-ju/, (о) *любви* /l'ubv'-i/; *ночь* /nóč'-ø/, *ночи* /nóč'-i/, *ночи* /nóč'-i/, *ночь* /nóč'-ø/, *ночью* /nóč'-ju/, (о) *ночи* /nóč'-i/; *рожь* /róš'-ø/, *ржи* /rž-ы/, *ржи* /rž-ы/, *рожь* /róš'-ø/, *рожьё* /róž'-ju/, (о) *ржи* /rž-ы/; *дрожь* /dróš'-ø/, *дрожь* /dróž'-ы/, *дрожь* /dróž'-ы/, *дрожь* /dróš'-ø/, *дрожью* /dróž'-ju/, (о) *дрожь* /dróž'-ы/). Как видно из приведенных примеров, ударность/безударность флексии в III склонении не оказывает влияния на особенности словоизменения.

⁷ При склонении этого нарицательного существительного в основе происходит чередование /o/ с нулем звука, в собственном существительном *Любовь* /o/ сохраняется во всех падежных формах.

Обращаясь к вопросу о правомерности включения разносклоняемых существительных в третье склонение отметим, что ведущим основанием такого объединения является использование одинаковых омонимичных флексий в родительном, дательном и предложном падежах: ср. *соль* /sól'-ø/, *соли* /sól'-i/, *соли* /sól'-i/, *соль* /sól'-ø/, *солю* /sól'-u/, (о) *соли* /sól'-i/; *время* /vr'ém'-i/, *времени* /vr'ém'in'-i/, *времени* /vr'ém'in'-i/, *время* /vr'ém'-i/, *временем* /vr'ém'in'-im/, (о) *времени* /vr'ém'in'-i/; *дитя* /d'it'-á/, *дитяти* /d'it'át'-i/, *дитяти* /d'it'át'-i/, *дитя* /d'it'-á/, *дитятей* /d'it'át'-ij/, (о) *дитяти* /d'it'át'-i/; *путь* /pút'-ø/, *пути* /put'-í/, *пути* /put'-í/, *путь* /pút'-ø/, *путем* /put'-óm/, (о) *пути* /put'-í/. Но если учитывать звуковой облик словоформ, то оказывается, что такой же особенностью обладают существительные второго склонения мягкой разновидности с безударными окончаниями (типа *дядя*). Более того, как и у существительных на *-мя* (типа *время*), омонимия флексий при формообразовании существительных II склонения типа *дядя*, распространяется и на именительный падеж (см. примеры выше), а окончания творительного падежа слова *дитя* идентичны одному из вариантов второго склонения. Однако это не значит, что данные существительные следует относить ко второму склонению. По всей видимости, наиболее правильно рассматривать их как особую группу разносклоняемых существительных.

Как известно, во множественном числе разница между типами склонения стирается, так как в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа существительные разных типов склонения имеют одинаковые окончания (ср.: *столам* /stal-ám/, *столами* /stal-ámi/, (о) *столах* /stal-áx/ (от I скл. *стол*), *картам* /kárt-am/, *картами* /kárt-am'i/, (о) *картах* /kárt-ax/ (от II скл. *карта*), *ночам* /nač-ám/, *ночами* /nač-ám'i/, (о) *ночах* /nač-áx/ (от III скл. *ночь*). Кроме окончаний *-am/* (дательный падеж), *-ami/* (творительный падеж), *-ax/* (предложный падеж), которые используются в разных акцентных типах как после мягких, так и после твердых основ (ср., например, формы творительного падежа: *столам* /stal-ám/ – *болотам* /balót-am/ – *дням* /dn'-ám/ – *ключьям* /kl'óčj-am/ – *пажам* /paž-ám/ – *улицам* /úl'ic-am/), можно выделить группу существительных, которые во множественном числе в этих падежах имеют другой набор окончаний: *-im/* (дательный падеж), *-imi/* (творительный падеж), *-ix/* (предложный падеж). Однако и в этом случае все окончания используются для

образования множественного числа существительных разного склонения, которые объединяет флексии и основа на непарный мягкий шипящий: *зрелищам* /zr'él'iš':-im/, *зрелищами* /zr'él'iš':-imi/, *зрелищах* /zr'él'iš':-ix/ (от I скл. *зрелище*), *рощам* /róš':-im/, *рощами* /róš':-imi/, *рощах* /róš':-ix/ (от II склонения *роща*), *течам* /t'ěč-im/, *течами* /t'ěč-imi/, *течах* /t'ěč-ix/ (от III скл. *течь*).

В именительном падеже в зависимости от твердости/мягкости основы существительные любого склонения могут иметь флексии /-i/ (после мягких) и /-ы/ (после твердых): *столы* /stal-ы/, *рубли* /rubl'-i/, *мамы* /mam-ы/, *земли* /z'émł'-i/, *ночи* /nóč-i/, *мыши* /мыш-ы/. Единственным возможным указателем на тип склонения является ударное окончание /-a/, которое могут иметь некоторые существительные мужского рода I склонения (например, *века* /v'ík-á/). “Группа слов, от которых может быть образована и образуется форма им. п. мн. ч. с флексией *-a* (*-я*), не имеет четких семантических и морфологических характеристик. Эта форма образуется преимущественно от существительных, называющих неодушевленные предметы, и — реже — от названий лиц” (Русская грамматика 1980, 1, § 1202).

Родительный падеж множественного числа отличается наибольшим разнообразием флексий, однако и в этом случае вид флексии не позволяет точно дифференцировать типы склонения. Можно отметить только некоторые тенденции. Например, нулевое окончание в родительном множественного числа не встречается у существительных третьего склонения, а флексии /-of/, /-af/, /-if/, /-ыf/ (орфографически *-ов/-ёв/-ев*) — отличительная черта первого склонения: *топоров* /topor-óf/, *заводов* /zavód-af/, *героев* /g'igó-if/, *месяцев* /m'és'ic-ыf/. Но так как нулевые окончания родительном множественного числа возможны и в первом, и во втором склонении (I скл.: *ватт* /vát- ∅/, II скл.: *сестер* /s'is't'og-∅/), а окончания /-ej/, /-ij/, /-ыj/ (орфографически *-ей*) встречаются во всех склонениях (I скл.: *нулей* /nul'-ěj/, *жителей* /žit'il'-ij/, *маршей* /márš-ыj/; II скл.: *межей* /m'iz'-ěj/, *чукчей* /čúčk'-ij/, *юношей* /júnáš-ыj/; III скл.: *мышей* /мыш'-ěj/, *тетрадей* /t'itrad'-ij/, *пустошей* /pústaš-ыj/), то можно констатировать, что во всех формах множественного числа обилие единообразных окончаний не позволяет выстроить логичную классификацию склонений.

Дополнительные сложности при усвоении системы субстантивного склонения вызывают акцентные типы, определяющие схемы постановки ударения, так как субстантивное формообразование во многих случаях сопровождается переносами ударения с основы на окончание и наоборот. С подвижностью русского ударения связаны многие живые чередования гласных, в результате переносов ударения происходят следующие фонетические чередования: /o/ – /a/ (/dóm/ дом – /dáma/ дома); /e/ – /i/ (/l'és/ лес – /l'isá/ леса); /i/ – /o/ (/óz'ira/ озеро – /az'óra/ озёра); /a/ – /i/ (/z'át'/ зять – /z'it'já/ зятья); /o/ – /ы/ (/šólk/ шёлк – /šылká/ шелка); /e/ – /ы/ (/šést/ шест – /šыstá/ шеста).

К живым фонетическим чередованиям, возникающим при склонении существительных, относятся также: чередования парных твердых и мягких согласных /mámь/ мамы – /mam'i/ маме, мягких и твердых /čísóvн'i/ часовня – /čísóvн'i/ часовен; чередования парных глухих и звонких /dúp/ дуб – /dúba/ дуба, звонких и глухих /prós'ba/ просьба – /prós'p/ просьб, а также чередования с нулем звука, возникающие в результате выпадения интервокального йота /máj/ май – /mái/ мая. Чередования фонем /k/ – /č/ (/klók/ клок – (/klóčji/ клочья), /x/ – /š/ (/úxa/ уха – /úшы/ уши), /g/ – /z/ (/drúgu/ другу – /druz'jám/ друзьям) относятся к историческим. К этому же типу принадлежат чередования беглых гласных⁸ с нулем звука. Беглые гласные встречаются как в именительном, так и в косвенных падежах: гласные фонемы обычно находятся в составе форм, не имеющих вокалических окончаний, выпадение звука возможно при наличии гласных во флексивной части: лев – льва, но зло – зол. В результате возникают как чередования гласных с нулем звука (лев – льва), так и чередования нуля с гласными (зло – зол), в которых принимают участие все гласные фонемы русского языка, кроме /u/: /kav'óg/ ковёр – /kavrá/ ковра (/o/ – -ø); /v'in'éc/ венец – /v'incá/ венца (/e/ – -ø); /d'át'il/ дятел /i/ – /d'átla/ дятла (/i/ – -ø); /lápat'/ ланоть – /lápt'i/ лантя (/a/ – -ø); /s't'éžьн'/ стержень – стержня /s't'éžn'á/ (/ы/ – -ø); /s'istrá/ сестра – /s'st'ór/ сестёр (-ø – /o/); /kal'cól/ кольцо – /kal'éc/ колец (-ø – /e/); /v'idró/

⁸ Беглыми гласными называются фонемы, появляющиеся в одних формах и исчезающие в других формах того же слова (см., например, Русская грамматика 1980, 1: § 1227).

ведро – /v'ód'ir/ *ведер* (-ø – /i/); /s't'ikló/ *стекло* – /s't'ókł/ *стёкол* (-ø – /a/);
/p'ógyška/ *пёрышко* – /p'ógyšk/ *пёрышек* (-ø – /ы/).

В заключение необходимо отметить, что изучение любого грамматического материала на занятиях по русскому языку как иностранному требует постоянного обращения к звуковой форме описываемых явлений. Особенно тщательной проработки как в морфологическом, так и в фонетическом аспекте требуют грамматические разделы повышенной трудности, к которым бесспорно относится система русского субстантивного склонения. Информация о звуковом составе словоформ и анализ возникающих чередований позволяют не только сформировать у учащихся адекватное представление о грамматической системе языка, но и служат дополнительным средством улучшения артикуляционной и перцептивной базы учащихся по отношению к изучаемому иностранному языку.

Литература

1. Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика. По начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб, 1831.
3. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. М., 2003.
4. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

X. НАКАДЗАВА / Hidehiko Nakazawa

日本東京外國語大學俄語 專攻教授

Tokyo University of Foreign Studies

【摘要】

本論文，對俄語中的行動動詞的辭彙和語義學意義上進行了研究。第一，我們根據成分分析，設定了行動動詞辭彙的共同意思特徵和辨別意思特徵。第二，我們指出語言中的辭彙體系和它所實現的話語的體系的不同。第三，我們瞭解了辭彙的性質是由中和來決定的，中和是辭彙單位以及圍繞著它的文脈所具有的資訊冗餘所產生的結果。

【關鍵詞】

資訊冗余、成分分析、中和

【Abstract】

In the present article, some problems concerning the learning of lexic-semantic meaning of the verbs of motion in Russian are dealt with. Firstly, we have defined the sphere of the lexemes of verbs of motion general and differential by using the method of componential analysis. Secondly, our attention is directed to various systems, which are lexemes in the language and in its realization. Thirdly, we have realized that the character of lexemes is determined by lexical neutralization, which is the result of redundancy of information of lexical units and the context.

【Keywords】

redundancy of information, componential analysis, lexical neutralization

0. Введение

При анализе языка с точки зрения его использования можно выделить две части: грамматика и словоупотребление. Грамматика является формально и четко разделенной системой, в то время как словоупотребление не имеет четкого деления, и отсюда вытекают трудности при его освоении.

Например:

**Велосипед идет*¹. (простое нераспространенное предложение)

но

Велосипед идет со скоростью 30 километров в час. – правильное предложение.

Я завтра иду к доктору.(Х.Накадзава,1984: 15) – здесь допускается использования транспорта.

Подобные примеры не могут быть объяснены традиционной схемой «идти» – пешком, «ехать» – транспортом. Также мы не можем их объяснить сказав, что это просто узус. В настоящей работе мы рассмотрим подобные схемы с точки зрения семантической структуры глаголов, и попытаемся объяснить употребление так называемых «глаголов движения», в частности *идти – ехать*.

1. Исходные теоретические положения

Еще до недавних пор языковеды стремились вывести изучение семантики языка за пределы языкознания. Это обуславливается теми соображениями, что семантика языковых единиц считалась недискретной в отличие от других дискретных единиц, таких, как, например, фонем, морфем и т. д. , и толкование их семантики зависит от произвольного толкования индивидуума. Однако это не соответствует факту речевой деятельности человека. Здесь язык служит важнейшим средством общения. (Если мы ограничим дальнейшее изложение лексикой применительно к цели нашей статьи,) даже обычный носитель языка способен адекватно определить, какие языковые единицы высказывания являются синонимичными, метафорическими, а какие – нет. Из всего этого следует, что в известной степени значение языковых единиц (в нашем случае глаголов) существует вне произвольного употребления индивидуумом лексики.

Мы будем называть это значение языковой единицы (глаголов) значением, а содержательную сторону, появляющуюся в употреблении в речи, смыслом данной языковой единицы² (С.Хаттори,1964: 12). В диахроническом плане соотношения между значениями и смыслами единицы бывают не устойчивыми и постоянно меняются.

В настоящей статье мы хотим обнаружить дифференциальные признаки между глаголами движения, определить соотношения между значениями и смыслами языковых единиц (глаголов движения) в современном этапе развития русского языка и создать смысловую систему этих глаголов.

2. Что такое глаголы «движения»

Здесь мы должны дать определение предмету анализа. Необходимо найти все лексемы, имеющие отношения к глаголам *идти* и *ехать*. На этом этапе важно четко представлять способ выбора подобных лексем, а для этого следует ответить на следующий вопрос: какое может быть положение, когда одна лексема имеет некое отношение к другой? В нашем случае можно говорить о таком положении, когда обе лексемы находятся в ассоциируемом положении(парадигматическом отношении). Ассоциация(парадигматика) возникает при наличии «сходности» и «близости». Рассмотрим следующие два случая с учетом этих понятий. (Здесь *x* и *y* означают лингвистические единицы данного слоя языка.)(Й.Икэгами,1975: 257-266)

I . Случаи «сходности»

Когда *x* и *y* имеют какие-либо общие характеристики, *x* и *y* находятся в отношении ассоциации. (Сюда входят случаи сходностей значения и формы слов.)

II . Случаи «близости»

- (1) *X* и *y*, имеющие одну и ту же характеристику внутреннего значения составляют одну ассоциируемую группу.
- (2) *X* и *y*, имеющие одну и ту же характеристику синтагматического признака, составляют одну ассоциируемую группу.
- (3) *X* и *y*, способные создать семантически адекватную связь,

составляют одну ассоциируемую группу (парадигматическую группу).

Мы даем определение объектам анализа, опираясь на вышеупомянутые принципы³.

Лексемы, вытекающие из морфологической нормы I (т.е. глаголы, объединяющиеся в пары слов с общим корнем. На данном этапе анализа еще не применен четкий семантический критерий.)⁴:

1. бежать — бегать, 2. брести — бродить, 3. везти — возить, 4. вести — водить, 5. гнать — гонять, 6. гнаться — гоняться, 7. ехать — ездить, 8. идти — ходить, 9. катить — катать, 10. катиться — кататься, 11. лезть — лазить, 12. лететь — летать, 13. нести — носить, 14. нестись — носиться, 15. плыть — плавать, 16. ползти — ползать, 17. тащить — таскать, 18. тащиться — таскаться, а также 19. валить — валять, 20. волоочь (влачить) — волочить, 21. садить-сажать

Далее мы предлагаем лексическое значение основных из вышеупомянутых глаголов, используя толковые словари (С.И.Ожегов, и др. 1983).

идти = дв., переступая ногами. (дв. = двигаться)

бежать = дв., быстрым шагом.

брести = дв., с трудом (*бродить* не имеет признака *с трудом*)

катиться = дв., вращаясь или скользя по какой-н. поверхности, а также передвигаться на колесах.

лезть = хватаясь руками, цепляясь ногами, взбираться куда-л.

лететь = нестись, передвигаться по воздуху.

= дв., вперед с большой скоростью по воздуху.

нестись = дв. вперед с большой скоростью.

плыть = передвигаться по поверхности воды или в воде (ехать на судне или на ином плавучем средстве).

ползти = передвигаться по поверхности всем телом (о пресмыкающихся или на ножках).

тащиться = идти медленно, с трудом, ехать медленно или долго.

= дв., переступая ногами с трудом (*таскаться* не имеет признака

с трудом)

гнаться = преследовать с целью настигнуть.

= идти следом, непосредственно за кем-чем-н. с целью настигнуть.

ехать = дв., куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения.

гнать = заставлять дв., в каком-н. направлении.

тащить = нести (= взять в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-н.), двигать волоком, вести (помогать дв., переступая ногами), тянуть; нести что-нибудь тяжелое, с трудом; заставлять дв., тянуться за собой.

нести = взять в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-н.

катить = двигать, вращая или заставляя скользить по какой-н. поверхности, а также двигать предмет, имеющий колеса.

везти = перемещать, доставлять куда-н. на себе; перемещать, доставлять куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения.

вести = помогать идти (= дв., переступая ногами), сопровождать; идти во главе; направлять чье-н. движение; двигать чем-н. в каком-н. направлении.

Далее проанализируем следующие вопросы:

– формирует ли один из двух членов пар глаголов с 1 по 21 совершенный вид, означающий «начало» путем: [группа глаголов движения типа *идти*]⁵ + [приставка *по-*] (в случае глаголов движения типа *ходить* приставка *за-*)?

– также формирует ли один из двух членов пар глаголов с 1 по 21 совершенный вид, означающий делать что-либо на протяжении некоторого времени путем: [группа глаголов движения типа *ходить*] + [приставка *по-*] (Пары глаголов *волочь(влачить)-сажать* исключены, поскольку не существуют глаголы **заволочь и *засажать*.)

Исходя из II (1), если посмотреть на наличие семантического признака *куда* (= направление) в качестве характеристики внутренних значений, получаются предложения **Он бродит домой. Народ валит к Москве. *Народ часто валяет к Москве.*, и отсюда видно, что в словах *бродить, валять* нет значения «направление».

Далее мы можем переписать II (1) как: «пара слов, имеющих один и тот же

семантический признак, составляет одну парадигматическую группу.» Таким образом мы вынуждены исключить пары *брести* – *бродить* и *тащиться* – *таскаться*⁶, т. к. вторые члены обеих пар не имеют характеристику значения «с трудом», присущую первым членам обеих пар.

Глаголы *направляться*, *стремиться* и т. д. входят в ассоциируемую группу исходя из II (1), однако они исключаются, т. к. не соответствуют формальному требованию, указанному в I.

Таким образом мы завершили определение предмета. Мы оставляем 16 пар (лексемы от 1 по 18 за исключением пар *брести* — *бродить* и *тащиться* — *таскаться*).

Группу лексем, соответствующих II, и имеющих характеристику внутреннего значения «*направление*», мы назовем глаголами, обозначающие движения. Из них вышеупомянутые 16 соответствуют I. Такие глаголы мы назовем глаголами «движения.»

3. «Семантическая» система глаголов «движения»

Теперь мы перейдем к анализу семантической системы внутри глаголов движения. В качестве предпосылки необходимо заметить, что глаголы движения и глаголы, обозначающие движения, распределяются взаимодополняющим образом. Например, *Орел плывет под облаками.* — правильное предложение, а *Орел плавает под облаками.* не является нормальным. Здесь предпочтителен вариант: *Орел парит под облаками.*

Через площадь важно плыла дама. является нормальным предложением, а **Через площадь важно плавала дама.* — нет. Здесь следует заменить *плавала* на *проплывала*. (Х.Накадзава, 1984: 10)

По этой причине, когда мы говорим о семантической системе глаголов, обозначающих движения, необходимо проанализировать все глаголы. Настоящая работа является первым шагом такого анализа.

Также мы исключаем из нашего анализа переносные употребления данного глагола и ограничимся только главным значением глагола. Например:

Птица полетела. → **Птица начала лететь.*

Время полетело с невероятной быстротой. → *Время начало лететь с*

невероятной быстротой. (Л.Н.Шведова,1983: 24)

Как показывают эти примеры, глаголы в переносном употреблении могут иметь другие синтагматические признаки.

Опираясь на такие предпосылки, мы перейдем к анализу и описанию глаголов движения путем компонентного анализа.

Этот метод эффективен при наличии двух и более объектов, когда они имеют относительно объективные семантические признаки, и когда он применим к метаязыку (Е.А.Nida,1977: 52). Так, в нашем случае этот метод является эффективным, и он гарантирует объективность анализа.

Вследствие такой операции создается система групп лексем, и здесь также имеют место их типы.

Если выразить семантические единицы (семантемы) $S1$, $S2$, а характеристику значения X , y , y' , то мы получим следующую схему (Й.Икэгами,1975: 293 и 296):

$$1) S1 = X, S2 = X + y$$

2) $S1 = X + y, S2 = X + y'$ (y и y' находятся на одном измерении и не совместимы друг с другом.)

Здесь 1) является инклюзивными (inclusive) отношениями, а 2) — взаимодополняющими отношениями. Если мы добавим 2') $S1 = X + y_0, S2 = X + y_1, \dots S_n = X + y_{n-1}$ (каждый из y_n находится на одном измерении), то 2') является несовместимыми (incompatible) отношениями Nida (Е.А.Nida,1977: 59).

Поскольку нас интересуют лексеммы, мы пересчитаем $S1, S2 \dots$ на лексеммы. (Если сделать заранее вывод,) семантическая система глаголов «движения» соответствует 2'). Т. е. формула *идти : ходить = ехать : ездить* соответствует формуле $(дв. + дм + (-n) + cn1) : (дв. + (-дм) + (-n) + cn1) = (дв. + дм + (-n) + cn2) : (дв. + (-дм) + (-n) + cn2)$.

Здесь и далее общий семантический признак — дв. (= движение). Дифференциальные семантические признаки— п (переходность), тр (трудность), участие средства (пространство движения: пр1 — на земле, пр2 — на / в воде, пр3 — в воздухе; способ движения: сп1 — пешком, сп2 — используя

транспортные средства), ск (скорость), кр (круглота), вз (наклонность вперед), нж (ползучее состояние), цл (целеустремленность), рк (руководство), дм (однаправленность). ((-п), (-дм) означают несовместимость в отношении *п* и *дм*. Скобки () показывают, что бывают случаи, когда нет участия данного признака.)

Далее продолжим *идти* : *ходить* = *плыть* : *плавать*..., и извлечем следующие семантические признаки, или семы.

идти = дв. + дм + (-п) + сп1

нестись = дв. + дм + (-п) + ск

бежать = дв. + дм + (-п) + ск + сп1

катиться = дв. + дм + (-п) + кр

лезть = дв. + дм + (-п) + вз

ползти = дв. + дм + (-п) + нж

ехать = дв. + дм + (-п) + сп2

плыть = дв. + дм + (-п) + (сп2) + пр2

лететь = дв. + дм + (-п) + (сп2) + пр3

гнаться = дв. + дм + (-п) + цл

нести = дв. + дм + п + сп1

везти = дв. + дм + п + сп2

тащить = дв. + дм + п + тр

катить = дв. + дм + п + кр

вести = дв. + дм + п + рк

гнать = дв. + дм + п + цл

А ходить = дв. + (-дм) + (-п) + сп1.

Далее мы не будем перечислять глаголы движения типа *ходить*, т. к. в этих глаголах *дм* просто меняется на *(-дм)*.

Кстати, согласно Апресяну, 1) множество объектов образует систему, если для их полного и избыточного описания требуется меньше число элементов; 2) множество объектов образует систему, если они могут преобразовываться друг в друга по регулярным, достаточно общим правилам(Ю.Д.Апресян,1974: 118).

В нашем случае, 2) уже пересмотрен. А в 1) количество объектов $16 \cdot 2 = 32$,

количество элементов 15. Поэтому они образуют систему.

Это можно изобразить следующим образом:

1-й квадрат	2-й квадрат
идти	ехать
	плыть
	лететь
нести	нести
бежать	<input type="text"/>
лезть	<input type="text"/>
ползти	<input type="text"/>
гнаться	гнаться
катиться	катиться
<hr/>	
гнать	гнать
катить	катить
вести	везти
нести	
тащить	<input type="text"/>
3-й квадрат	4-й квадрат

Примечание:

1) В первом и втором квадратах показаны непереходные глаголы. В третьем и четвертом квадратах обозначено участие средства (как правило транспорт); жидкость (обычно вода), газообразное тело (включая космическое пространство.) Второй и третий квадраты показывают отсутствие выражения характеристики участия средства.

2) Перемещение слева направо / справа налево (в некоторых случаях сверху

вниз / снизу вверх) возможно. Поэтому от данных семантических признаков x и y и глагола *идти* вытекает следующий переход: *идти* + x = *ехать*, *ехать* + y = *везти*.

3) Прямоугольник означает, что отсутствует соответствующее слово. Это используется при извлечении вспомогательных компонентов лексем.

В нашем понимании это и является семантической системой т.н. глаголов движения. Далее перейдем к созданию смысловой системы⁷ (Л.А.Новиков,1982: 94-96).

4. Смысловая система

Проанализируем примеры употребления глаголов нашего анализа.

Во-первых: глагол *идти* может также означать использования средства (как правило транспорта), когда а) место назначения находится в одном и том же городе, и когда ненужно упоминать, что оно там находится. При этом обычно имеется в виду посещение театра, поход на экскурсию, посещение бытовых учреждений, мест работы, вечеринок и т. д. (Л.П.Юдина и др.,1978: 37)

Мы идем в кино вечером.

В этом примере неважно, используем ли мы транспорт или нет. Здесь важен факт **добраться до данного места** (т. е. кино). В случае *едем*, обязательно нужно использовать транспорт.

Принято считать, что в случае, когда средство перемещения указано, *идти* не используется. Однако здесь можно поспорить:

Георгий идет первым на своем мотоцикле?

Этот пример взят из мотоциклетных гонок. Такой контекст (т. е. соревнование) позволяет использовать глагол *идти*. Субъект может быть не только мотоцикл, но и велосипед, лошадь и т. д. Однако если мы уберем слово ***первым***, показывающее, что это соревнование, предложение станет неправильным.

Далее перейдем к анализу употребления *идти* = *двигаться*, *перемещаться*; *ехать* = *отправляться куда-н.*, *передвигаясь при помощи каких-н. средств*

передвижения.

а) Распространился слух, что сельдь идет (плывет) с низовьев вверх.

б) Самолет идет (летит) на посадку.

с) Теплоход шел (плыл) в Новосибирск.

Рыба обычно плывет – плавает, но в предложении а) глагол *плывет* может быть использован только в детской речи. Кроме того, *идет* подразумевает большой косяк сельди. При этом мы можем считать, что это следствие того, что значение движения – проталкиваться плавниками сквозь воду – выделилось, исключая других компонентов глаголов *плыть* – *плавать*. Компонентный анализ показал следующее: *плыть* — (сп2) — пр2 = *идти* — сп1. В предложении б), являющемся специализированным выражением, мало вероятно употребление глагола *летит*. В предложении с), использование глагола *шел* способствует представить регулярный рейсовый теплоход, а использование глагола *плыл* – нерегулярный.

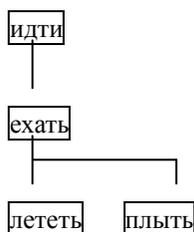
С другой стороны, наличие географического названия допускает только глагол *ехать*, и не позволяет использования глагола *идти*. Это можно объяснить присутствием внутреннего компонента значения глагола *ехать* сп2. Отсюда же комичность таких выражений, как *ехать на своих, на двоих*.

Здесь можно сделать следующий вывод: в случае, когда способ перемещения сам собой разумеется, и нас интересует сам факт движения, а не его способ, *сп2* и *пр1* удаляются, и используется глагол *идти* (Х.Накадзава, 1984: 22-23).

Ниже мы предлагаем схему, описывающую этот факт.

бежать		<input type="text"/>
лезть		<input type="text"/>
ползти		<input type="text"/>
гнаться		гнаться
катиться		катиться

инклюзивные отношения

Примечание:

К вышеупомянутому примечанию 1) добавляется и следующее: в случае инклюзивного отношения пунктирные линии обозначают, что лексемы, находящиеся у пунктирных линий, могут включать в себя и лексемы, находящиеся у сплошных линий.

5. Смысловая нейтрализация и избыточность

Если говорить о самых основных глаголах движения *идти*, *ехать*, *плыть*, *лететь*, они имеют несовместимые отношения в семантической системе, и инклюзивные отношения в смысловой системе. Как следует это понимать?

Когда мы говорим о реальном употреблении слова, нам необходимо учитывать понятие избыточности.

Согласно Гальперину И.Р., потенциально слово и, в особенности, простое слово стремится к увеличению энтропии (И.Р.Гальперин, 1974: 86). Это обратно пропорционально четкому сознанию информации, и поэтому требуется контекст (здесь – лексема), уменьшающий энтропию. Здесь смысл высказывания определяет наиболее высокочастотный семантический признак, или сема.

Например: *Кондитер (3) не жарит (2) хворост (2) на газовой (3) плите* (2). [в скобках () указано количество семантических признаков, или сем.]

В этом примере можно насчитать $3 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 2 = 72$ вида толкования. Из них элемент *изготавливать*, имеющий наиболее высокую частоту, определяет смысл (значение) предложения (Ю.Д.Апресян, 1974: 14). В этом случае избыточность устраняет «помехи» в восприятии сообщений.

Однако, согласно Гальперину И.Р., избыточность информации замедляет процесс сообщения. И поэтому иногда лексическая связанность значения столь очевидна, что наличие второго элемента, определяющего характер значения, становится излишним

(И.Р.Гальперин, 1974: 84).

Так например, английский глагол *shrug* может сочетаться только со словом *shoulders*. Отсюда он не только 1) употребляется в качестве переходного глагола вместе со словом *shoulders*, но и 2) употребляется в качестве непереходного глагола, впитавшего слово *shoulders* (процесс впитывания до конца не дошел) (И.Р.Гальперин, 1974: 84).

Вышеупомянутый второй элемент, в нашем случае, может быть не только лексемой, но и семантическими признаками (характеристикой значения).

Так, рассмотрим следующие предложения с учетом контекста в широком его понимании.

1. Завтра я иду к доктору.

1а. Завтра я иду к доктору пешком.

1б. Завтра я еду к доктору.

1с. Георгий идет первым на своем мотоцикле.

1д. Георгий едет на своем мотоцикле.

Предложение 1, при наличии информации, что доктор находится в одном и том же городе, что и говорящий, несет в себе значение 1б наряду с 1а. Здесь имеет место переход *идти* = *дв.* + *дм* + *(-н)* + *сн1* → *дв.* + *дм* + *(-н)*. Предложение 1д можно выразить как *едет* = *дв.* + *дм* + *(-н)* + *сн2* *мотоцикл* = *пр1*, *сн2*. Но в предложении 1с, вследствие прибавления слова *первым*, прибавились *сн2*, (*пр1*), и удалилось повторное *сн2* (обозначено «↓»), и отсюда переход к глаголу *идет* (*едет* = *дв.* + *дм* + *(-н)* + *сн2* ↓ → *дв.* + *дм* + *(-н)* → *идет*)

Здесь видно, что различие формы нейтрализовано со стороны функции и значения. Далее рассмотрим следующие предложения.

2a. Автобус едет на завод.

2b. Автобус идет на завод.

2c. Он едет на автобусе.

3a. Теплоход плывет в Новосибирск.

3b. Теплоход идет в Новосибирск.

3c. Он плывет на теплоходе.

**3d. Он едет на теплоходе.*

4a. Самолет летит в Москву.

4b. Самолет идет в Москву.

4c. Он летит на самолете.

**4d. Он едет на самолете.*

Предложения 2a, 3a, 4a переходят в предложения b путём прибавления признака, извлекаемого из контекста сп2, пр1↓, сп2, пр2↓, сп2, пр3↓. Предложения c возможны, и показывают участия какого-либо средства. Здесь в качестве предпосылки выступают сп2, пр1; сп2, пр2; сп2, пр3.

Напротив, когда центр значения переходит к способу и пространству движения, и избыточность уменьшается, переход а → b не происходит. Например, в следующих предложениях, в которых выражается аномальная ситуация, использовать глагол *идти* нельзя.

Доллары плывут по реке. Мертвая рыба плывет по реке.

Это означает, что нейтрализация и импликация (implication) являются результатом избыточности.

Однако возникает проблема: в предложении *Он едет в Россию*, глагол *едет* может означать *плывет*, *летит*, но переход 4c → 4d невозможен.

Такого рода несогласие не является следствием избыточности, а является вопросом семантической характеристики глагола *ехать*. Предложение 3d, согласно словарям Ожегова и др., правильное, однако нам известно, что информанты - носители языка не считают его адекватным. Это означает, что *ехать* захватывает в себя *пр1*, поэтому 4d (3d) следует считать неправильным.

В заключение вернемся к первоначальной проблеме, и еще раз рассмотрим семантическую характеристику глагола *идти*.

Как известно, в русском языке используется творительный падеж для реализации характеристики соотношения «транспорт, способ». Этот способ применим не ко всем видам транспорта. *Велосипед, мотоцикл* и т. д. не могут быть выражены этим способом⁸(Р.И.Сирота и др.,1976: 53). Это обозначает, что в сознании носителей русского языка *велосипед, мотоцикл* и т. д., и *автобус, теплоход, самолет* являются членами разных классификаций. Если мы условно определим семантический признак глагола *идти* как «автономность» (ср. *Идет велосипед с дистанционным управлением.* – правильное предложение), и включим это в его семантемы, предложение *Велосипед идет.*, являющееся простым нераспространенным предложением, обычно невозможно. Напротив, в предложении *Велосипед идет со скоростью 30 километров в час.* имеет место перемена центра значения (ехать → со ... в час), что позволяет переход к глаголу *идет*. Здесь также наблюдается воздействие избыточности.

На этом мы завершаем анализ глаголов *идти, ехать, плыть, лететь*. Для полной конструкции семантической системы глаголов «движения» необходим анализ и других лексем, обозначающих движение в пространстве, но это мы оставим для следующего нашего исследования.

6. Заключение

1. Глаголы «движения» — это глаголы, выражающие движения, которые входят в группу лексем, определяемых с учетом форм и значений.

2. Переход глаголов «движения» *идти, ехать, плыть, лететь*, от семантической системы к смысловой системе является результатом нейтрализации, основанной на избыточности информации единиц языка и контекста.

Примечание

Настоящая работа является дополнением и развитием выступления автора на собрании филиала Канто Японской ассоциации русистов, прошедшем в декабре 1984-го года.

* показывают, что данная единица (слова, предложения и т. д.) неправильная.

Слова «смысл» и «значение» используются по Сиро Хаттори, 1964.

Значение лексем соответствует статьям стандартных толковых словарей, указанных внизу, в списке литературы). Это основано на идее, упомянутой в (Х.Накадзава,1984). А каждое из х и у в I считается парой лексем.

Авилова,Н. С. пишет примечание о том, что пара идти — ходить является исключением в (Русской грамматике, АН СССР, М., 1980, 590).

Обсуждения и проверку однонаправленности/ неоднаправленности глаголов движения мы оставляем на следующий раз.

Исаченко, А.В. 1965. Согласно ему, пара садить — сажать стилистически также отличается.

Новиков, Л. А. 1982. Он тоже изображает глаголы «движения» в диаграмме, но это лишь перечень всех компонентов.

Согласно исследованиям Сироты, Р. И., Мразека, Р., Скворцова, Л. И. Грамматическая правильность русской речи, АН СССР, М.: Наука, 1976.

Список литературы

Словари

1. Александрова. З. Е. (1968), Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия.
2. АН СССР. (1957-1961), Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык.
3. Ожегов С. И. (1983), Словарь русского языка. изд. 13-е. М.: Советская энциклопедия.
4. АН СССР. (1976), Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука.
5. АН СССР. (1980), Русская грамматика. М.: Наука.
6. Апресян Ю. Д. (1974), Лексическая семантика. М.: Наука.
7. Икэгами Й. (1975), Семантика. Токио: Тайсюкан-сётэн.
8. Исаченко А.В. (1965), Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава: Издательство словацкой АН.
9. Накадзава Х. (1984), Глаголы движения в русском языке. В «Сборнике статей Токийского государственного университета иностранных языков» Токио. т. 34. : Токийский государственный университет иностранных языков.
10. Новиков Л. А. (1982), Семантика русского языка. М.: Высшая школа.
11. Хаттори С. (1964), Конструкция и функция семантем // Языкознание. т. 45, Токио.
12. Шведова Л. Н. и др. (1983), Пособие по употреблению видов глагола для работы с филологами-русистами. М.: Русский язык.
13. Юдина. Л. П. и др. (1978), Устные тренировочные упражнения по теме «глаголы движения». М.: Издательство московского университета.
14. Nida E. A. (1975), Componential Analysis of Meaning. Mouton. В переводе на японский язык. Токио: Кэнкюся.

ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Е.Н. Колодкина/ Elena Kolodkina

正修科技大學應用外語系 助理教授

Department of Applied Foreign Languages, Cheng Shiu University

【摘要】

本研究主要對俄國語言學界及心理語言學中，形象化範疇部份進行探討。在文中將以各種角度展現及說明形象化為字義結構的一部份。依研究成果觀之，本文作者得出以下結論：在語言學界所歸納出之各類形象化詞彙，對個人語彙而言並不顯得重要，而即使具有最抽象意義的詞彙仍保有其物體及感知的根源。

【關鍵詞】

字義結構形象化語言學、心理語言學、字義分析參數法

【Abstract】

This paper focuses on the category of imagery in Russian linguistics and psycholinguistics. Different views on imagery as the component of the structure of word meaning are presented. The author comes to the conclusion that linguistic typology of imagery words is not actual for the individual lexicon and that the word, having even the most abstract meaning, keeps its object-sensory basics.

【Keywords】

imagery as the component of meaning, linguistics, psycholinguistics, parametric approach to meaning

Образ и образность являются центральными категориями для многих гуманитарных дисциплин, таких как философия, психология, филология. В филологии, которую принято рассматривать как содружество дисциплин о языке, образ и образность уже длительное время являются предметом изучения в литературоведении – науке о художественной литературе, ее происхождении, сущности и развитии. В лингвистике – науке о языке, о его строении, функционировании и развитии, образность как компонент структуры значения слова лишь сравнительно недавно вошла в круг интересов исследователей.

В лингвистических работах последней четверти прошлого и начала настоящего века образность изучается в традиционной лингвистике и в психолингвистике и близких к ней исследованиях когнитивного направления. Анализ традиционных лингвистических работ позволяет выделить два основных направления в исследовании образности в структуре значения слова.

В рамках первого направления, имеющего наибольшее количество приверженцев, образность рассматривается как один из компонентов коннотации. Под коннотацией понимается «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» (О.С.Ахманова, 1969: 203-204). Хотя коннотация исследуется в лингвистике достаточно длительный период времени, вплоть до настоящего времени количество и статус компонентов коннотации не определены достаточно четко. Наиболее часто в структуре коннотации выделяют эмоциональность, оценку, образность и стилистическую окраску (И.В.Арнольд, 1981; В.К.Харченко, 1983). При этом всеми учеными подчеркивается существование тесной связи между компонентами коннотации, трудности их выделения и отграничения друг от друга. Так, Л.И.Корниенко (Л.И.Корниенко, 1983) отмечает, что эмоционально-оценочные наименования не только создают образность, но и отражают субъективную оценку, даваемую номинатором соответствующим явлениям объективной действительности. Н.А.Лукьянова и М.И.Черемисина определяют образность как способность языкового знака «выразить внеязыковое содержание посредством

целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки со стороны говорящего лица» (Н.А.Лукиянова, М.И.Черемисина, 1986: 286). По мнению Л.Н.Савченко (Л.Н.Савченко, 1972), образное употребление слова всегда эмоционально, поскольку образность есть стремление речи к усилению наглядности восприятий, а восприятие вызывает не только мысль, но и чувство. По существу, предтечей такого подхода к лингвистике является Ш.Балли, который указывал, что образная речь служит «не более чем способом выражения различных форм мысли и чувства» (Ш.Балли, 1961: 25), а «образ существует для нас лишь постольку, поскольку он имеет экспрессивное значение» (Ш.Балли, 1961: 224).

Представители второго направления постулируют существование образного компонента наряду с денотативным и коннотативным компонентами значения (Е.И.Беляева, 1983; О.В.Загоровская, 1983), исходя из того, что «наличие данного компонента в значении слова обуславливается своеобразием процесса человеческого мышления, сочетанием в нем абстрактного и конкретного, чувственно-наглядного и отвлеченно-понятийного» (О.В.Загоровская, 1983: 17). Сторонники этого направления отмечают, что образный компонент особенно ярко проявляется при использовании конкретной лексики, когда «говорящий оперирует чувственно-наглядным образом предметов, обозначенных данными словами» (Е.И.Беляева, 1983: 9). Одновременно указывается, что наряду с конкретными языковыми единицами, семантика которых предполагает присутствие знака-представления, существуют абстрактные словесные единицы, не допускающие чувственной конкретизации. Семантическая структура подобных языковых знаков рассматривается как содержащая нулевой образный компонент значения. В исследованиях этого направления подчеркиваются также историчность и национально-культурная обусловленность образности как компонента значения.

Укажем, что в большинстве исследований проблема образного компонента в семантической структуре слова рассматривается в основном в общетеоретическом плане, а попытки построить типологию слов по степени выраженности их образности в их значениях носят фрагментарный характер. Исключениями являются классификации словесных единиц по степени их

образности, разработанные О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983) и О.И.Загоровской (О.И.Загоровская, 1983).

Значительный вклад в исследование лексической образности внес И.А.Стернин (И.А.Стернин, 1979), постулирующий наличие эмпирического компонента в семантике слова, под которым понимается закрепленный за словом обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета. По мнению этого автора, эмпирическим значением обладает большинство конкретных слов. Чувственно-наглядный компонент выделяют в словах, обозначающих предметы и явления, с которыми мы часто сталкиваемся в практической деятельности, которые являются объектами наглядно-действенного мышления. Часто слова, в значении которых эмпирический компонент играет заметную роль, «довольно трудно определить (дать толкование значения), гораздо легче указать на предмет, обозначаемый словом» (И.А.Стернин, 1979: 131). Поскольку трудность изучения эмпирического компонента значения слова состоит в том, что он имеет чувственную природу и не поддается фиксации и разложению на составляющие элементы, И.А.Стернин предлагает анализ словарных дефиниций в толковых словарях в качестве косвенного способа изучения эмпирического компонента, так как они часто содержат его словесное описание. Наличие наглядно-чувственного компонента проявляется, прежде всего, остенсивным определением значения (через жесты, действия, мимику). Отметим, что И.А.Стернин не признает существования эмпирического компонента у абстрактной лексики.

Принято считать, что слово является конкретным, если обозначает реально существующий материальный объект или лицо, которое можно непосредственно ощутить с помощью органов чувств, в противоположность абстрактному качеству, состоянию или действию. Опираясь на положение, согласно которому, конкретные слова указывают на вещные реалии, а абстрактные на мыслительные, Г.Н.Острикова (Г.Н.Острикова, 1990) относит к первым наименования профессий, социального статуса людей. Однако следует признаться в недостаточной разработанности четких и однозначных критериев, пригодных для различения «совсем конкретного» и «совсем абстрактного».

Психолингвистика и когнитивная психология исходят из того, что

образность слова и его конкретность взаимосвязаны между собой, но не идентичны. Так, В.Ф.Петренко, основатель психосемантического направления в психологии, видит необходимость дать определение абстрактности понятия, не исключающее его отношение к чувствительности. В исследовании (В.Ф.Петренко, А.А.Нистратов, 1981) приводятся количественные данные по параметрам образности и абстрактности 84 русских существительных, отмечается глубокая связь между ними, свидетельствующая об общих закономерностях вербально-образного кодирования экстралингвистической реальности при вероятных различиях в психологических процессах, лежащих в основе вынесения суждения об этих параметрах. Указывается на связь образности и эмоциональной окраски, поскольку «эмоционально-окрашенные слова отражают эмоционально значимые для субъекта ситуации и, вызревая из “житейских понятий” (в терминологии Л.С.Выготского, 1982) сохраняют связь с индивидуальным опытом, выступающим чувственной тканью понятия, фиксированного слове» (В.Ф.Петренко, А.А.Нистратов, 1981: 15).

В нашем исследовании были получены количественные данные по конкретности/абстрактности, образности и эмоциональности 215 русских существительных (Е.Н.Колодкина, 1987). Одной из целей работы было сопоставление количественных данных, полученных в результате психолингвистического эксперимента, с существующими в лингвистике классификациями образных слов. Отправной точкой такого сопоставления было определение предмета психолингвистики, данное основателем российской психолингвистической школы А.А.Леонтьевым (А.А.Леонтьев, 1976), как изучения устройства и функционирования речевых механизмов человека под определенным углом зрения, а именно, в плане их соотносительности со структурой языка. Такая постановка вопроса сделала правомочным сопоставление, а иногда и противопоставление, лингвистической и психолингвистической трактовки образности в структуре значения слова.

Наше видение основывается на психолингвистическом подходе к слову и значению, в рамках которого слово трактуется как производное перцептивного, когнитивного и аффективного процессов человека (А.А.Залевская, 1982; 1987; 2005), а значение – как «процесс соотносительности идентифицируемой словоформы с

некоторой совокупностью единиц глубинного яруса лексикона, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром» (А.А.Залевская, 1982: 32). Мы считаем, что значение любого слова, даже выражающего самую абстрактную идею, сохраняет свои предметно-чувственные корни. Еще И.М.Сеченов говорил, что основой мысли являются ощущения из всех сфер чувств, и прослеживал историю развития мысли из чувственных впечатлений, получаемых ребенком в детстве, в абстракты (И.М.Сеченов 1958: 119). А.А.Залевская отмечает, что «значение слова – даже обозначающего абстрактное понятие – в индивидуальном лексиконе сохраняет свои предметно-чувственные корни и в связи с этим сводимо к некоторому исходному чувственному образу» (А.А.Залевская, 1987: 2005).

В основу инструкции на шкалирование образности, мы, вслед за А.Пайвио, положили способность испытуемых представить содержание значения слова в виде образа любой модальности, например, визуальной или кинестетической. А.Пайвио экспериментально доказал, что содержание слова может храниться в памяти и в виде некоего вербального кода и в форме образа и сформулировал так называемую теорию «двойного кодирования». В работе (A.Paivio et. al., 1968) приведены коэффициенты образности, конкретности/абстрактности и ассоциативной значимости для 925 английских существительных. Мы вычислили количественные показатели для 215 русских существительных. Применение семибалльной градуальной шкалы с делениями от 1 до 7 теоретически позволяло получить коэффициенты, варьирующиеся от 1 (минимум) до 7 (максимум) баллов. Полученные коэффициенты образности изменялись в пределах от 1,76 (ИЕРАРХИЯ) до 6,88 (ХЛЕБ) баллов. Это позволило сделать вывод, что для носителей русского языка деление слов на образные и безобразные неактуально. Наличие численных показателей образности у всех исследуемых существительных позволило нам присоединиться к точке зрения тех лингвистов, которые считают образность неотъемлемым компонентом значения слова. Мы считаем, что образный компонент не является элементом коннотации, традиционно трактуемой как факультативная информация, дополнительная к основному содержанию слова, а является одним из элементов единого когнитивно-перцептивного комплекса,

стоящего за словом в индивидуальном сознании.

Соотнесем полученные нами количественные данные по образности с классификацией образных слов О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983), которая предлагает классифицировать существительные по степени образности в зависимости от мотивированности и немотивированности их внутренней формы. Следует отметить, что представление о связи между образностью слова и мотивированностью имеет глубокие корни в отечественном языкознании. Так, еще А.А.Потебня писал: «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» (А.А.Потебня, 1976: 146). О.И.Блинова под внутренней формой понимает морфо-семантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения на основе соотнесенности с внеязыковой и языковой действительностью. Трактует категорию образности как состоящую из таких компонентов как конкретность, картинность (наглядность) и красочность, О.И.Блинова выделяет три класса образных слов, различающихся по степени мотивированности. В первый класс входят немотивированные слова, характеризующие конкретностью: СОЛНЦЕ, ГОРА, во второй – мотивированные слова с неметафорической внутренней формой: МУХОМОР, ЕЛЬНИК, в третий – мотивированные слова с метафоричной внутренней формой, характеризующиеся конкретностью, наглядностью, красочностью: ГОРИХВОСТКА, КРОХОБОР. По степени выраженности образности О.И.Блинова определяет слова первого класса как обладающие потенциальной образностью, слова второго класса как полуобразные и слова третьего класса как образные. В ходе сопоставления было выявлено, что, слова, характеризуемые О.И.Блиновой как обладающие лишь потенциальной образностью, а именно, немотивированные конкретные слова, наиболее последовательно оцениваются испытуемыми – носителями языка как высокообразные (например: ЛАМПА – 6,64; ГОРОД – 6,69; ДЕРЕВО – 6,72; ЗАПАХ – 5,05; МОРЕ – 6,53; СЛЕЗЫ – 6,05; СЫЩИК – 5,27), а немногочисленные в нашем эксперимента мотивированные слова получили более низкие показатели параметра образности (например, ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – 3,85; ПУСТОЗВОН – 3,09; СТАВЛЕННИК – 2,74). Таким образом, наши экспериментальные данные противоречат предлагаемому

О.И.Блиновой принципу выделения трех классов образных слов в зависимости от степени мотивированности их внутренней формы.

Как уже упоминалось, наиболее полную классификацию существительных по степени их образности предложила О.В.Загоровская. Данный автор, рассматривая образный компонент как неотъемлемую часть содержательной структуры слова, указывает, что «игнорирование его противоречит многочисленным лингвистическим фактам, оставляя без объяснения своеобразие целого пласта русской лексики» (О.В.Загоровская, 1983: 20). Наблюдения привели автора к выводу о том, что образность, подобно другим компонентам значения, может занимать различные положения в семантической структуре слова, входить в число основных или скрытых элементов, может быть актуализирована в речи, а может оставаться нереализованной. В таком случае, делает вывод О.В.Загоровская, «любое конкретное слово, имея в своем значении образную силу, способно в определенных контекстуальных условиях актуализировать ее и вывести в состав основных» (О.В.Загоровская, 1983: 17). Одновременно указывается на существование обширного пласта так называемых образных слов, в которых соответствующий компонент значения играет значительную роль, входит в актуальный смысл слова или оказывает существенное воздействие на его формирование. В составе образной лексики, О.В.Загоровская выделяет два типа словесных единиц: слова с мотивированной образностью и слова, не имеющие первичной номинативной базы.

Первый тип слов – существительные с яркой внутренней формой – представлен: 1) словами с конкретным значением, в которых образ-представление присутствует как живая внутренняя форма: ПОДСНЕЖНИК, ЗЕМЛЯНИКА, КРОХОБОР; 2) словами с метафорической образностью – семантическими производными номинативных лексем: зооморфизмами (МЕДВЕДЬ – о человеке), другими «проекциями на человека» (АРТИСТ, ПЕНЬ, ЗАНОЗА), метафорическими предметными образами (ХЛЕВ – о жилище, БУДКА – о лице), глагольными метафорами, метафорическими обозначениями качеств и признаков. Второй тип слов – существительные, не имеющие первичной номинативной базы, не являющиеся словообразовательными и семантическими производными современных

номинативных лексем – представлен группой слов, для которых существенными оказываются образные ассоциации: ФИФА, ОЛУХ, ШАЛОПАЙ. Этот тип слов О.В.Загоровская называет изобразительными. Анализируя степень образности в семантической структуре выделенных групп слов, О.В.Загоровская характеризует как максимально образные семантические производные номинативных лексем и изобразительные слова. Наконец, минимальной степенью образности обладают слова с конкретными значениями, содержащие образ-представление в качестве потенциальной семы.

Сопоставим выделенные О.В.Загоровской группы образных слов с нашими показателями. Они не позволяют с достаточной степенью определенности высказаться о степени образности зооморфизмов и других «проекций на человека», поскольку в материалах нашего эксперимента слова, способные приобретать метафорическую образность, были оценены испытуемыми исключительно в своем прямом номинативном значении, о чем свидетельствуют предельно низкие величины среднего абсолютного отклонения (например, СОБАКА – 0,51; ЛОШАДЬ – 0,60). Однако поскольку слова такого типа близки по семантике к существительным «эмоционально характеризующим лиц», типа ТРЕПАЧ – 4,89; ПИЖОН – 4,89; КОРЕШ – 3,57; ЭСКУЛАП – 2,20, можно предположить, что в индивидуальном сознании существительные – «проекции на человека» получили бы аналогичные, т.е. средние или низкие показатели образности. Вторая степень образности по О.В.Загоровской у слов с яркой внутренней формой, экспрессивных и неэкспрессивных, типа ПОДСНЕЖНИК, КРОХОБОР. В нашем экспериментальном списке оказалось не так много слов с яркой внутренней формой, но все они получили низкие коэффициенты образности, например, БЕЗУМЕЦ – 3,82; ПУСТОЗВОН – 3,08, СТАВЛЕННИК – 2,74. Низкие численные данные образности не позволяют выделить слова этого типа в устойчивую группу с высокой образностью. В нашем списке есть также несколько слов мотивированных словообразовательно, причем некоторые существительные возможно сопоставить с мотивирующими словами, также входящими в экспериментальный набор: ДРУГ – 6,43; ДРУЖОК – 4,22; БРАТ – 6,20; БРАТЕЦ – 4,50; КОШКА – 6,41; КОШЕЧКА – 5,61; РАБОТНИК – 5,69; РАБОТНИЧЕК – 4,62. Сопоставление указанных пар слов однозначно

свидетельствует о том, что слова с «прозрачной» внутренней формой получили в эксперименте величины образности значительно более низкие (на 1 – 2 балла), чем у мотивирующих слов. Минимальной образностью, по мнению О.В.Загоровской, обладают слова с конкретным значением, содержащие образ-представление в качестве потенциальной семы, которая может актуализироваться в определенных контекстуальных условиях. Напротив, в материалах нашего эксперимента именно слова с конкретным значением получили самые высокие коэффициенты образности. Это, во-первых, обширная группа существительных – названий предметов, среди которых можно выделить: а) названия предметов питания, получившие максимальные показатели образности: ЯБЛОКО – 6,87; ХЛЕБ – 6,88, б) названия природных феноменов: ЦВЕТОК – 6,81; ОГОНЬ – 6,72; РЕКА – 6,68; в) названия артефактов: КНИГА – 6,79; ГОРОД – 6,69; ДОМ – 6,53; г) названия частей тела человека: РУКА – 6,69; КРОВЬ – 6,62; ВОЛОСЫ – 6,56; ГОЛОВА – 6,44. Во-вторых, высокие количественные показатели параметра образности характерны для названий животных, например: СОБАКА – 6,67; ЛОШАДЬ – 6,60; КОШКА – 6,41. В-третьих, высокие показатели образности получили названия лиц, а именно, общие названия лиц, а также названия лиц, дифференцированные по половому, возрастному и семейному признакам: ЧЕЛОВЕК – 6,57; ЛЮДИ – 6,29; ДЕВУШКА – 6,69; МАЛЬЧИК – 6,46; БАБУШКА – 6,40; ДИТЯ – 5,84.

Таким образом, сопоставление показало, что класс слов, имеющий по О.В.Загоровской минимальную – потенциальную – образность, испытуемыми оценивается как высокообразный, а классы образных слов, выделяемые данным автором, в нашем эксперименте имеют низкие или средние величины образности, что противоречит их отнесению к образной лексике в идиолексиконе.

В русле публикаций О.И.Блиновой и О.В.Загоровской выполнены и лингвистические работы, рассматривающие образность в составе значения слова, опубликованные в последние годы. Так, Е.А.Юрина, опираясь на определение внутренней формы слова, данное О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983), в докторской диссертации, посвященной образной лексике русского языка, трактует образность как лексико-семантическую категорию, обобщающее

структурно-семантическое свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющееся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы (Е.А.Юрина, 2005: 14). Данный автор распределяет все образные средства языка по критерию цельнооформленности/раздельнооформленности на две большие группы: лексические (цельнооформленные) и фразеологические (раздельнооформленные). Среди лексических образных средств Е.А.Юрина выделяет собственно образные слова: БУКВОЕД, МОХОВИК, ТВЕРДОЛОБЫЙ, ОБЕЗЬЯННИЧАТЬ и языковые метафоры: КИПЯТИТЬСЯ «злиться», БЛЕСТЯЩИЙ «выдающийся», БУРЯ «интенсивное выражение эмоций». Мы уже указывали, что для носителя языка слова с мотивирующей внутренней формой не рассматриваются как имеющие высокую степень образности. Языковые метафоры и фразеологические единицы, к сожалению, не входившие в наш экспериментальный список, безусловно, представляют интерес для последующих исследований образности.

Обратимся к новейшим исследованиям образного компонента значения, выполненным в рамках психолингвистического подхода или близких дисциплин когнитивного направления. Так, В.Ф.Петренко, представитель психосемантического направления в психологии, считает одной из важнейших проблем изучения значения исследование его невербальных форм, в частности, существование значения в системе визуальных образов. Более широкая трактовка языка, чем принято в лингвистике, понимание значения как формы обобщения, являющейся дериватом действительности, репрезентированной не только в форме понятий, но и в системно-организованном образном плане, требуют и анализа психических процессов, на языке которых «записаны» эти значения, анализа формы существования невербальных значений в человеческом сознании. По аналогии с вербальными значениями, где психологической структурой значения признается система соотношения и противопоставления слов в речевой деятельности, можно предположить, что и

образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или замещающая в некоторых ситуациях категориальную систему естественного языка. По мнению В.Ф.Петренко, невербальные значения, как и языковые значения, являясь элементами различных семиотических систем, имеют различные уровни категоризации (В.Ф.Петренко, 2005: 50-51).

Подобную мысль встречаем у патопсихолога Ф.Е.Василюка (Ф.Е.Василюк, 1993), чья модель образа сознания стала очень популярна на рубеже 20 и 21 веков. Ф.Е.Василюк опирается на теорию деятельности А.Н.Леонтьева, выделившего три основные «образующие» сознания – личностный смысл, значение и чувственную ткань, которую А.Н.Леонтьев определяет как некое впечатление, т.е. некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в процессе практической деятельности с этим миром. Чувственная ткань выполняет функцию придания чувства реальности сознательным образам. Это материал, из которого строится перцептивный образ (А.Н.Леонтьев, 1975). Ф.Е.Василюк предлагает свою модель образа сознания, которая, по его мнению, предоставляет плодотворные возможности описания и анализа различных феноменов сознания. По его мнению, чувственная ткань, являющаяся многомерной субстанцией, – это «особая внутренняя “составляющая” образа, его живая плазма... в чувственной ткани может быть усмотрено несколько парадоксальное свойство: она является чем-то единым, и в то же время вовсе не гомогенным, а достаточно дифференцированным, сгущаясь вблизи полюсов образа и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики. Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов» (Ф.Е.Василюк, 1993: 18). «Полюсы» образа в обсуждаемой модели представлены предметным содержанием образа, личностным смыслом (чувственной тканью которого являются эмоции), значением и словом (знаком), причем эти полюсы являются представителями предметного мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка соответственно. Эти полюсы не являются взаимоизолированными или противопоставленными друг другу. Они едины с точки зрения всепроникновения чувственной ткани, которая, хотя и модифицируется вблизи полюсов образа, является, тем не менее, единой и составляет основу целостности образа.

Интересной представляется также точка зрения И.Л.Медведевой (И.Л.Медведева, 1999) о том, что образ или действие, сопряженные с тем или иным словом, становятся в некоторых случаях внутренней формой этих лексических единиц. Речь идет, к примеру, об усвоении иностранных слов, обозначающих компьютерные термины, инструменты. Психолингвист иллюстрирует свою мысль, описывая особенности оперирования названиями различных инструментов современными стоматологами, работающими с новым импортным оборудованием. Оказалось, что врачи вообще не задумываются над тем, что значит слово, написанное на упаковке того или иного инструмента, они лишь знают, как используются данные предметы. Такие единицы быстро вживляются во внутренний лексикон, так как увязываются с физическими действиями человека и таким образом наполняются чувственной тканью, приобретают связь с телом человека. При этом под внутренней формой слова И.Л.Медведева подразумевает «те опоры, с помощью которых индивид “присваивает” языковую единицу, делает её достоянием собственного лексикона, извлекает смысл из языковой оболочки, перекодирует сообщение на язык личностных смыслов...эти опоры...могут представлять собой, с точки зрения лингвистики, достаточно странные нелогичные образования, однако именно они оказываются надолго закрепленными в ассоциативном поле усвоенной языковой единицы как следы активности индивида при её восприятии» (И.Л.Медведева, 1999: 159).

В рамках психолингвистического подхода выполнено исследование Н.В.Соловьевой (Н.В.Соловьева, 1989), рассматривающей предметно-чувственный компонент значения глагола, который реализуется через его способность актуализировать как мысленный образ целой ситуации, связанной с осуществлением действия, которое названо глаголом, так и отдельные значимые элементы ситуации.

Особый интерес представляет для нас диссертационное исследование Е.В.Карасевой (Е.В.Карасева, 2007), которая изучает особенности предметно-чувственного компонента значения не только глаголов, но и существительных с различным уровнем образности и конкретности. В результате анализа различных концепций предметного значения, автор приходит к собственной трактовке предметно-чувственного компонента значения слова

как образующей значения, связанной с любым телесным опытом человека. Следами, указывающими на присутствие предметно-чувственного компонента в значении слова, явились слова, обозначающие физическое действие, ощущения и состояния, а также чувственные образы и элементы ситуаций. В ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента были выявлены группы слов с высокими, средними и низкими показателями реакций, относящихся к предметно-чувственному компоненту значения. Автор приходит к выводу, что предметно-чувственный компонент психологической структуры слова, в свою очередь, является комплексным образованием. Таким образом, в предметно-чувственном компоненте значения заложен весь многообразный сенсомоторный опыт человека – все, что относится к *семе*.

Работа Е.В.Карасевой подтверждает и во многом развивает результаты нашего экспериментального исследования. Представляется, что образный компонент является одной из составляющих предметно-чувственного компонента значения слова. Его комплексное строение также не вызывает сомнения. Сошлемся на работу (Е.Н.Колодкина, 1996), в которой приводятся количественные данные по различным составляющим полимодального образа, соответствующим чувственным модальностям, таким как зрительная, слуховая, кинетическая, обонятельная и вкусовая образность при ведущей роли зрительной составляющей. Комплексная природа образности в психологической структуре слова проявляется также и в том, что в момент оперирования индивида словом, составляющие образности находятся на различном уровне осознания, т.е. своей идентификации.

В цитированной ранее работе (Е.Н.Колодкина, 1987) приводятся данные об образности и эмоциональности в группах слов с различным семантическим наполнением и делается попытка интерпретации их взаимодействия в идеолексиконе. Указывается на сложный характер подобного взаимодействия и необходимость изучения психологической реальности, лежащей за параметром эмоциональности.

Эмоционально-чувственному компоненту в психологической структуре значения каждого слова посвящено докторское исследование Е.Ю.Мягковой (Е.Ю.Мягкова, 2000), базирующееся на психолингвистическом подходе к слову, в

частности, на положении о том, что, преломляясь через индивидуальный опыт человека, слово непременно окрашивается переживаниями и впечатлениями. Опора на экспериментальные данные приводит автора к выводу о комплексном строении эмоциональной нагрузки слова, о неразрывности эмотивности и оценочности в значении слова.

Итак, анализ новейших публикаций по психолингвистике, психосемантике, когнитивной психологии показывает, что в начале 21 века активно ведутся исследования компонента значения, так или иначе связанного с чувственным образом, во многом подтверждающие полученные нами экспериментальные данные и позволяющие интерпретировать их с позиции нового уровня, достигнутого современной наукой.

Следует согласиться с А.А.Леонтьевым в том, что, «... как бы лингвистика ни делала вид, что она независима от психолингвистики и может прожить без нее, они давно уже настолько спаяны друг с другом, что любой серьезный шаг вперед в одной немедленно отражается на другой» (А.А.Леонтьев, 1997: 277). Представляется, что следующим шагом в развитии теории значения будет создание единого интегративного подхода к анализу языковых, в том числе и семантических явлений.

Литература

- Аллендорф К.А. Значение и изменение значения слова: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1966.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. Л.: Просвещение, 1981.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
- Беляева Е.И. Взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов при определении семантики слова // Аспекты семантического изучения романских и германских языков. Воронеж, 1983. С. 9-15.
- Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3-11.
- Васильюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, №5. С. 5-19.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М. Т.2. 1982. С. 231-256.
- Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 16-20.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: Учебное пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982.
- Залевская А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. С. 34-49.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007.
- Кацнельсон С.Л. Содержание слова, значение и обозначение. М.- Л.: Наука, 1965.
- Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения

- существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Колодкина Е.Н. Полиmodalная образность в психологической структуре слова // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. С. 9-17.
- Корниенко Л.И. Коннотативный аспект в значении глагольных наименований // Семантика единиц различных уровней в романо-германских языках. Киев, 1982. С. 130-137.
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 46-73.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1979. Лукьянова Н.А., Черемисина М.И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 165-168.
- Медведева И.Л. Функционирование иноязычной лексики в свете психолингвистической концепции слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография. Под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 132-174.
- Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000.
- Острикова Г.Н. Предметно-образный компонент именных лексических единиц вторичного образования в подъязыках информатики и кибернетики (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 1990.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. С Пб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф., Нистратов А.А. Коэффициенты образности, конкретности и ассоциативной значимости для 84 русских существительных // Общение, текст, высказывание. М., 1981. С. 5-17.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

- Савченко Л.Н. Лингвистика речи // *Вопр. языкознания*, 1986, № 3. С. 62-74.
- Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // *Избранные произведения*. М.: Учпедгиз, 1958. С. 34–142.
- Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989.
- Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1979.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
- Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака*. Воронеж, 1983. С. 47-52.
- Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М.: Наука, 1973.
- Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Томск, 2005.
- Pavio A., Yuille J.C., Madigan S.A. Concreteness, imagery and meaningfulness values for 925 nouns // *Journal of Experimental Psychology*, 1968, V. 76, № 1. Pp. 1–25.

«МАЛЮТКА ЖИЗНЬ, ДЫШИ!..»

(ОБ ОДНОМ ОБРАЗЕ У ПАСТЕРНАКА,
НАБОКОВА И АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО)

Буровцева Наталия Юрьевна / Nataliya Burovtseva

淡江大學俄國語文學系 助理教授

Department of Russian, Tamkang University

【摘要】

在這篇文章裡討論到俄羅斯三位同代文學家：鮑里斯·帕斯特納克在其小說《齊瓦哥醫生》中的主要女主角拉拉，弗拉基米爾·納博科夫小說《羅莉塔》中的主要女主角羅莉塔的形象及阿爾謝尼·塔可夫斯基的詩《第一道雷雨》，分析其小說中關於人生、女人等等的意象。

【關鍵詞】

《齊瓦哥醫生》，《羅莉塔》，阿爾謝尼·塔可夫斯基的詩

【Abstract】

If you ask a question, what the image is – whatever definition we give it, the common are only two main features: on the one hand, image is a mental category and it exists only in imagination, on the other hand, image is always concrete and is unique in its concreteness. The variants of the literary plots are typologically countable, the quantity of images theoretically is unlimited: there are so many images as authors. But the likeness of images in literature is not a rare event. In these notes we speak about three contemporaries: Boris Pasternak (1891-1960), Vladimir Nabokov (1899 – 1977) and Arsenyi Tarkovsky (1907 – 1987). These masters have called our life that is difficult to define -- “a girl”. In the article we consider the images of the main heroines of Pasternak’s and Nabokov’s novels – Lara (“Doctor Zhivago”) and Lolita (“Lolita”). The poem by Arsenyi Tarkovsky – “The first thunderstorm” is used as a “lyrical comment” to the above said novels.

【Keywords】

the image, “Doctor Zhivago”, “Lolita”, Arsenyi Tarkovsky

Если задаться вопросом, что такое образ, то, какое бы определение мы ни дали, общими будут две главные черты: с одной стороны, образ – категория ментальная, он существует лишь в воображении, с другой стороны, образ всегда конкретен и в своей конкретности единичен.

Варианты литературных сюжетов типологически исчислимы, количество образов теоретически безгранично: сколько художников – столько образов. Однако сходство образов – явление, в литературе нередкое. Особенный интерес представляют случаи, которые выходят за рамки литературного влияния (намеренные и ненамеренные заимствования, явное и скрытое цитирование и т. д.), об этом и пойдёт речь ниже.

Чем, по большому счёту, занимается литература? Образным толкованием нескольких слов, не имеющих определения: «Довольно-таки сразу приходится понять, а потом бесконечно убеждаться, что то, с чем нам предстоит провести всю жизнь, не имеет определения. **Определения уточняются до окончательных лишь в отношении преходящего:** его мы успеваем рассмотреть на расстоянии приближения, встречи и удаления. Но **основные понятия – жизнь, смерть, любовь, красота** – не под силу толковому словарю. [...] Их можно иногда, прикосновением, постичь, но не – понять, их **иногда удаётся поэтически выразить, но не сформулировать**» (Андрей Битов. «Соображения прозаика о музе» -- Андрей Битов, 2002: с. 374).

В данных заметках мы будем говорить о трёх современниках: Борисе Пастернаке (1891-1960), Владимире Набокове (1899 – 1977) и Арсении Тарковском (1907 – 1987). Эти мастера слова назвали не поддающуюся определению жизнь «девочкой»:

1. «Тот юношеский первообраз, который на всю жизнь складывается у каждого и потом навсегда служит ему его внутренним лицом, его личностью, во всей первоначальной силе пробуждался в нём и заставлял природу, лес, вечернюю зарю и **всё видимое преображаться в такое же первоначальное и всеохватывающее подобие девочки.** «Лара!» -- закрыв глаза, полушептал или мысленно **обращался он ко всей своей жизни, ко всей божьей земле,** ко

всему расстилавшемуся перед ним, солнцем обозначенному пространству» («Доктор Живаго» --Пастернак, 1990: с. 339).¹

2. «**Лолита, свет моей жизни**, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та. [...] А предшественницы-то у нее были? Как же - были... Больше скажу: и **Лолиты бы не оказалось никакой, если бы я не полюбил в одно далекое лето одну изначальную девочку...**» («Лолита»)

3. «И **девочка** бежит по гребню светотени
(**А это жизнь моя**) в зеленом по колени...»

(Арсений Тарковский. «Первая гроза» – Тарковский, 1993: с. 267.)

I. Пастернак воспринимал свой роман как главный труд жизни, а возможность написать его как подарок судьбы: « Я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога» (из письма В. Т. Шаламову, декабрь 1955 -- Пастернак, 1990: с. 677). В письме к Нине Табидзе автор «Доктора Живаго» так оценивает только что завершённое произведение: «Всё распутано, **всё названо**, просто, прозрачно, печально. ... **даны определения** самому дорогому и важному, **земле и небу, ... жизни и смерти...**» (Пастернак, 1990: с. 676).

В романе Пастернака жизни дано конкретное женское имя – Лара Гишар. Лара – «потаённый, запретный ангел» Юрия Живаго, представительница России и самой жизни, «их выражение, дар слуха и слова» (Пастернак, 1990: с. 420, с. 386).

После отъезда Лары с Комаровским к Юрию Андреевичу, оставшемуся в Варыкине, приходит скрывающийся комиссар Стрельников – Паша Антипов, беглый муж Лары. Двое мужчин говорят об отсутствующей женщине. «Ах, как хороша она была девочкой, гимназисткой! [...] **Она была девочкой, ребёнком,**

¹ Здесь и далее разрядка в цитатах наша.

а ...тревогу века уже можно было прочесть в её глазах. [...] Обвинение веку можно было вынести от её имени, её устами. [...] Это некое предназначение, отмеченность» (Паша). «Вы замечательно о ней говорите. [...] Её тень распластывалась по стене движением напряжённой самозащиты. Такою я её видел. Такою помню» (Юрий -- Пастернак, 1990: с. 455).

Незадолго до вечной разлуки с Ларой Юра рассказывает, как первый раз увидел её: «Ты [...] гимназисткой последних классов [...] была совершенно тою же, что сейчас, и так же ошеломляюще хороша. [...] я, мальчик, ничего о тебе не знавший, всей мукой отозвавшейся тебе силы понял: эта [...] девочка заряжена, как электричеством, до предела, всей мыслимою женственностью на свете. [...] **Мне было до смерти жалко себя, мальчика, и ещё более жалко тебя, девочку**» (Пастернак, 1990: с. 420).

Живаго говорит о смертельной жалости к Ларе, «ради этой девочки» пошёл переделывать жизнь комиссар Стрельников. («Его война и революция были мстью за Лару» -- фраза из заметок к роману (Пастернак, 1990: с.634.) Сама же героиня так определяет свою судьбу: «Я – надломленная, я с трещиной на всю жизнь. Меня преждевременно, преступно рано сделали женщиной, посвятив в жизнь с наихудшей стороны, в ложном, бульварном толковании самоуверенного пожилого тунеядца прежнего времени, всем пользовавшегося, всё себе позволявшего» (Пастернак, 1990: с. 393).

Ранний вариант названия «Доктора Живаго» -- «Мальчики и девочки».² Именно образ Лары-девочки является доминирующим в идейной структуре романа, определяет его настроение и главный лейтмотив, «простой и печальный».

Девочка Лара – это сама жизнь и любовь («вся мыслимая женственность»), она интуитивно знает ту тайну существования, к постижению которой Юрий приближается лишь в творчестве: «...тот **свет очарования**, который ты заронила в меня, ... тот постепенно **тускнеющий луч и замирающий звук...** растеклись по всему моему существованию и

² В этом заглавии, возникшем в 1946 году, отсылка к поэзии Блока -- см. комментарии в указанном издании романа, с.653.

стали ключом проникновения во всё остальное на свете благодаря тебе» (Пастернак, 1990: с. 420).

Образ «девочки-жизни», центральный для «Доктора Живаго», появился у Пастернака задолго до романа, в сборнике стихов «Сестра моя – жизнь» (1917 год). «Жизнь», вынесенная в заглавие книги, названа девочкой уже в эпиграфе: «Бушует лес, по небу пролетают/ Грозовые тучи, / Тогда в движении бури рисую я/ О, девочка, твои черты» (строки из стихотворения «Картина» немецкого поэта Ленау -- Пастернак, 1989: с. 55).

А. К. Жолковский в статье «О заглавном тропе книги «Сестра моя – жизнь», выявляя богатые интертекстуальные связи как данного образа, так и сборника в целом³, отмечает, что «центральный тропологический комплекс книги сплетается из ряда мотивов: лирического "я"; "сада"; "зеркала"; любимой - "ты" [...]; "ветки"; и **абстрактной женской сущности - "жизни"**». В частности, «девочкой» и «сестрой» названа (сиреневая) ветка (стихи «Девочка», «Ты в ветре, веткой пробуящем...»)

Автор статьи также обращает наше внимание и на такую подробность: «В отличие от "ветки" и "любимой", "сестра-жизнь" в «Сестре моей – жизни» на ты не называется, но "жизнь" и другие абстракции нередко выступают в соседстве с тыкаемой любимой [...] А в более поздних текстах Пастернака программному тыканью и братанию подвергаются как "жизнь", так и любые сопрягаемые с ней персонажи...»

«Сестра моя – жизнь», эта, по определению А. К. Жолковского, «самая эмблематичная житнетворческая формула Пастернака», остаётся смысло- и стилеобразующей в его итоговом сочинении – романе «Доктор Живаго».

«...Как поразительно они встречались! Как всё благоприятствовало им и всё удавалось. Как соединялись в их пользу обстоятельства, точно случайности

³ Называются сочинения Святого Франциска Ассизского, Библия (Песнь Песней), символист Александр Добролюбов (у него взят сам образ, ставший заглавием), Генрих Гейне и др. См.: Жолковский А. К. «О заглавном тропе книги «Сестра моя – жизнь» <http://www-rcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/ses.html>

сговаривались между собою. Точно **действительность** знала их мысли и **была их сестрой**. Точно **существование было их братом**» (о свиданиях Юры и Лары в Юрятине -- Пастернак, 1990: с. 604).

Юрий Андреевич воспринимает своё творчество как единственно достойный ответ на любовь Лары: «Когда Лара казалась ему заслуженною, заработанною? [...] когда **пробуждение творческой жилки**, новая мысль, наполняли его радостью и поднимали в собственных глазах, у него являлось восхищенное торжествующее **чувство общности породы с её красотой**, он вдруг открывал в себе **товарища её женской прелести, товарища, брата, загорающегося недозволенной страстью к сестре своей**» (Пастернак, 1990: с. 624). В данном отрывке любовь-творчество-красота-поэзия-жизнь связаны «круговой порукой», неразрывной цепью, где ни одно из звеньев не мыслится без другого.

Оба процитированных выше фрагмента взяты из черновиков, не вошедших в основной текст романа, где «сёстринское отношение» к жизни и к Ларе (к Ларе-жизни) уже не провозглашается так открыто, уходя в подтекст, в общий музыкальный ритм произведения. В черновых же набросках Комаровский, разглагольствуя, словно в насмешку, обращается к Ларе и Юрию Андреевичу со словами «дети мои» (Пастернак, 1990: с. 610). В окончательном тексте романа Лара, не называя, говорит, чьи они дети: «Дар любви как всякий другой дар. Он может быть и велик, но **без благословения он не проявится. А нас точно научили целоваться на небе и потом детьми послали жить в одно время, чтобы друг на друге проверить эту способность**. [...] равноценность всего существа, всё доставляет радость. **Всё стало душою**. Но в этой дикой, ежеминутно подстерегающей нежности **есть что-то по-детски неукрощённое, недозволенное**. Это своевольная, разрушительная стихия...» (Пастернак, 1990: с. 428)

Противоречие «благословенности» и «неукрощённой, недозволенной, разрушительной» стихии страсти снимается лишь в акте творчества.

По замыслу автора, « у Юрия Андреевича несмотря на семейный и исторический трагизм ... перед смертью должен быть большой запас новых мыслей, желание жить и жажда деятельности (своей, новой). Смерть должна быть неожиданной случайностью» («Из черновых набросков и планов» --

Пастернак, 1990: с. 636). В окончательном же варианте романа существование главного героя скорее напоминает жизнь после смерти. «Пропажа Юрия Андреевича и пребывание его в скрытности», изобретённые братом Евграфом, чтобы Живаго мог целиком отдаться творчеству, выглядят, на наш взгляд, не очень убедительно (книга вторая, часть 15, главка 9). Со стороны художественной правды гораздо достовернее такое: «...восемь или девять последних лет ... перед смертью...он всё больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки и утрачивая писательские, на короткое время выходил из состояния угнетения и упадка, воодушевлялся, возвращался к деятельности, а потом, после недолгой вспышки, **снова впадал в затяжное безучастие к себе самому и ко всему на свете**» (Пастернак, 1990: с. 459). Потеря Лары для Юрия Андреевича равносильна утрате души. Существование продолжается, но жизни без Лары нет: «Я кончился, а ты жива?..»

Сидя у гроба Юрия в той самой комнате в Камергерском, куда она когда-то гимназисткой приходила к своему будущему мужу, Лара «стала напрягать память, чтобы восстановить тот рождественский разговор с Пашенькой, но ничего не могла припомнить кроме свечи, горевшей на подоконнике...» Свеча – это и есть главное. Автор обнажает перед читателем тот тайный рисунок судьбы, о котором герои лишь догадывались: «Могла ли она думать, что лежавший тут на столе умерший видел этот глазок проездом с улицы и обратил на свечу внимание? Что с этого, увиденного снаружи пламени, -- «Свеча горела на столе, свеча горела», -- **пошло в его жизни его предназначение?**» (Пастернак, 1990: с. 492) Таким образом воплощается пастернаковский «идеальный сюжет – цепочка случайностей, которые чудесным образом осуществляют упрямый замысел Провидения» (А. К. Жолковский).⁴

Упомянутый выше вариант заглавия романа («Мальчики и девочки») с начала 1947 года исчезает, и появляется новое название – «Свеча горела».⁵

На сюжетно-житейском уровне финал романа неутешителен и даже

⁴ Указанная ранее статья.

⁵ Подробнее о поисках названия будущего «Доктора Живаго» см.: Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Т. 3. Доктор Живаго. – М.: Худож. Лит., 1990, с. 659.

трагичен: власть Комаровских над жизнью неизбежна при любом режиме, но – «свеча горит»... «...она ощутила волну гордости и облегчения, как всегда с ней бывало при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни вблизи его. **Веяние свободы и беззаботности, всегда исходившее от него, и сейчас охватило её**» (Пастернак, 1990: с. 492). Именно любовь и творчество, в их нерасторжимом единстве, оказываются тем (ежедневным) усилием, которым побеждается смерть.

II. Известно негативное отношение Владимира Набокова к «Доктору Живаго». Тем не менее, кроме общности литературной судьбы обоих романов⁶, легко заметить сходство деталей сюжета, касающихся главных героинь:

⁶ Пастернак, работавший над романом почти 10 лет, завершил его в конце 1955 года. Первая публикация «Доктора Живаго», на итальянском языке, появилась 15 ноября 1957 года. Присуждение Пастернаку Нобелевской премии 1958 года привело к травле писателя в СССР. Окончательный текст романа, учитывающий последнюю авторскую правку, на родине поэта впервые был опубликован в журнале «Новый мир», 1988, № 1-4.

"Лолита" была завершена в начале 1954 года, Набоков её «перебелил весной 1955 года». «Первые попытки издать книгу в США принесли лишь разочарование и раздражение» автору. 15 сентября 1955 года парижское издательство «Олимпия – Пресс» опубликовало роман. В 1958 году «Лолита» вышла в Америке. В русском авторском переводе книга была издана в 1967 году (Лолита. Нью-Йорк: Phaedra). В России первая публикация состоялась в 1989 году (Лолита: Роман/ Пер. с англ. авт.; Предисл. В. Ерофеева. - М.: Известия (Б-ка журн. "Иностр. лит. "). О «взаимном обращении», «антагонистической связи» этих двух произведений пишет Михаил Шульман: «Романы не были напечатаны в собственных странах и появились в свет в полуподпольных издательствах Европы; произошло это почти в один год. Оба получили скандальную и "двусмысленную" славу, по существу к самим романам, как и к самим писателям, не относящуюся. "Лолита" известна, не я; я всего лишь непонятный и весьма сомнительный писатель с непрозрачным именем", -- говорил Набоков. *Многие ли знал западный читатель "Живаго" об авторе "Сестры моей жизни"?* Не думаю, чтобы тот и другой рассчитывали на успех, - в обоих романах виднеется скорее одинокая борьба с материалом, попытки сконструировать из уже данного - нечто свое, новое, еще небывалое, а не маркетинговый расчет...»

любовник матери⁷ соблазняет её дочь (впрочем, с молчаливого согласия последней), в итоге: «Я – надломленная, я с трещиной на всю жизнь» (Лара); «Ей не хватило, видимо, слов. Я мысленно снабдил ее ими - ("...он разбил мое сердце, ты всего лишь разбил мою жизнь")» (Лолита).

О смерти главной героини говорится скупно и сухо – детали автор предоставляет домыслить читателю: «Однажды Лариса Фёдоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, её арестовали в те дни на улице и она умерла или пропала неизвестно где...» (с. 496)

«Жена "Ричарда Скиллера" умерла от родов, разрешившись мертвой девочкой⁸, 25-го декабря 1952 г., в далеком северо-западном поселении Серой Звезде».⁹

Сами имена Лариса – Лолита, парадоксальным образом перекликающиеся (Лара -- Лола¹⁰, ещё забавней), являют собой идеальное (предельно сжатое) выражение художественного замысла авторов.

Символизм имени Лариса Гишар – Антипова (и, конечно, Живаго – по сути, не по факту) прозрачен: «чайка в клетке»¹¹; избранность («отмеченность», по выражению комиссара Стрельникова), а-типичность; это вечно живая душа, воплощение любви и женственности.

⁷ Г.Г. становится отчимом Лолиты, но это не меняет сути.

⁸ Конечно, ни повторения, ни продолжения Лолиты (и «Лолиты») быть не может.

⁹ А.В. Леденёв предлагает свой вариант толкования этого «самого загадочного топонима книги», в котором, по мнению исследователя, по-набоковски зашифровано имя Санкт-Петербурга, а также Светланы Зиверт (невесты Набокова), «Современных Записок», самого крупного журнала первой волны русской эмиграции и посмертного сборника Гумилёва «К Синей Звезде». (Впрочем, список возможных ассоциаций на этом не заканчивается.) – См.: Леденёв А. В. Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. Москва – Ярославль, 2004, с. 148-149; 182-183.

¹⁰ «Она была Лола в длинных штанах» (фраза из 2 абзаца романа).

¹¹ Лат. Larus – чайка, фр. guichet – тюремное окошко. В черновых набросках брат Лары Родион после революции меняет фамилию Гишар на Решетников (см. комментарии к роману, с. 647). Разумеется, нельзя не вспомнить и классическую героиню Островского – Ларису Огудалову из «Бесприданницы».

В «прозо-поэтических» текстах Набокова, безупречно выстроенных логически, именно музыка имён оказывается «основной несущей конструкцией» («за главный смысл лишь музыка в ответе»), и роман «Лолита» – яркое тому доказательство. Не подлежащее замене имя Лолита, вырастающее из истории литературы¹² и «тесно вплетённое в сокровеннейшую ткань книги», первое и последнее слово набоковского текста, это и есть самый «полный и точный «смысловый итог» романа» (Леденёв, 2004: с. 144, 176, 185). Если именно музыку, то есть акустику имени **Лолита**, его «звуковое свечение» принять за главное, тогда оказывается, что «псевдоним «Лолиты» (или, напротив, **её подлинное, изначальное имя**) – великая Русская Муза, слышать гармоничное пение которой можно (и даже нужно, даже просто необходимо) и в англоязычном оригинале, который начинается с главного «ключа» к роману – **фонетической инструкции к его чтению**» (Леденёв, 2004: с. 185)¹³.

Набоков, также как и Пастернак, называет свою героиню девочкой: «изначальная девочка», «бедная моя девочка». Вот последние минуты прощального свидания Г. Г. и Лолиты: «Я сказал, что через минуту мне будет пора уезжать [...] Мы попробовали найти тему для разговора. Почему-то **я всё видел перед собой - образ дрожал и шелковисто поблескивал на влажной сетчатке - яркую девочку двенадцати лет, сидящую на пороге и камушками звонко попадающую в пустую жестянку**».

Только «в этот безнадежно поздний час жизненного дня» Г. Г., наконец, осознаёт: пытаясь осуществить в реальности свои мистические грёзы, он «между делом» погубил эту девочку, которую любит «больше всего,

¹² Вот лишь некоторые источники образа Лолиты: Э. По и Льюис Кэрролл, поэзия русского серебряного века (Анненский, Блок, символисты).

¹³ Там же, с. 185. Вот оба варианта (английский и русский) начала «Лолиты»:

«Lolita, light of my life, fire of my loins. My sin, my soul. Lo-lee-ta: the tip of the tongue taking a trip of three steps down the palate to tap, at three, on the teeth. Lo-lee-ta». «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та».

что когда-либо видел или мог вообразить на этом свете, или мечтал увидеть на том».

Так выявляется общая болевая точка двух романов: насилие над жизнью, подчинение её «цветущей сложности» головной развращающей схеме (мистической, коммунистической, психоаналитической или любой другой, ныне актуальной) ведёт к трагедии.

Безусловно, «антогонистическая связь» (М. Шулман) обоих произведений не могла не быть замеченной автором «Лолиты», о чём свидетельствует пародия на стихотворение Пастернака «Нобелевская премия»:

« Какое ж совершил я злое дело
и я ль идейный водолей,
Я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей,
-- рефразируя **блаженного большевика** Бориса Пастернака». ¹⁴

¹⁴ Цитируется по: <http://www.vavilon.ru/metatext/ps6/shulman4.html>

В стихотворении, опубликованном в известном эмигрантском журнале «Воздушные пути» (1961 год, № 2), издававшемся в Нью-Йорке, Набоков несколько изменил формулировку:

* * *

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей?

О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полном изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться

Михаил Шульман в книге «Набоков, писатель», на наш взгляд, достаточно убедительно разъясняет позицию Набокова, которому «должна была быть нестерпимой существенная присадка *идеологии* в романе. **Стать "идейным водолеем", то есть вступить на ненавистный путь "Литературы Больших Идей", обозначает для Набокова отход от истинного разграничения мира - не по плоскости, а по вертикали.** [...] Существо "блаженного большевизма" Пастернака, конечно же, неважно Набокову [...] Неверно само размещение вопроса в политической плоскости, сколь угодно гуманистически и христиански его ни разрешай».¹⁵

В других своих высказываниях, в частности, в Постскриптуме к русскому изданию «Лолиты», датированном 7-м ноября¹⁶ 1965 года, Набоков акцентирует эстетическую ущербность сочинения Пастернака: «Зарубежные же русские запоем читают советские романы, увлекаясь [...] лирическим доктором с лубочно-мистическими позывами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской...»¹⁷

В данных заметках мы говорим об образе (всегда живом и конкретном), и с этой точки зрения запоздалые признания Ларисы Фёдоровны («Меня преждевременно, преступно рано сделали женщиной...») художественно

на мраморе моей руки.

1959, Сан-Ремо

¹⁵ Михаил Шульман. Набоков, писатель // Постскриптум: Литературный журнал. Под редакцией В. Аллоя, Т.Вольтской и С.Лурье. Вып. 1 (6), 1997. - СПб.: Феникс, 1997, с.235-311.

Мы цитируем по электронной версии:

<http://www.vavilon.ru/metatext/ps6/shulman4.html#com34>

¹⁶ Вряд ли эта дата – годовщина Октябрьского переворота и день очередного празднования «Великой октябрьской социалистической революции» в СССР – случайное совпадение у Набокова, великого мастера значимых случайностей.

¹⁷ Цитируем по: <http://lib.ru/NABOKOW/lolita.txt>. Как и в случае с оксюморонами «блаженный большевик», Набоков намеренно использует «аллигаторскую аллитерацию» «чаровница из Чарской», которая, впрочем, ничуть бы не обидела Б. Л. Пастернака, смиренно признававшего, что «нарочно пишет почти как Чарская», ибо хочет, чтобы его роман читался «взахлёб любым человеком» (комментарии к роману, с. 659).

наивны рядом с «откровенно и неимоверно брюхатой» Лолитой «в коричневом бумажном платье без рукавов и войлочных шлёпанцах». Образ «бледной, брюхатой, невозвратимой Долли Скиллер», как и «соборный звон из городка, глубоко в долине», названы автором (в предисловии к американскому изданию) в числе «любимых мест», «заветных закоулочков», «тайных точек» «Лолиты». «Соборный звон» в данном случае вовсе не звон церковных колоколов, а хор детских голосов: «Мелодия, которую я слышал, составлялась из звуков играющих детей, только из них ... Стоя на высоком скате, я не мог наслушаться этой музыкальной вибрации, этих вспышек отдельных возгласов на фоне ровного рокотания, и тогда-то мне стало ясно, что пронзительно-безнадежный ужас состоит не в том, что Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре».

III. Арсений Тарковский. Первая гроза (1967)
 Лиловая в Крыму и белая в Париже,
В Москве моя весна скромней и сердцу ближе,
Как девочка в слезах. А вор в дождевике
Под дождь – из булочной с бумажкой в кулаке,
Но там, где туфелькой скользнула изумрудной,
Беречься ни к чему и плакать безрассудно,
По лужам облака проходят косяком,
Павлиньи радуги плывут под каблуком,
И девочка бежит по гребню светотени
(А это жизнь моя) в зелёном по колени,
Авоськой машучи, по лестнице винтом,
И город весь внизу, и гром – за нею в дом...

Название «Первая гроза» -- ключ к стихотворению, центральный образ которого – девочка, убегаящая от дождя (толчок к движению текста даёт сравнение: «В Москве моя весна...как девочка в слезах»), она же – весна «в зелёном по колени» и изумрудных туфельках. Московская весна скромней южных (лиловых и белых) вёсен, но ближе сердцу поэта – «как девочка в слезах». Сам же образ плачущей девочки рождается в тексте из конкретной

бытовой зарисовки: воспользовавшись всеобщей суматохой (дождь хлынул неожиданно), жулик стянул денежку (бумажку) и бросился наутёк:

А вор в дождевике

Под дождь – из булочной с бумажкой в кулаке...

Девочка плачет, потому что у неё в магазине украли деньги, однако дальнейшие слова («Но там, где туфелькой скользнула изумрудной, // Беречься ни к чему и плакать безрассудно...») обращены не столько к плачущему ребёнку, сколько к самому себе:

Но там, где туфелькой скользнула изумрудной,

Беречься ни к чему и плакать безрассудно...

Поэту «ни к чему беречься» (от жизни), а девочке «безрассудно плакать» (всё пройдёт), когда – весна («туфелькой скользнула изумрудной») и «по лужам облака проходят косяком, // павлиньи радуги плывут под каблуком...»

Следующие строки – кульминация стихотворения:

И девочка бежит по гребню светотени

(А это жизнь моя) в зелёном по колени...

«Весна» и «девочка» сливаются в один образ, чтобы обрести последнее и окончательное имя: «жизнь моя» (жизнь поэта).

Стихотворение Тарковского воспринимается как предельно динамичное, что соответствует теме: неожиданно разразившаяся первая весенняя гроза. Внутреннее движение текста – в смене **цветовых** и **световых** образов (чередующихся как согласные «ц» и «с» в соответствующих словах): «**лиловая** в Крыму и **белая** в Париже» (цвет), «девочка в **слезах**», «вор **под дождь**» (свет), «туфелькой коснулась **изумрудной**» (цвет), «**по лужам облака** проходят косяком» (цвет и свет – белые облака и синее после грозы небо в прозрачной луже). В строке с «тавтологическим» эпитетом «**павлиньи** радуги» цвет

концентрируется, чтобы в двух последующих (кульминационных) обернуться **светотенью** («И девочка бежит по гребню светотени...») «Гребень светотени» -- неуловимая и постоянно перемещающаяся полоса, где свет и тень переходят друг в друга, перемешиваются. Жизнь поэта проходит (бежит) на (по) этой неуловимой грани меж светом и тенью, как в стихотворении Тарковского «Бабочка в госпитальном саду» (1945):

Из тени в свет перелетая,

Она сама и тень и свет,

Где родилась она такая,

Почти лишённая примет?

Она летает, приседая,

Она, должно быть, из Китая,

Здесь на неё похожих нет...

...

А имя бабочки – рисунок,

Нельзя произнести его,

И для чего ей быть в покое?

...

Пожалуйста, не улетай,

О госпожа моя, в Китай!

Не надо, не ищи Китая,

Из тени в свет перелетая.

Душа, зачем тебе Китай?

О госпожа моя цветная,

Пожалуйста, не улетай! (с. 81)

В поэтическом мире Тарковского также как и у Набокова, бабочка – вестница, знак иной, высшей реальности, здесь же она прямо названа «душой». (Как установил А. В. Леденёв, маршрут путешествия Г. Г. с Лолитой по США, если его изобразить на карте, своими очертаниями напоминает бабочку – ещё одно авторское указание на истинную героиню «двусмысленного» текста¹⁸.)

¹⁸ «...внешний рисунок движения Гумберта и Лолиты ... пунктирно воспроизводит образ

Зелёный цвет (и его оттенки), классический цвет весны и жизни, у Тарковского всегда связан с положительной эмоциональной гаммой, вот лишь несколько примеров:

Дышит мята в каждом слове
И от головы до пят
Шарики **зелёной** крови
В капиллярах шебуршат.
(«Струнам счёт ведут на лире...», с. 295)

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зелёный, изумрудный,
Стоит передо мной.
(«Был домик в три оконца...», с. 327)

-- Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь в **зелёном** венце.
(«Влажной землёй из окна потянуло...», с. 334)

Цветовой эпитет «лиловая» («лиловая в Крыму»), открывающий стихотворение «Первая гроза», снова возвращает нас к программному тексту Пастернака из «Сестры моей жизни», где тоже речь о весеннем дожде¹⁹:

Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе

распахнувшей крылья бабочки. Эта ассоциативная переключка поддержана мотивами «неровности», петляний и отклонений, порхающей нестабильности движения» (Леденёв, 2003: с. 10).

¹⁹ Не думаем, что в тексте Тарковского прямое заимствование или скрытый диалог (цитация). Вероятно, если исключить случайные совпадения, дело в общем силовом поле русской поэзии и памяти жанра.

Расшиблась **весенним дождём** обо всех,
Но люди в бредоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Беспорно, беспорно смешон твой резон,
Что в грозу **лиловы глаза и газоны**
И пахнет сырой резедой горизонт (с. 58).

В «Докторе Живаго», где главная героиня, Лара, названа девочкой, жизнью и сестрой, лиловый цвет появляется в сцене смерти Юрия в трамвае от удущья, во время грозы в конце августа: «В это **жаркое утро** в набитом битком трамвае было **тесно и душно**. Над толпой ... ползла, всё выше к небу подымавшаяся, **чёрно-лиловая туча. Надвигалась гроза**. [Юрий Андреевич, сидя в битком набитом трамвае, который не столько едет, сколько стоит, «волей-неволей глазеет на идущих и едущих» и видит «**даму в сиреновом, старомодном платье**», не подозревая, что это его знакомая – мадемуазель Флери из Мелюзеева, где Живаго служил в госпитале и встретил Лару, ставшую сестрой милосердия. Далее платье мадемуазель называется «лиловым». – Н. Б.] Сверкнула молния, раскатился гром. **Дама в лиловом** появилась ... в раме окна, миновала трамвай, стала удаляться. **Первые капли дождя** упали на тротуар и мостовую, на даму. ... Доктор почувствовал приступ обессиляющей дурноты.

[Вокруг умершего собирается толпа.] Подошла к группе и **дама в лиловом**, постояла, посмотрела на мёртвого, послушала разговоры и пошла дальше...» (с. 483-485)

Так «лиловые глаза и газоны» молодого Пастернака, назвавшего жизнь своей сестрой, обернулись (откликнулись) лиловой смертью героя его романа. (Романа с жизнью? Дальним эхом слышится : «Я кончился, а ты жива...»)

Лиловый – это и один из смысловых цветов «Лолиты», фонетическое эхо фиалкового имени героини²⁰.

²⁰ Более подробно см. об этом в статье С. Сендеровича и Елены Шварц, с.3, 4 («лиловая и

В стихах и прозе Набокова Россия окрашена в лиловый и серый²¹, а последней реальной Россией писателя был как раз Крым, где, по слову Тарковского, «лиловая весна».

Образ «девочки-жизни» встречается и в других текстах Тарковского. Вот стихотворение «Ранняя весна» (1958):

**Эй, в чёрном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь какая:**
Расселась – ноги вниз – на Каменном мосту
И первых ласточек бросаешь в пустоту.

Девчонки-писанки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами жёлтыми в русалочьих руках (с. 178).

Обращение «мать» так не соответствует зрительному образу (ребячливому, девчачьему), что во второй строфе вполне закономерно появляются реальные девчонки, а в деталях их группового портрета узнаваемы приметы конкретного исторического времени (конца 50-х годов). Весеннее стихотворение с мажорным началом неожиданно заканчивается образом мёртвого подземного города, где «нет ни времени, ни смерти, ни апреля //...там дышит ровное забвение без хмеля», а находится этот «огромный базилевс» тут же – стоит лишь спуститься в метро.

Стихотворение «Малютка-жизнь» (1958) можно назвать поэтической декларацией Тарковского, в которой афористически ёмко выражена его человеческая и творческая позиция:

чёрная Гумбрия» и эпизод с «фиалкапюльями», лилово-синими снотворными пилюлями для Лолиты).

²¹ См., например, стихотворение «С серого Севера», написанного вскоре после выхода русской Лолиты и под впечатлением фотографий, сделанных сестрой Набокова Е.В. Сикорской, которая побывала в дорогах для Набоковых местах.

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольников с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня - не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день - с иголкою в гортани.

А! этот сон! **Малютка жизнь, дыши,**
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

В первой строке при помощи наглядного, даже по бытовому сниженного сравнения («бьюсь и гнусь, как язь в руке у рыболова»), передана мучительность (но и неизбежность) творческого процесса. В следующей строфе поэт сам обозначает своё место в мире: не ниже и не выше («но я не рыба и не рыболов»), а среди людей («И я из обитателей углов, // Похожий на Раскольников с виду...»). Интересно, что «обида», понятие отвлечённое, сравнивается со скрипкой. «Одиноким голос скрипки в пустоте», -- так однажды отозвался о «Приглашении на казнь» сам автор. После вдохновенного, даже немного злого (назло) гимна жизни, когда поёшь «с иголкою в гортани», следует призыв-обращение к собственной, тающей с каждым днём жизни: «Малютка-жизнь, дыши // Возьми мои последние гроши...» Но какие же «гроши» у поэта? Только слова, только песни – они-то и должны удерживать от

падения «вниз головой // В пространство мировое, шаровое».

Отметим, что во всех трёх упомянутых выше стихотворениях Тарковского задана пространственная перспектива: «и город весь внизу» (финал «Первой грозы»), «Расселась – ноги вниз – на Каменном мосту // И первых ласточек бросаешь в пустоту» (начало «Ранней весны»), «пространство мировое, шаровое» (последняя строка «Малютки-жизни»). Если в первых двух текстах земной пейзаж (точнее его элементы) дан с высоты птичьего полёта, то в последнем это уже взгляд из космоса, именно поэтому обращение «Малютка-жизнь, дыши!» воспринимается как призыв к той самой Жизни, которая изначально не имеет определения.

Заметим, что образ враждебного мирового пространства из стихотворения Тарковского близок к тому, что явлен в первой строке набоковских «Других берегов»: **«Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь -- только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями.** Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, в которую летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час...»

В позднем стихотворении «Меркнет зрение – сила моя...» (1978) Тарковский увидит свою жизнь – жизнь поэта – через более традиционный образ: «Я свеча, я сгорел на пиру...» Напомним, что один из вариантов заглавий романа Пастернака – «Свеча горела». Жизнь Поэта сгорает на пиру жизни, но «если бы нельзя было... надеяться и верить, что слово – действительно, что, побуждённое жизнью, оно само побуждает жизнь истинную, замерло бы наше старинное ремесло...» (Андрей Битов, 2002: с. 375)

Одна цитата -- вместо заключения. Ф. М. Достоевский. «Сон смешного человека» (1877):

«Я смешной человек. [...] ...я узнал истину. Истину я узнал в прошлом ноябре, и именно третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение мое помню. Это было в мрачный, самый мрачный вечер, какой только может быть. Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные

пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя. [...]

И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка. Улица уже была пуста, и никого почти не было. [...] Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать. [...] Но я не пошел за ней, и, напротив, у меня явилась вдруг мысль прогнать ее. [...] Но она вдруг сложила ручки и, всхлипывая, задыхаясь, все бежала сбоку и не покидала меня. Вот тогда-то я топнул на нее и крикнул. [...]

...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. [...] как мне не верить: я видел истину, -- не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ*²² ее наполнил душу мою навеки.

А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!»

本論文於 2009 年 4 月 14 日到稿，2009 年 6 月 9 日通過審查。

²² Разрядка в тексте Ф. М. Достоевского

Литература

- Битов А. Г. Пятое измерение. На границе времени и пространства. -- М.: Издательство «Независимая газета», 2002.
- Жолковский А. К. «О заглавном тропе книги «Сестра моя – жизнь»
<http://www-rcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/ses.html>
- Леденёв А. В. "Географическая" образность в романе В. Набокова "Лолита" // Крымский Набоковский научный сборник. Вып.3: Проблемы синтеза в культуре. -- Симферополь: Крымский Архив, 2003, с.5 – 15.
- Леденёв А. В. Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. Москва – Ярославль, 2004.
- Набоков В. В. «Лолита» -- <http://lib.ru/NABOKOW/lolita.txt>
- Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1988.
- Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Т. 3. Доктор Живаго. – М.: Худож. Лит., 1990.
- Сендерович Савелий, Шварц Елена. «Лолита»: по ту сторону порнографии и морализма // Литературное обозрение, 2001, № 1.
- Тарковский А. А. Благословенный свет: Избранные стихотворения. – СПб.: Северо-Запад, 1993.
- Шульман Михаил. Набоков, писатель // Постскрипtum: Литературный журнал. Под редакцией В.Аллоя, Т.Вольтской и С.Лурье. Вып. 1 (6), 1997. -- СПб.: Феникс, 1997, с. 235-311. Мы цитируем по электронной версии:
<http://www.vavilon.ru/metatext/ps6/shulman4.html#com34>
- Эткинд Александр. Авторство под луной: Пастернак и Набоков // Эткинд Александр. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение, 2001, с. 316-415.

МЕДИА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

王復生/ Fu-son Wang

中國文化大學俄國語文學系 博士班

Department of Russian Language and Literature, Chinese Culture University

【摘要】

而現今俄羅斯文學有著傳統文章和網路文學的形式,在當代俄羅斯文學作家中大多會使用網路成爲個人意識形態的抒發窗口,這種現象也成爲俄羅斯網路文學的迅速崛起效用,但這種效用是否真能表現事實?而對這種後現代思想文章的結論是否適合網路文學的目的?還是另有目的?

【關鍵詞】

俄羅斯網路文學, 俄羅斯網站, 俄羅斯電子媒體, 俄羅斯部落格

【Abstract】

Literature in contemporary Russia exists both in its traditional paper and electronic format. The contemporary author in Russia explores various opinions on the significance of the on-line literature existing currently in Russia as well as its chief effect. Yet this effect makes the idea of reality questionable. Is the article's general conclusion that on-line literature fits nicely the premises of the postmodern Or is there any another purpose to going on?

【Keywords】

Russia internet literature, Russia website, Russia electric media, Russia blog

Быстрый рост популярности электронных СМИ и интернета заставляет пересмотреть традиционные критерии литературного творчества и самой литературы. Важнейшим фактом современной культуры стало появление «электронной» версии литературного творчества, существующей параллельно с собственно письменными текстами. Сегодня наша жизнь немислима без масс-медиа. Средства массовой коммуникации, к которым в последнее время относится и Интернет, прочно вошли в нашу жизнь. Практически все сферы жизнедеятельности человека сейчас тесно переплетены с масс-медиа и уже не способны функционировать, не будучи опосредованы медиакоммуникациями.

Как же определяет современная лингвистика термин "масс-медиа"? Простейшим, но и наиболее точным представляется определение В.Л. Музыканта: "Масс-медиа - это средства массовой информации; рекламные агентства и службы PR чаще всего контактируют с четырьмя основными средствами массовой информации: газетами, журналами, радио и телевидением".

Если до недавнего времени Интернет можно было назвать инструментом этих видов средств массовой информации, то сейчас он является самостоятельным компонентом масс-медийной системы.

Актуальность исследования данной темы имеет особую значимость для России, в которой формируется информационное общество и в которой, подобно развитым странам Запада, разворачиваются разнообразные информационные войны.

Современные глобальные тенденции в области коммуникации показывают наличие весьма отличных от прошлого новых результатов, получаемых благодаря использованию современных телекоммуникационных и компьютерных технологий.

Возникает вопрос: сведена ли деятельность масс-медиа только к информированию, или она осуществляет более значимые функции, например,

эстетические и воспитательные функции, которые являются главными в литературе?

Насколько велика роль медиа в обществе, в формировании общественного сознания, в воспитании эстетического вкуса, литературных пристрастий? На этот вопрос предстоит ответить современным литературоведам и литературным критикам.

Тема исследования роли и значимости медиа кажется уже вечной. Однако двухстороннее влияние и взаимодействие в настоящее время набирает обороты. Масс-медиа становятся не только средством выражения определённых взглядов и идей, но и на данном этапе являются манипулятором человеческого сознания.

Каким образом это происходит? Новостные ленты, репортажи о происходящих сейчас в России событиях (разного рода и характера), популярные политические деятели, представители шоу-бизнеса, бизнесмены и т.д. - все это моментально становится соответственно сюжетом, темой и идеей, персонажами и героями современной российской прозы. Художественный вымысел авторов так тесно переплетается с реальной действительностью, что уже перестаешь понимать, где же правда.

Несомненно, что огромное влияние на человека оказывают социальные и культурные условия, в которых он воспитывается и живёт. Одну из главных ролей играет литература, как средство духовного развития человека. Русская классическая литература является уже мировым богатством. Но именно русские люди, выросшие на произведениях А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, поэтов Серебряного века, сейчас оказались в литературном вакууме. "Благодаря" динамично развивающейся "сетевой" литературе на современном российском литературном поприще царит хаос. Пишут все и обо всём. Складывается впечатление, что пишущих больше, чем читающих.

Говоря о влиянии СМИ на литературу, необходимо учитывать принципиальное отличие электронного текста и тем более образа от текста рукописного и даже печатного. Вот как описывает различие между ними проф. В.В. Малявин: «Медиатехнологии дают повод думать, что факты нынче «фабрикуются», хотя и в ином, чем прежде, смысле: если раньше исторические события представляли в крайне малочисленных, часто «единственно верных» образах-образцах, которые в этом качестве были атрибутом власти и выдавались за слепок реальности, то сегодня благодаря телекоммуникационным сетям эти образы, наподобие некой виртуальной плесени, безудержно множатся, заполняя весь мир. Телекартинка подчинена законам электронной интерактивности как феноменологически (бинарная логика кибернетики), так и эмпирически: телеэкран, который одновременно дает и не дает видеть, всегда предъявляет совместность образов, даже взаимоисключающих, и в конечном счете – самоотрицание как сущностное свойство виртуального изображения. Электронная эра возвещает пришествие *нормативности безвластия*, ближайшим прообразом которой является спонтанность истории (вспомним одержимость «новостями» в современном мире)».(В.В Малявин, 2008,

Вопрос, конечно, в том, есть ли качественное различие между «единичными» и, следовательно, принципиально оригинальными произведениями и онлайн-литературой, в которой мир понятий и идей разлагается в образы динамической и потому не вмещающейся в образы реальности. Второй проблематичный момент, касающийся сетевой литературы, относится к проблеме посредования, обмена как такового, что и составляет сущность медиа-пространства. Ценность сетевой литературы, совсем как в рекламе и прочих медиа-продуктах, состоит именно в броскости или, говоря шире, коммуникативности содержания, а не, говоря традиционным языком, «предметного содержания». Это означает, что единственным мерилем ценности сетевых продуктов является их коммерческая стоимость на рынке товаров и услуг. Эта литература есть товар в его наиболее чистом виде и разделяет все

качества рыночных отношений и в первую очередь – профанный характер рыночной стоимости вообще.

Приведенное выше высказывание В.В. Малявина позволяет предположить, тем не менее, что и пришествие эры электронных медиа не устраняет этической проблемы в человеческой жизни и даже, вероятно, многократно обостряет ее. Если медийный образ изначально заключает в себе свое отрицание, человек оказывается поставленным перед необходимостью дать моральное решение этой дилеммы. Более того, представление обмена и его внутренних противоречий в самоотрицательной природе медийных смыслов обнажает глубинные корни человеческого сознания, которое формируется через встречу с «иным». Другими словами, личная и даже национальная идентичность сегодня не могут не включать свою инаковость, иное видение мира. Точка коммуникации, формирующая глобализованное виртуальное пространство, предстает как серьезнейшее испытание нравственных качеств современного человека. Это утверждение может показаться очень далеким от актуальной практики сетевой литературы, питающейся страстью к развлечениям и скандалам, но рано или поздно осознание моральной значимости онлайн-коммуникации неизбежно потребует от ее «пользователей» надлежащего ответа.

Спор о существовании "сетевой" литературы и её отличиях от Литературы с большой буквы завершится еще нескоро. Но уже сейчас, наблюдая за разными авторами, мы видим, что публикации в Сети и признание в онлайн-обычно являются лишь первой ступенью на пути к офлайн-журналам и издательствам, а уже следующим шагом будет стремление «ворваться» в большую литературу. Как же это просходит?

Современная российская литература знает немало историй, когда автор начинал свою карьеру в онлайн. Чего стоит хотя бы автор бестселлера «Духless» Сергей Минаев – он долгое время публиковал записи у себя в блоге. В своем интервью он отмечает: «Для меня важно было сохранить разговорность,

то условие, при котором ты можешь что-то рассказать и своему другу, живущему в хрущевке, и олигарху-лайт, и им будет одинаково интересно. Ну и, конечно, это следствие «правила одного окна» - интернет-школа. В Сети у тебя есть один, максимум два экрана текста, и ты должен удержать читателя. Если будешь растекаться на 18 страниц, тебя просто никто читать не будет. Если бы я был отягощен литобразованием, я бы писал эти никому не нужные талмуды, как Дима Быков. Проблема современных писателей вообще в том, что, как ни парадоксально, их писания с жизнью ничего общего не имеют. Мне же, наоборот, кажется, что очень важно описать, как зубочистка в лимон втыкается или как выглядит мобильный телефон. Поэтому кроме Пелевина и Сорокина я никого читать толком и не могу.

Многие другие авторы предпочитают пойти по более известному пути - принимать участие в литературных конкурсах. Как говорит писатель Владимир Лорченков, «чем больше существует премий, тем выше вероятность у автора засветиться. А главное - именно это, а не денежное вознаграждение». Во время работы в «Комсомольской правде» у него появилась своя страничка, куда он время от времени выкладывал тексты. На сайте было некоторое количество постоянных читателей, его тексты отмечали в премии сетевого журнала «Русский переплет», но совершенно другой уровень открылся для Владимира после победы в конкурсе «Дебют». Тогда его напечатали в коллективном сборнике победителей «Дебюта», а затем вышла и отдельная книга повестей «Усадьба сумасшедших». Вот яркий пример взаимодействия литературы и средств массовой информации. Владимир Лорченков вообще никакой «сетевой литературы» не признает: «Разделения литературы не существует. Что такое так называемая «сетевая литература»? Литература, которая печатается не на привычном носителе (книга), а в Интернете. Книга, написанная в тетради, не перестает быть книгой. Соответственно, я – обычный литератор (других не бывает). Интернет – всего лишь место, где можно вывесить книгу. Носитель. Место хранения.

Иное мнение у писателя Дмитрия Новикова. Он признает существование сетевой литературы, но тоже говорит о том, что это лишь ступень на пути к

покорению офлайна. Он говорит: «Интернет, как плацдарм, как возможность первый раз громко и испуганно заявить о себе, этот инструмент очень хорош. Другой вопрос, что, напитавшись кровью сетевого сообщества, незачем останавливаться – нужно карабкаться и на бумажные вершины. Они круче и сложнее, знаю по себе. Но разделять ничего не нужно. Гораздо лучше, когда получается какое-нибудь совместное чудесное дело – «Журнальный зал», например. Правда, получилось так, что в современной сетевой литературе удалось встретить меньше замечательных писателей – пожалуй, лишь Дмитрия Горчева могу назвать без всяких скидок. В офлайновой их собралось побольше – Захар Прилепин, Роман Сенчин, Илья Кочергин, Ирина Мамаева, Денис Гуцко, Герман Садуллаев». Дмитрий Новиков родом из Петрозаводска, там и живет. Свои тексты публиковал на своей страничке. Большой неожиданностью для него стала награда в номинации «За новаторское развитие отечественных культурных традиций» новой Пушкинской премии. Об этом ему лично сообщил известный литературовед Андрей Битов, руководитель конкурса. Наиболее известные произведения Дмитрия Новикова - «Танго карельского перешейка», «Муха в янтаре», «Вожделение». Где бы ни начинал публиковаться автор – в Интернете или в журналах, участвовать в литературных премиях и конкурсах для него совершенно несложно, уверен Владимир Лорченков: «Если ты писатель, то все равно будешь писать. А если тебе за это еще что-то дают, так это же прекрасно. Можно представить, что тебе дали премию за то, что дышишь. Разве плохо? А писатель не может не писать, как остальные не могут не дышать».

Можно предположить, что процесс перехода российской "сетевой" литературы в Литературу окажется длительным, и только время определит ценность или, напротив, абсолютную бесполезность последних медийных литературных "шедевров". Анализ основных особенностей сетевой литературы показывает, что мы имеем дело с культурным явлением конгениальным современной форме капитализма, технической основой которого стали информационные технологии. При всем своеобразии этих новых форм литературы, они не отменяют морального измерения литературного творчества,

но облачают его в новые формы. В любом случае медийной литературе предстоит серьезное испытание: либо она повзрослеет и обретет моральное измерение, либо откатится на положение маргинальной детской забавы.

本論文於 2008 年 11 月 8 日到稿，2009 年 10 月 27 日通過審查。

Список использованной литературы

- Багиров Э.Г., Борецкий Р.А., Юровский А.Я. Основы телевизионной журналистики. Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Воронцова Ю. А. Прагматическое воздействие текстов СМИ //Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи. СПб, 2005.
- Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин, 1994.
- Малявин В.В. Фантомы истории, история фантомов. – Русский Журнал, 2008. 8.11. <http://russ.ru/>
- Муратов С.А. Телевизионное общение в кадре и за кадром. М., 2003.
- Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды (под. ред. Д.Э. Розенталя). М., Изд-во Моск. ун-та, 1980.